

УДК 37.014
ББК 76.02

РОЛЬ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА (на материале «Российской газеты»)

Т. А. Абрамовских

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В современном обществе в течение двух десятилетий вопросы инклюзивного образования становятся по-настоящему актуальными. Инклюзивное образование — признанный на международном уровне инструмент реализации права каждого человека на образование. Введение инклюзивного образования в образовательную деятельность всех типов российских школ порождает большое количество рисков и проблем. Реализация инклюзивного образования в современной России станет возможной при условии изменения общественных взглядов на систему воспитания в семье, в образовательных организациях — вплоть до системы общественных взаимоотношений, частью которой являются СМИ. В данной статье сделана попытка определения роли СМИ в формировании инклюзивной культуры, под которой мы понимаем ценности, знания об инклюзивном образовании; уникальный микроклимат доверия, способствующий развитию взаимозависимых отношений семьи и школы, позволяющих избежать конфликтных ситуаций. Автор анализирует публикации об инклюзивном образовании «Российской газеты», предлагает свой субъективный взгляд на подходы к освещению инклюзии в системе общего образования. Статьи, с точки зрения автора, должны быть полемичны, журналист выступает в роли социального модератора. Только такой подход будет иметь наибольший эффект в формировании инклюзивной культуры общества.

Ключевые слова: *инклюзия, инклюзивное образование, инклюзивная культура, дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), средства массовой информации (СМИ), социальная модерация, «Российская газета».*

Общего у людей только одно: они все разные.
Роберт Зенд

Духовно-нравственное состояние общества зависит от того, как воспринимается и какое место в нем занимает человек с ограниченными возможностями здоровья. По сути, речь идет о нравственных основах жизни общества, фактором укрепления которых является инклюзивное образование как результат развития идей гуманизма. Инклюзивное образование — подход, в центре которого находится ребенок и его разнообразные образовательные потребности, признанный на международном уровне инструмент реализации права каждого человека на образование, зафиксированного во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., в Конвенции ООН о правах инвалидов в 2006 г., в ФЗ-273 «Об образовании в РФ». Закон «Об образовании в РФ» трактует инклюзивное образование как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [10].

Термин «инклюзивное образование» был предложен ЮНЕСКО в дополнение к термину «инте-

грированное образование». ЮНЕСКО понимает инклюзию как позитивную реакцию на разнообразие учащихся и восприятие их индивидуальных отличий не как проблемы, а как возможность обогатить учение. Инклюзия — это процесс интеграции детей в общеобразовательный процесс независимо от их половой, этнической и религиозной принадлежности, прежних учебных достижений, состояния здоровья, уровня развития, социально-экономического статуса родителей и других различий. Инклюзивное образование предполагает совместное обучение и доступность качественного образования для всех на основе создания образовательного пространства, соответствующего различным потребностям всех детей. В международной практике старый термин «интегрированное образование», описывающий данный процесс только в отношении детей с особенностями психофизического развития, был заменен термином «инклюзивное образование», трактующим данный процесс в отношении всех детей. Он основывается на исключительности

и уникальности человеческой личности, ее праве на достойную жизнь независимо от физического состояния, праве владеть всеми ценностями и достижениями современной цивилизации. В условиях развития инклюзивных процессов в общем образовании, появления новых требований к образовательному процессу деятельность массовой школы существенно усложняется. В ситуации введения инклюзии в систему общего образования педагоги, родители, обучающиеся нуждаются в организации психологической поддержки, совместном анализе профессионального и социального опыта, конкретного случая, в отработке негативных эмоций. Необходимо также формирование мотивационных механизмов у участников образовательного процесса в условиях инклюзивного образования. Однако глубоких исследований по введению инклюзивного образования в массовую школу на современном этапе недостаточно, они, как правило, ограничиваются отдельными статьями. Интересна в этом отношении работа профессора Н. М. Назаровой «Системные риски развития инклюзивного и специального образования в современных условиях» [9]. Автор рассматривает некоторые риски введения инклюзивного образования, а также высказывает свои предположения о возможных путях их снижения. Попытки вдумчивого и серьезного отношения к новой гуманистической парадигме также единичны. Можно назвать Челябинский государственный университет, который в 2014 г. получил статус федеральной инновационной площадки по проекту «Инновационная модель инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательной организации высшего образования». ЧелГУ признан методическим центром России по образованию инвалидов [3]. Достоянием внимания является работа Института проблем инклюзивного образования МГППУ (г. Москва), обобщенный опыт которого представлен в сборнике статей «Инклюзивное образование» [7]. В книге затрагиваются вопросы, касающиеся различных аспектов инклюзивного образования в российской школе с практическими материалами.

В странах Запада, благодаря целенаправленной работе средств массовой информации (СМИ), в общественном сознании укоренилась идея равенства прав людей, независимо от состояния их здоровья и уровня развития. В России, где для средств массовой информации в советский период существовало негласное табу на освещение

проблем инвалидов, в сознании людей надолго закрепилось определенное отношение к детям с особенностями — категория населения без возможностей и перспективы жизненного развития. В постсоветские десятилетия формировался несколько иной подход — отношение к инвалидам как к людям, имеющим все права на самореализацию, но заведомо слабым, беспомощным. Оба подхода непродуктивны для решения проблемы обучения и развития детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в массовой школе. В связи с этим введение инклюзивного образования в образовательную деятельность всех типов российских школ порождает большое количество рисков и проблем. Насколько реально в сегодняшней России в существующих условиях реализовать идеи инклюзивного образования, и какую роль в этом могут сыграть печатные СМИ? В 2014 г. в Москве прошел городской научно-практический семинар «Технологии инклюзивной культуры в образовательной организации» [4]. Состоялся актуальный и очень важный разговор, однако он ограничился только профессиональным сообществом. Думается, не менее важно формировать инклюзивную культуру в обществе в целом. Существуют разные трактовки понятия «инклюзивная культура». В своей статье вслед за Н. В. Старовойт мы рассматриваем инклюзивную культуру как: 1) особую философию, согласно которой ценности, знания об инклюзивном образовании и ответственность приняты и разделены между всеми участниками данного процесса; 2) уникальный микроклимат доверия, способствующий развитию взаимозависимых отношений семьи и школы, позволяющих избежать конфликтных ситуаций и нанести потенциальный вред каждому участнику процесса; 3) фундаментальную основу для создания культуры инклюзивного общества, в котором многообразие потребностей приветствуется, поддерживается, аккумулируется обществом, обеспечивая возможность достижения высоких результатов в соответствии с целями инклюзивного образования и обеспечивая сохранность, принятие, сотрудничество и стимулирование непрерывного совершенствования педагогического сообщества и общества в целом [13]. В связи с этим нужно уметь вести прямой разговор не только с педагогами, но и с родителями учащихся, с самими детьми. Успех внедрения инклюзивного образования может быть обеспечен в том числе и просветительской деятельностью как среди родите-

лей, так и среди учеников. Таким образом, реализация инклюзивного образования в современной России станет возможной при условии изменения общественных взглядов на систему воспитания в семье, в образовательных организациях — вплоть до системы общественных взаимоотношений, частью которой являются СМИ.

Практику работы школ по введению инклюзивного образования можно отследить в ходе работы на курсах повышения квалификации педагогов и руководителей образовательных организаций. Пока повсеместно мы наблюдаем острое противоречие между правовой возможностью и существующей реальностью, которая в полной мере не готова к инклюзии. Думается, гармония может сложиться в результате длительной работы по духовно-нравственному развитию общества. Мы полагаем вслед за Н. А. Назаровой, что «другим не менее важным условием снижения рисков негативных сценариев развития специального и инклюзивного образования является отчетливое понимание того, что избранный сегодня вектор реформирования специального образования должен быть направлен не только на всю сферу образования, но на образовательное пространство в целом, включающее различные институты социализации, такие как семья, социум, средства массовой коммуникации, сфера культуры. Речь должна идти о государственном системно-синергетическом подходе к конструированию и реализации программы развития специального и инклюзивного образования» [9. С. 11].

В этом видится большая роль и ответственность средств массовой информации. Именно массовых, а не специальных профессиональных изданий, сайтов. В этой ситуации логично задать вопрос: как освещаются вопросы инклюзии в СМИ, каков уровень просветительской деятельности непрофессиональных СМИ в развитии инклюзивного сознания социума? Представим некоторые результаты своих исследований. Системное наблюдение за рядом печатных изданий показывает, что идея инклюзивного образования не стала актуальной темой для журналистов, освещающих вопросы общего образования, о чем мы уже писали в предыдущих работах [2]. Анализ информационного поля «Российской газеты» за 2015 г. и первое полугодие 2017 г. показал, что журналисты только дважды обращались к этой теме. Информация носила новостной характер: Ирина Ивойлова, федеральный выпуск № 6643 — целая полоса, на которой

мы видим ряд статей: «Игра вслепую», «ЕГЭ на больничной койке», «С широко открытыми глазами»; Дмитренко Ольга, Самара, № 7257 (91) — «За парту на равных». Ольга Дмитренко информирует читателей о создании на базе школы № 101 г. Самары специальной ресурсной комнаты. В статье обозначен один из вариантов создания в образовательной организации безбарьерной среды для детей с разными формами инвалидности и получения нового опыта обучения для педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Отмечается, что «в таком оборудовании очень нуждаются дети» [5]. Представлен очень позитивный опыт. Но возникает вопрос: а как быть школам (их большинство), которые не имеют возможности приобретения такого оборудования? Вряд ли в новостном формате можно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, но кратко зафиксировать факт понимания специалистами актуальности этого вопроса было бы уместно, и это придало бы даже краткой новостной заметке более выраженное социальное звучание. Ирина Ивойлова в своем материале свидетельствует о том, что из полумиллиона детей-инвалидов в России 134 тыс. учатся в обычных общеобразовательных школах. 140 тыс. детей с ОВЗ тоже посещают массовую школу. Число таких детей постоянно увеличивается. Журналист обозначает проблему: в общеобразовательных организациях дети с ОВЗ попадают в условия существующих государственных стандартов, итоговой аттестации, проводимой в единой форме. «Логика такая: раз ты числишься в обычной школе, должен учиться по стандартам, которые одинаковы для всех» [6]. Ирина обозначает проблемы инклюзии через реальные жизненные ситуации. А через историю уникального вуза в России — Российской специализированной академии искусств — автор показывает неограниченные творческие возможности детей-инвалидов. Картина оптимистична, но только в рамках одного мегаполиса и одного высшего учебного заведения. Как гарантирует власть введение инклюзивного образования и обеспечивает реализацию своих возможностей детей с ОВЗ и с особыми образовательными потребностями в малых городах, селах на разных уровнях системы общего образования?

В данных материалах очевидны определенные достижения осознания роли СМИ в решении вопроса введения инклюзивного образования, обозначены проблемы. Но в чем заключа-

ется не использованный пока потенциал эффективности СМИ как субъекта, способствующего оптимальному внедрению инклюзивного образования в систему общего образования? Ответить на последний вопрос отчасти позволяет анализ текста Ирины Ивойловой. Материал имеет положительные аспекты: есть реальные люди с реальными историями, что вызывает определенный интерес читателя; представлен обзор проблем и возможностей, которые порождены процессом введения инклюзивного образования. Однако в материале обозначены проблемы, но нет путей решения, нарушается логическая связь — сопоставляются несопоставимые сферы: система высшего специализированного образования и система общего образования. Журналист не обращается к профессиональным экспертам, которые могли бы прокомментировать или дать оценку обозначенным проблемам. Один из лучших медиаменеджеров России Юрий Пургин в беседе с главным редактором газеты «Казанские ведомости» Вероникой Якуповой говорит о миссии современных СМИ: *«Если мы не служим обществу в том или ином виде, то мы ему не нужны. Эта позиция сегодня только усиливается. Меняется модель массовой коммуникации. И нам мало быть вещателями или информаторами. Нужно встать в центр коммуникации, и ее организовывать. Следовательно, у нас гораздо больше обязанностей и с точки зрения налаживания общественного диалога, и с точки зрения реализации себя как медиа, которое зависит от общества. Социальное лидерство заключается в модерации каких-либо общественно важных дискуссий, и в освещении острых тем, и в проведении акций. При этом вовсе необязательно, что мы сами обо всем этом пишем. Пусть пишут наши читатели, а мы с удовольствием используем их контент»* [12].

В связи с этим для профессионального журналиста важен серьезный этап подготовки к написанию статьи по обозначенной проблеме. Необходимо самому погрузиться в эту тему: промониторить средства массовой информации, освещающие вопросы инклюзивного образования; составить ряд ключевых вопросов для полемики интервью, которое бы включало проблемы, подводные камни, связанные с каждым аспектом большой и актуальной темы инклюзии в современном образовании; попытаться ответить на сформулированные вопросы. В результате такой работы глубже анализируется проблема, бо-

лее содержательным становится материал, который приглашает читателя к обсуждению темы. В ходе обсуждения каждый формирует свою точку зрения на проблему, влияя таким образом на общественное мнение. Газета выступает в роли социального модератора. Юрий Пургин в выше названной беседе так определяет роль современной газеты: *«Современная газета — это уже не новости. Все новости, опубликованные в газете, устаревают на момент их подготовки. Мы сегодня “журнал жизни”, а это совсем другая история, другие принципы, другие подходы и формы, а на выходе — серьезное, глубокое чтение. Читать нас на бегу не получится, для этого существуют мобильники и бесплатные газеты. Газеты более серьезные, платные, должны иметь глубину, которую от них требуют читатели. Мое мнение — нас ждет ренессанс журналистики, потому что прессе придется стать лучше и серьезнее, чтобы быть востребованной»* [12].

Какие вопросы экспертам необходимо задать в рамках темы инклюзивного образования? Вопросы должны высветить наиболее значимые проблемы и противоречия сферы инклюзивного образования. Содержание примерного перечня вопросов, с нашей точки зрения, может выглядеть следующим образом:

1. Каковы нормативно-правовые, материально-технические, финансовые условия введения инклюзивного образования?
2. Как решается вопрос подготовки и переподготовки кадров, обеспечивающих обучение детей с ОВЗ?
3. Какова роль родителей в организации инклюзивного образования?
4. Как методически обеспечен образовательный процесс в условиях интеграции традиционного и коррекционного образования?
5. Насколько готово сегодня общество принять особые дети в общеобразовательные организации?

Попробуем кратко ответить на поставленные вопросы, отметив риски и проблемы, сопровождающие процесс введения инклюзивного образования, а также обозначить роль журналистики в выявлении и минимизации рисков и в решении проблем.

Главное в работе школы с инклюзивным образованием — раскрыть индивидуальность каждого ребенка. Для этого должны быть созданы специальные условия. С одной стороны, законода-

тельно закреплено нормативно-правовое обеспечение инклюзивного образования: закон «Об образовании в РФ» определяет сущность инклюзивного образования, возможности и специфику обучения детей с особыми образовательными потребностями и с ОВЗ; ФГОС НОО обучающихся с ОВЗ определяют требования к условиям, содержанию и результатам обучения детей с ОВЗ; установлены СанПиНы для обучения детей с ОВЗ.

С другой стороны, недостаточное финансирование системы образования создает ситуацию отсутствия финансовой возможности в полной мере реализовать требования к введению инклюзивного образования. В чем это проявляется на практике? Наполняемость классов в количестве 25 человек по требованиям СанПиНов не дает возможности эффективно осуществлять обучение по нескольким образовательным программам. Педагоги не всегда имеют возможность овладеть основами коррекционной педагогики и специальной психологии, поэтому не имеют представления об особенностях психофизического развития детей, методиках и технологиях организации образовательного и реабилитационного процесса. Материально-техническое оснащение многих образовательных организаций (особенно в селах) оставляет желать лучшего и создает риски введения инклюзии в образовании административным путем. Все эти проблемы и противоречия обязательно должны быть освещены на страницах массовых СМИ. Это шаг к диалогу с властью.

Рассмотрим социально-психологический аспект введения инклюзии: готовность участников образовательных отношений к введению инклюзивного образования. Школа обязана в соответствии с законом принять детей с разными потребностями и возможностями. Есть ФГОСы, образовательные программы, адаптированные образовательные программы, индивидуальные образовательные маршруты обучения, внеурочная деятельность и др. Однако по статистике только 52 % учителей начальных классов готовы принять в общеобразовательный класс детей с особыми потребностями и ОВЗ, а за инклюзивное обучение с 1-го по 11-й класс высказались только 29 % педагогов [8]. Это объясняется отсутствием должного уровня профессиональной компетентности, которая определяется требованиями профессиональных стандартов. Не сформированы психолого-педагогические компетенции, учителя не в полной мере используют современные образовательные технологии, не готовы оказать

адресную помощь обучающимся, не всегда используется вариативность обучения. Данные факты обозначают проблемы подготовки и переподготовки кадров. Пути решения этих проблем также необходимо освещать на страницах массовых изданий. При этом журналисты должны выступать модераторами дискуссий по злободневным аспектам данной тематики. В дискуссиях должны быть задействованы эксперты в области психологии, медицины, педагогики и, разумеется, учителя и родители. Полагаем, что только в сотрудничестве с родителями можно добиться результатов в обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями и особыми образовательными потребностями. Мы наблюдаем желание родителей обучать детей с ОВЗ в общеобразовательных организациях — это их конституционное право. Но нередко это желание не учитывает интересы детей, их личностные особенности и рекомендации специалистов. Это противоречие порождает конфликтные ситуации и психологический дискомфорт в детском и педагогическом коллективе. Квалифицированное, вдумчивое, многоаспектное обсуждение этой тематики в СМИ позволит предотвратить или, по крайней мере, нивелировать конфликты и психологические проблемы.

Теперь о готовности общества к принятию особых детей в общеобразовательные организации. «Когда в классе появляется ребенок, непохожий на остальных, — это уже камень преткновения для учеников и серьезное испытание для учителя. А если класс — новый, недружный, агрессивный сам по себе, а в нем предстоит учиться ребенку с явными отклонениями в здоровье, острота ситуации увеличивается многократно. Многим учителям приходилось оказываться в подобных обстоятельствах и справляться с ними чуть ли не в одиночку как сейчас, так и в доинклюзивную школьную эпоху», — так описывает свой опыт работы в условиях инклюзии Татьяна Полякова, заслуженный учитель РФ г. Ульяновска [11]. Такую ситуацию можно наблюдать почти в каждой современной российской школе. К сожалению, далеко не всем педагогам удается справиться достойно с данной проблемой. Так, как это смогла сделать Татьяна. Это происходит в силу разных причин, в том числе по причине отсутствия готовности всех участников образовательных отношений к введению инклюзии в систему общего образования. Инклюзия, на наш взгляд, может быть только в той социальной среде, которая готова к восприятию этой идеи. Социальная задача

СМИ — подготовить людей к этому восприятию. Журналистам, освещающим вопросы инклюзии, необходимо стремиться транслировать позитивный опыт, который приносит радость и пользу от общения и обучения всем: детям, родителям и педагогам; не бояться поднимать острые и неудобные проблемы для обсуждения; бывать в образовательных организациях и освещать выбранные темы глазами участников образовательных отношений. Задача СМИ как субъекта социальной модерации — не сформировать какое-то единое мнение аудитории относительно проблемы внедрения инклюзивного образования, а способствовать формированию каждым представителем аудитории своего взгляда на проблему. В этом случае взгляды представителей аудитории на тему инклюзии, даже будучи разными, иногда противоположными, — будут способствовать эффективному и менее болезненному внедрению инклюзивного образования. Немаловажным условием снижения рисков развития образования и дискредитации инклюзивного обучения является активная социальная и профессиональная позиция журналистов, освещающих вопросы общего образования в СМИ. Думается, в формировании инклюзивной культуры как фундаментальной основы культуры инклюзивного общества обоснованным будет использование журналистами нетрадиционных способов трансляции информации, в том числе сторителлинга, о котором мы писали ранее [1]. Технология рассказывания предполагает использование притч, содержащих поучение в иносказательной форме, но без морали, прямого наставления. Журналист дает право читателю извлекать (или не извлекать) из притчи мораль самому, следуя (или не следуя) наставлениям. В ка-

честве примера приведем притчу «Осень», которую мы прочитали у Н. В. Старовойт.

«Однажды слепой человек сидел на ступеньках здания со шляпой возле ног и табличкой с надписью: “Я слепой, пожалуйста, помогите”. Один человек проходил мимо и остановился. Он увидел инвалида, у которого было всего лишь несколько монет в шляпе. Он бросил туда пару монет, без разрешения написал новые слова на табличке, оставил ее слепому человеку и ушел. К концу дня он вернулся и увидел, что шляпа полна монет. Слепой узнал его по шагам и спросил, не он ли был тот человек, что переписал табличку. Слепой также хотел узнать, что именно он написал. Тот ответил: “Ничего такого, что было бы неправдой. Я просто написал на ней немного по-другому”. Человек улыбнулся и ушел» [13].

Автор предлагает высказать свою версию надписи на табличке, включая читателя в общий разговор. В оригинале новая надпись на табличке гласила: «Сейчас осень, но я не могу ее увидеть». «Притча заставляет думать, понимать свои чувства и поступки, видеть промахи, становиться лучше. Притча учит нравственности» [14. С. 7].

Проведенные исследования убеждают, что введение инклюзивного образования не может быть быстрым и решаемым в рамках общеобразовательной школы. Требуется система мер по обеспечению открытости инклюзивных школ в целях создания условий для нормального, естественного развития детей с ограниченными возможностями здоровья, формированию общих гуманистических ценностей. Одной из таких мер мы считаем активную социальную роль СМИ в процессе формирования инклюзивной культуры социума.

Список литературы

1. Абрамовских, Т. А. Сторителлинг как эффективный механизм формирования позитивного образа современного образования, используемый печатными СМИ / Т. А. Абрамовских // ЗНАК: проблем. поле медиаобразования. — 2016. — № 5 (22). — С. 30–34.
2. Абрамовских, Т. А. Профессиональные компетенции журналиста печатных СМИ при освещении вопросов общего образования / Т. А. Абрамовских // Знак: проблем. поле медиаобразования. — 2017. — № 3 (25). — С. 21.
3. В ЧелГУ пройдет всероссийская конференция по инклюзивному образованию. — URL: <http://megau.ru/node/36528>. — Дата обращения: 03.07.2017.
4. Городской научно-практический семинар «Технологии формирования инклюзивной культуры в образовательной организации». — URL: http://sch1321uv.mskobr.ru/novosti/gorodskoj_nauchnoprakticheskij_seminar_tehnologii_formirovaniya_inklyuzivnoj_kul_tury_v_obrazovatel_noj_organizacii/. — Дата обращения: 06.07.2017.
5. Дмитренко, О. За парту на равных / О. Дмитренко // Рос. газ. — Неделя: Сред. Волга. — 2017. — 27 апр.

6. Ивойлова, И. Игра вслепую / И. Ивойлова // Рос. газ. — Федер. вып. — 2015. — 7 апр.
7. Инклюзивное образование : сб. ст. / сост. М. Р. Битянова. — М., 2015. — 224 с.
8. Косикова, Л. В. Инклюзивное образование: отношение родителей и педагогов к инклюзивному образованию / Л. В. Косикова // Сев.-Кавказ. психол. вестн. — 2009. — № 7/1. — С. 69–73.
9. Назарова, Н. М. Системные риски развития инклюзивного и специального образования в современных условиях / Н. М. Назарова // Спец. образование. — 2012. — № 3. — С. 152.
10. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
11. Полякова, Т. По школьному бездорожью: особый ребенок в новом классе / Т. Полякова // Инклюзивное образование : сб. ст. / сост. М. Р. Битянова. — М., 2015. — С. 211–219.
12. Пургин, Ю. Кто останется на рынке СМИ? / Ю. Пургин // Журналист. — 2015. — № 9. — С. 24–26.
13. Старовойт, Н. В. Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию / Н. В. Старовойт // Концепт. — 2016. — Т. 8. — С. 31–35. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/56117.htm>.
14. Тумина, Л. Е. Притча как школа красноречия / Л. Е. Тумина. — М., 2008. — 368 с.

Сведения об авторе

Абрамовских Татьяна Александровна — старший преподаватель кафедры управления, экономики и права, Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования; аспирант кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. gdchiep@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 8 (404). *Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 5–12.*

THE ROLE OF PRINT MEDIA IN THE FORMATION OF THE INCLUSIVE CULTURE OF THE SOCIETY (based on the “Russian newspaper”)

T. A. Abramovskikh

*Chelyabinsk Institute for Retraining and Advanced Training of Educators;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Gdchiep@mail.ru*

In modern society, for two decades, the issue of inclusive education become truly relevant. Inclusive education — an internationally recognized instrument for the realization of the right of everyone to education. The introduction of inclusive education in the educational activities of all types of Russian schools gives rise to a number of risks and challenges. The implementation of inclusive education in modern Russia will become possible by changing the system of education in the family, in educational institutions — until the system of social relations, which are part of the media. This article attempted to determine the role of the media in creating an inclusive culture, by which we mean the values, knowledge about inclusive education; a unique climate of confidence conducive to the development of interdependent relations of family and school, avoiding conflict situations. The author analyzes publications about inclusive education, “Rossiyskaya Gazeta”, offers his subjective opinion on approaches to the coverage of inclusion in General education. Article, from the point of view of the author, should be polemical, the journalist plays the role of a social moderator. Only such an approach will have the greatest effect in the formation of the inclusive culture of the society.

Keywords: *inclusion, inclusive education, inclusive culture, children with disabilities (HIA), media, social moderation, “Russian newspaper”.*

References

1. Abramovskikh T.A. *Storitelling kak effektivnyi mekhanizm formirovaniia pozitivnogo obraza sovremen-nogo obrazovaniia, ispol'zuemyi pechatnymi SMI [Storytelling as an effective mechanism for the formation of a positive image of modern education, used print media]. ZNAK: problemnoye pole mediaobrazovaniya [NAME: problematic field of media education], 2016, no. 5 (22), pp. 30–34. (In Russ.)*

2. Abramovskikh T.A. Professional'nye kompetentsii zhurnalista pechatnykh SMI pri osveshchenii voprosov obshchego obrazovaniia [Professional competence of a journalist of the print media in covering issues General education]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia* [NAME: problematic field of media education], 2017, no. 3 (25), p. 21. (In Russ.).
3. *V ChelGU proidet vsrossiiskaia konferentsiia po inkluzivnomu obrazovaniuu* [At CSU will host a national conference on inclusive education]. Available at: <http://megau.ru/node/36528>, accessed 03.07.2017. (In Russ.).
4. *Gorodskoi nauchno-prakticheskii seminar «Tekhnologii formirovaniia inkluzivnoi kul'tury v obrazovatel'noi organizatsii»* [City scientific-practical seminar “Technologies of formation of the inclusive culture in educational organizatsii”]. Available at: http://sch1321uv.mskobr.ru/novosti/gorodskoj_nauchnoprakticheskij_seminar_tehnologii_formirovaniya_inkluzivnoj_kul_tury_v_obrazovatel_noj_organizacii/, accessed 06.07.2017. (In Russ.).
5. Dmitrenko O. Za partu na ravnykh [School on an equal footing]. *Rossiiskaia gazeta — Nedelia — Sredniaia Volga* [The Russian newspaper — Week — Srednyaya Volga], 2017, no. 7257 (91), April 27. (In Russ.).
6. Ivoilova I. Igra vslepuiu [Play blind]. *Rossiiskaia gazeta — Federal'nyi vypusk* [Rossiyskaya Gazeta — Federal issue], 2015, no. 6643 (72), April 7. (In Russ.).
7. *Inkluzivnoe obrazovanie* [Inclusive education]. Moscow, 2015. 224 p. (In Russ.).
8. Kosikova L.V. Inkluzivnoe obrazovanie: otnoshenie roditeli i pedagogov k inkluzivnomu obrazovaniuu [Inclusive education: attitude of parents and teachers towards inclusive education]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik* [North-Caucasian psychological Bulletin], 2009, no. 7 (1), pp. 69–73. (In Russ.).
9. Nazarova N.M. Sistemnye riski razvitiia inkluzivnogo i spetsial'nogo obrazovaniia v sovremennykh usloviakh [Systemic risks of the development of inclusive and special education in modern conditions]. *Spetsial'noe obrazovanie* [Special education], 2012, no. 3, p. 152. (In Russ.).
10. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 29 dekabria 2012 № 273-FZ* [“On education in Russian Federation”: Federal law of 29 December 2012 № 273-FZ]. (In Russ.).
11. Poliakova T. Po shkol'nomu bezdorozh'iu: osobyi rebenok v novom klasse [On school off-road: special child in the new class]. *Inkluzivnoe obrazovanie* [Inclusive education]. Moscow, 2015. Pp. 211–219. (In Russ.).
12. Purgin Iu. «Kto ostanetsia na rynke SMI?» [“Who will remain on the market media?”]. *Zhurnalist* [Journalist], 2015, no. 9, pp. 24–26. (In Russ.).
13. Starovoit N.V. Inkluzivnaia kul'tura obrazovatel'noi organizatsii: podkhody k ponimaniuu i formirovaniuu [the Inclusive culture of the educational organization: approaches to the understanding and formation of]. *Kontsept* [Concept], 2016, vol. 8, pp. 31–35. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56117.htm>. (In Russ.).
14. Tumina L.E. *Pritcha kak shkola krasnorechiia* [Parable as a school of rhetoric]. Moscow, 2008. 368 p. (In Russ.).

УДК 82.0

«ЖЕНСКИЙ МИР» В РОМАННОЙ ПРОЗЕ К. АБРАМОВА

В. И. Антонова, А. Н. Голяков, Ю. А. Мишанин

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Актуализирована проблема художественного осмысления «женского мира» в романе К. Г. Абрамова «Степан Эрьзя». Целью работы является аналитическая детерминация ряда женских характеров, выявление их значения и роли для динамики духовного, нравственного становления и развития личности великого скульптора. Кроме этого, как подчеркивают авторы, женские персонажи являются специфическим художественным «экраном», на фоне которого высвечивается своеобразие яркого представителя мордовского этноса — скульптора Эрьзи.

Ключевые слова: авторское осмысление, гендерный, женский мир, картина мира, культура, литература, нация, проблема, самобытность, самосознание, роман.

В современный период как никогда возрождается интерес к вопросам национальных истоков эрзянского народа. Для исследователей различных гуманитарных сфер науки: культуры, искусства, литературы — произведение «Степан Эрьзя» является наглядным иллюстративным материалом того, как жил эрзянский народ в конце XIX — начале XX в., какие взаимоотношения были между мужчинами и женщинами, каковым было их ремесло, быт, нравы, традиции, верования. Детерминация национального своеобразия романной прозы К. Г. Абрамова посредством исследования мужских и женских образов в настоящее время является объектом изучения многих научных парадигм. С позиции литературоведческого изучения текста исследование гендерного смысла концепта национальной картины мира, отраженной в романе мордовского писателя, необходимо, поскольку любой художественный контекст нуждается в полном, полифоничном осмыслении.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления национальной константы романа-трилогии, являющейся методом специфического отражения К. Г. Абрамовым художественного исследования действительности, выявлением национальной специфики романа-трилогии «Степан Эрьзя», проявляющейся как в мировосприятии писателя, так и в трансформациях ряда гендерных образов, в частности, «женского мира»; а также недостаточной изученностью проблемы. Предметом исследования статьи является художественная интерпретация женского мира в аспекте аградации гендерного ряда персонажей в романе К. Г. Абрамова «Степан Эрьзя».

Историко-биографический роман-трилогия К. Г. Абрамова «Степан Эрьзя» по праву считается народным, поскольку он представляет собой одно из немногих художественных произведений мордовских прозаиков, в котором, как в зеркале, отразилась жизнь мордовского народа конца XIX — начала XX в. Писатель, как никто другой, сумел убедительно, правдиво, объективно показать традиции, культуру, быт и нравы эрзян, ту экономическую, социокультурную, духовную атмосферу, в которой родился, вырос, сформировался как личность талантливый художник великий Эрьзя. Стержневая концепция романа — многоаспектное, полифоническое отображение динамики становления гениального скульптора как художника, как человека на фоне национальной самобытности, национального сознания мордовского этноса. Эрьзя — главный герой трилогии, являющийся не только идейным, но и композиционным центром произведения. С главным героем сопряжены все персонажи, событийные коллизии, сюжетные линии.

Несомненная творческая заслуга мастера пера в том, что он сумел преподнести аудитории образ главного героя посредством глубокого продуманного воссоздания национальной картины мира, фон которой служит замечательным средством отображения целой системы характеров мужских и женских персонажей. Новационный художественный прием К. Г. Абрамова в данном случае крайне целесообразен. Подтверждением тому являются слова С. В. Шеяновой, полагающей, что только посредством отображения «отдельных конкретных судеб индивидов организуется мир национальной действительности» [4. С. 32]. «Мир национальной действительности»

сти», нарисованный писателем, явился художественной основой национального бытия, взрастившего, наполнившего «корни таланта» мастера Степана Эрзи сущностью национальной стихии, «национального характера и глубины этнического богатства» [3. С. 68]. Особенности национального характера К. Г. Абрамов отображает многомерно: через поведение, манеру общаться, внутренние монологи персонажей, отношение к природе, быту. Наиболее ярко и впечатляюще этническое самосознание мордвы мастером слова проявляется посредством раскрытия ряда образов женского и мужского мира. Рассмотрение специфических особенностей «второстепенных героев», гендерное осмысление понятий «мужчина» и «женщина» помогают романисту адекватно, более масштабно и аналитически «высветить» жизнь и творчество скульптора Степана Эрзи. Это объяснимо, поскольку «в основе художественного мироединства в романном мышлении лежит диалектика, отразившая как общечеловеческое, так и особенно-национальное, свойственное герою как полноценному представителю народа, и единичное, индивидуально-конкретное, присущее отдельной личности» [5. С. 100].

Говоря о художественном воплощении в романном произведении женского и мужского мира, необходимо подчеркнуть, что наиболее отчетливо и интересно проявляются в трилогии женские образы, «помогающие» К. Г. Абрамову раскрыть сущностные черты характера главного героя, его мировоззрение, философию жизни, национальную основу. «Женский мир» романа можно дифференцировать по степени влияния на творческую составляющую будущего скульптора на следующие группы:

- 1) мать героя, сестра Фима, первая любовь Деля;
- 2) родственницы Степана (бабушка, Настасья, уреж Вера), соседки, подруги Фимы;
- 3) многочисленные образы женщин разных национальностей, с которыми сталкивается Степан на протяжении всей жизни.

При прочтении произведения становится ясно, что наиболее любимыми и ярко отображенными писателем являются героини первой группы. Так, с большой любовью отражается в романе образ матери Степана — Марьи. Кто, как не она, вложил в душу ребенка зерна национального самосознания, воспитал в мальчике то народное, которое ярко и незабываемо раскрылось в будущем в скульптурных творениях мордовского гения.

Образ матери можно назвать обобщающим, так как в него романист вложил все те положительные качества, характеристики, свойственные женщине из народа, женщине, выросшей в традиционной эрзянской семье, впитавшей в себя мудрость нации, дух предков.

Первая встреча читателя с героиней такова: «Жена Дмитрия, Марья, на год моложе мужа, высокая, бойкая, торопливо возится в предпечье (чуланчик перед зевом печи — ред.), готовит запоздавший завтрак. С дождливой погодой не заметили, как проспали. Были бы в доме старики, этого бы не случилось. Но их уже нет на свете» [1. С. 9]. Мы видим физически крепкую, счастливую молодую жену, которая еще может «позволить себе проспать». С любовью и нежностью К. Г. Абрамов художественно вырисовывает мельчайшие детали, характеризующие облик героини: «Голос у Марьи чистый, грудной. Ее темные длинные косы пропущены через берестяную коробочку, прилаженную на голове, и собраны сзади на шее. Поверх этого замысловатого убора, образуя своеобразный кокошник, подвязан платок из тонкого льняного холста, вышитый разноцветными нитками и отороченный светлым мелким бисером. Рубашка у Марьи длинная, белая и тоже с вышивкой на груди, рукавах и по подолу. Холщевые портянки наверху до колен и заправлены тонкими оборками аккуратных лаптей из желтого лыка. Она нарядилась так в поле, на жатву...» [1. С. 10].

Автор не скрывает того, что любит героиню, он профессионально преподносит читателю характеристику Марьи через действия, манеру держаться, поступки, внутренние монологи. Наглядно это показано и во фрагментах, рассказывающих о гостеприимстве хозяйки дома. К примеру, у Нефедовых любого гостя, будь он беден, или богат, всегда встречали с большим уважением. Марья обязательно должна была приветить каждого, кто зашел в избу, сказать ему ласковое слово. Причем, встречая гостя, она должна непременно быть с пулаем (элемент эрзянской одежды, который женщины носили на поясице). Кроме того, без элемента этой одежды (пулая) эрзянская женщина не имела права показываться на улице.

Марья — чрезвычайно скромный, стеснительный человек. Показателен фрагмент, описывающий данную черту характера матери Степана во время работы. Марья жала снопы в поле с односельчанином Охоном. Женщина не смела снять

тяжелый пулай, хотя «поясница под пулаем и вся спина у нее взмокли, рубаха прилипла к телу... Все тело разломила, тянет этот пулай к земле, силушки моей нет» [1. С. 13–14].

Разнообразные приемы, средства создания образа Марьи в художественной системе произведения многочисленны. К ним относятся и авторское воссоздание цельности внутреннего портрета, авторская характеристика героини посредством других персонажей, речевые особенности персонажа и пр. Так, одной из отличительных черт Марьи К. Г. Абрамов считает трудолюбие. В романе реалистически показано, как Марья Нефедова на последних днях беременности старается угодить мужу, молотит хлеб. Однажды «она молотила до середины дня... Но, взяв из скирды два снопа, не сделав и шага, уронила их. Дмитрий ругает ее. Но разве Марью удержишь без дела» [1. С. 33]. Кроме того, писатель говорит о терпеливом характере сельской женщины: «Жарко. Над полем нависло марево. Ржаная солома пересохла, стала твердой, серп скользит по ней, словно по проволоке. Марья жнет, жнет, выпрямится на минуту, скрутит перевясло и снова наклоняется, преодолевая нестерпимую боль в пояснице» [1. С. 33].

Подобные «пунктирные зарисовки» в произведении лишь усиливают восприятие образа героини. Романисту удается как бы мимоходом через образ Марьи преподнести аудитории информацию о том, в каких условиях жила семья. Об этом красноречиво свидетельствует следующий фрагмент: спали они (Нефедовы) на соломе. «Марья постелила себе на коннике, разделась, забралась под одеяло и с удовольствием вытянулась на тюфяке, набитом соломой, теперь порядком поистертой. “Как-нибудь надо сменить, набить свежую”, — подумала она...» [1. С. 56].

В произведении К. Г. Абрамов акцентирует внимание на творческой составляющей образа, он подчеркивает, что «Марья — мастерица вышивать. Многие баевские девушки учились у нее этому мастерству. И холсты Марья умела отбеливать лучше других. Ее рубахи всегда отличались белизной и яркостью вышивок» [1. С. 51]. Думается, при других жизненных условиях его любимая героиня, Марья Нефедова, могла бы быть художницей, но, к сожалению, она осталась в памяти людей лишь матерью скульптора, деревенской умелицей по изготовлению холщовой одежды.

Хронологически описывая социальные коллизии главного героя, писатель развивает жен-

ский образ, отражает его в динамике. Так, когда по прошествии определенного времени Нефедовы переехали в Алатырь к старшему брату, Степан, увидев Марью, не сразу узнал ее: «<...> мать, точно обезумев от счастья, бросилась ему на грудь. Она плакала, целуя его в шею, в глаза, гладила по спине, отстранялась на миг и опять припадала к нему». Но на ней, как с тоской заметил сын, «не было ни пулая, ни кокошника, с которыми она не расставалась в Баевке, волосы на голове у нее убраны по-русски, одета в длинный темный сарафан...» [1. С. 495]. В данном контексте писатель констатирует, что женщина, привыкшая всю жизнь работать, беречь заработанное, очень изменилась, постарела. С тревогой и удивлением смотрит мать на сына, который, по ее мнению, не обладает достаточной крестьянской хваткой, так необходимой для выживания. Марья, привыкшая к тяжелой работе, размеренному образу жизни, к жестким законам патриархальной жизни, поучает его: «Домой, домой, надо ехать домой!»; «Живешь ты, сын мой, по-птичьи. О завтрашнем дне не думаешь. <...> Человеку так жить нельзя. Целый месяц я наблюдала, как ты каждый день давал кому-нибудь взаймы, но не было за все время случая, чтобы кто-то, хоть один, вернул тебе долг» [2. С. 235].

Своеобразие абрамовской романной прозы заключается в том, что в женских образах нет «лица», внешние «портреты» выписаны через поступки, диалогическую речь, внутренние монологи, одежду, отношение к труду, к другим персонажам. Данная особенность писателя проявляется также в образе Фимы, сестры Степана. Трудолюбивая, скромная, веселая, она с раннего детства помогает родителям по хозяйству. Рассуждает она, будучи маленькой девочкой, как взрослая. «Ты попробовал бы разок сесть за ткацкий станок, — говорит она Иважу. — <...> Бьешь, бьешь целый день по холсту — заболят не только руки, но и тело...». Автор не акцентирует внимание на внешности Фимы. Он отображает характер героини латентно: посредством ее отношения к женским семейным обязанностям, к родителям, брату и пр. Красноречив диалог Фимы с матерью: «— Ты еще маленькая, поэтому тебе кажется... — Вот и не кажется, а правда. И вовсе я не маленькая.

Маленькой она себя не считала — ей уже целых восемь лет...» [1. С. 83].

Фима — маленькая труженица. Еще совсем ребенком она считалась старшей в семье, и спрос

с нее был как со взрослой. В тексте нередко встречаются такие фразы: «Фима, поев, села прясть...» [1. С. 182]. Либо: «Фима работала за ткацким станком. Чтобы хоть немного было по светлее, она отвернула угол ватолы и пристегнула его булавкой... Знаешь, как в окно дует, — жаловалась Фима матери. — А не откроешь окно, темно, ничего не видно, невозможно работать...» [1. С. 196]. В другом фрагменте Марья строго наставляет Фиму, переставшую есть рассол, думая, что ей, как и младшему брату, нальют молока во время обеда: «Не маленькая, обойдешься и так...» [1. С. 133]. Даже за малейшие провинности девочку наказывали. Например, за то, что Фима долго гуляла на улице, да еще побывала в гостях у соседки-роженицы: «Марья как только дочь вошла, схватила дочь за косы и принялась таскать.

— Тебе, ведьме, говорили, сидеть дома и никуда не ходить? Почему не послушалась? Всю ночь околачиваешься у людей, а дома корова не доена, печь не топленая. <...> Вот, когда выйдешь замуж, сама узнаешь, как рожают. <...> Фима, глотая слезы, села в предпечье чистить картошку...» [1. С. 131].

Неправильным было бы мнение о том, что родители не любили Фиму. Она была любима и матерью, и отцом, как остальные дети. Но по суровым нравам того времени девочка должна была много работать, чтобы, повзрослев, стать примерной женой, хорошей хозяйкой в доме. Для писателя Фима, старшая сестра Степана Нефедова, — одна из наиболее лиричных героинь, хотя К. Г. Абрамов достаточно обтекаемо описывает данный образ. В тексте романа не дается «картина» того, как внешне выглядит Фима, какие у нее черты лица, фигура. На протяжении всего романа героиня постоянно чем-то занята: прядет, тклет, моет посуду, убирает за скотом, присматривает за братом. Но читатель «видит» героиню в иной плоскости. Он ежесекундно ощущает присутствие этой малышки, позднее девушки, женщины; узнает, как она повлияла на становление мировоззрения главного героя — Эрзи. Фима, незримо присутствующая в многочисленных диалогах и «сценках», является одной из наиболее часто упоминаемых женских персонажей. Читатель не «видит» лица героини, но писатель так органично описывает сюжеты с Фимой, так достоверно отражает ее поступки, фактографично вписывает героиню в различные коллизии, что возникает цельный образ симпатичной, работающей, любящей семью

девушки. Фима, маленькая труженица, безропотная, послушная, оживляет роман, делает повествовательные эпизоды насыщеннее, правдивее, интереснее.

К примеру: «Фима слезла с коника и подошла к матери, принялась стаскивать с ее лица передник.

— Мама, чего ты плачешь?

— Ой, доченька, уйдет Иваж в город.

Фима уставилась бусинками глаз на окно, посмотрела куда-то далеко, далеко, туда где небо сходится с землею и робко спросила:

— Там тоже есть сердитый домовый?

— Там, доченька, нет домового.

— Так, отчего ты плачешь, коли там нет домового?...» [1. С. 20].

Или трогательна сцена, в которой Дмитрий принес с чердака люльку для малыша: «Фима подбежала к отцу, вцепилась в край зыбки.

— Я здесь буду спать. Мама мне скажет баюбаюшки. Ведь правда, мама?» [1. С. 26].

Либо автор юмористически описывает беззлобную, «родственную» драку между братом и сестрой. «Проснулась Фима. Степан вцепился в косы сестры. Завизжала и Фима...

— Все волосы мне выдрал и шею исцарапал, — жаловалась Фима» [1. С. 57].

Следующая познавательная для читателя «сценка», произошедшая на печи, свидетельствует о «холодном детстве»: «Степан лежал между Фимой и Иважем. Все трое были накрыты отцовским зипуном. У всех троих стучали зубы от холода...» [1. С. 88].

Интересен эпизод с участием Фимы, в котором шепотом разговаривают об убийстве царя. В диалог «врываються» национальные паремии: «<...> в предпечье, когда Марья расчесывала густые волосы дочери, она полупшепотом спросила:

— Зачем об этом рассказала у Охрема? Ты ведь сегодня была у них?

— Была, — ответила Фима. — Я рассказала только Ольге.

— Никогда, доченька, не разноси разговоры, которые ведутся дома, — строго сказала Марья.

— Слово, что птица, вырвется и облетит весь мир...» [1. С. 99].

Романист образом Фимы насыщает произведение эмоциональностью, вносит в него этнический колорит, теплоту. В данном женском образе концентрируются характеристики быта эрзянок, нравов, характеров женщин. Главное в характере эрзянок, по мнению К. Г. Абрамова, трудолюбие, скромность, внутренняя красота, почтение

к мордовским традициям, уважительное отношение к старшим, к мужчине как к главному рода.

В процессе действия романист «включает» Фиму в мелкие коллизии, помогающие более полно осмыслить образ главного героя. К примеру, Степа и Фима поссорились. Причем Фима — незлобно, Степа — сердито и агрессивно. Произошло это следующим образом: «Фима с утра затопила подтопок... Степа взял своего верблюда и безжалостно смял его в комок. Ему захотелось вылепить Волкодава. Была бы глина, он оставил бы верблюда, но где возьмешь глину, или хотя бы ил?». Сестра без злого умысла слишком размочила глину, и она растеклась. «Степе показалось, что она нарочно это сделала, испортила глину, он кое-как скомкал ее и со злостью запустил в сестру, испачкав ей белую рубаху. Фима заплакала. Мать схватила мешалку и надавала им обоим. Степе — за озорство, Фиме — чтобы не связывалась с младшим» [1. С. 133]. В отрывке подчеркиваются упрямство, горячность брата; благодушие и доброта его сестры.

Писатель показывает как будучи уже девушкой Фима все лето «ткала холст, вышивала рубахи, в ее жизни наступил важный момент — она становилась невестой...». На примере жизни Фимы читатель представляет жизнь молодой девушки-эрзянки на выданье. К. Г. Абрамов описывает обычаи предков, традиции эрзян, связывает действия сватовства с христианскими праздниками. Смотрины Фимы женихом происходят следующим образом:

«После Покрова Марья привезла в Алтышево Фиму с прялкой и куделью. Она теперь будет жить и прясть у бабушки». У эрзян существует такой обычай: девушку отвозят к родне, чтобы ее могли видеть люди, тем более в маленькой деревне «у себя дома показать ее некому». «Фима стала совсем взрослой девушкой. В эту осень она надела белую вышитую рубаху, повязала пулай, в длинную косу вплела широкую зеленую ленту, что подарила ей Вера уряж...» [1. С. 241]. И если кто-то из наиболее смелых парней заходил в избу, начиналось целое представление-мотрины. «Дед Иван обращался к Фиме:

— Принеси-ка, доченька, холодной водички, а то старуха моя накормила меня пересоленной картошкой, никак не могу утолить жажду.

Фима ветром проносилась по избе и ни капли не проливали из полного ковша. Лицо ее пылало, как две лучины в светце, она не глядела на парней. А те только и ожидали, когда Фима подни-

нется из-за прялки, чтобы увидеть ее рост, стать, походку» [1. С. 241].

Небольшой фрагмент наполнен национальным колоритом, в котором высвечиваются традиции предков. Эрзянин, чтобы взять в жены девушку, должен убедиться — не косая она, не кривая ли. Кроме того, жених должен увидеть отношение невесты к старшим, почитание их. Очень важно было то, насколько трудолюбива, ловка и спора в работе была невеста. Все это отображает автор четко, логично, используя элементы национальной культуры, монологи, диалоги персонажей.

На протяжении всего произведения К. Г. Абрамов с горечью пишет о тяжелой женской доле. Мордовские женщины не видели детства, молодость их пролетала быстро. Девочкам не давали наделы земли, потому им приходилось отрабатывать свое существование в доме, чтобы не быть нахлебницами. «Девичий век короток. Недолог он был и у Фимы. <...> На Рождество Фиму просватали, а перед Крещением она обвенчалась со своим женихом...» [1. С. 249].

Степан очень любил свою сестру, она была для него всем: матерью, отцом, утешительницей, судьей. Она не давала его в обиду, защищала от соседских ребят, которые насмехались над ним. Герой был разочарован, расстроен тем, что скоро расстанется с родным человеком. «Главная заступница у Степы — Фима. <...> Вскоре стало известно, что у Фимы появился парень-ухажер... Сама Фима твердила, что не выйдет замуж, говорила конечно не при посторонних, а после, когда их уже не было. При них же сидела за прялкой как прикованная, пряла быстро и ни на кого не смотрела...» [1. С. 247]. Более того, К. Г. Абрамов не преминул оговориться о том, что после того, как Фиму отдали замуж, нелегко Марье пришлось одной по дому управляться, недаром она так часто вспоминает свою дочь: «Все на мне одной <...> совсем замучилась... Как хорошо, когда Фима-то дома была, как хорошо..., а этот (о Степане) ничем не поможет <...> Лоботряс все стены углем исчертил» [1. С. 264]. «Лоботряс», ставший истинным представителем мировой культуры, всю жизнь любил Фиму. Длинными ненастными вечерами в больших российских городах, во Франции, Италии, Аргентине он с теплотой и с грустью вспоминал ее, мысленно улыбался, представляя ее родной и светлый образ.

В своем романе для большей обобщенности, доказательности «женского мира» мордвы писатель обращается к отображению Настасьи, род-

ственницы Степана. Ее жизнь также является подтверждением нелегкой судьбы мордовской женщины. Женская доля (беспросветная, нудная) крайне тяжела. Вот как повествует о героине автор: «В молодости Настасья, видимо, была красивой. Это и теперь еще заметно. Но за восемнадцать лет, прожитых в доме Самаркиных, она превратилась почти в старуху. Лицо ее поблекло, прямой стан ссутулился. Всю зиму длинными вечерами она сидела за прялкой, днем ухаживала за скотиной. Весной ткала, белила холсты, летом была занята на полевых работах, осенью — молотьбой» [1. С. 246]. К. Г. Абрамов не устает перечислять обязанности женщины по дому. Настасья кроме всего прочего еще ухаживала за скотиной, «а это немало. Только скотины с лошадыю и годовалым жеребцом было двенадцать голов. Одной воды сколько приходится перетаскать за день, чтобы напоить их...» [1. С. 247]. Читатель видит перед собой сгорбленную, с серым лицом, пожилую женщину. А ведь ей, по скромным подсчетам, нет и сорока лет!

К. Г. Абрамов словно подчеркивает, что любой персонаж, введенный им в роман, важен для становления личности будущего скульптора. Так, если сдержанность характера Степана Нефедова формируется под воздействием суровых мужских характеров, то женские персонажи формируют в герое романтические, лирические оттенки его будущих произведений. Каждая героиня по-своему воспитывает, учит, вкладывает в него частичку души. Так, мать и сестра вложили в него любовь к родному краю, дому, семье. Деля, соседская девочка из родного села, — светлый лучик детства — разбудила в Степане ощущение счастья, первой любви. Бабушка, пугающая своей суровостью подростка, вложила в него чувство ответственности. Уреж Вера возбуждала в нем тоску о «большом» городе и так далее.

Интересна в романе-трилогии трактовка писателем категории «любовь». Любовь в интерпретации К. Г. Абрамова не просто плотское влечение, но прежде всего духовное чувство. Главный источник этого чувства — сердце, символ души, переживаний, настроений. Несмотря на то, что любовь к Деле не сделала счастливым героя, чувство это единственное, оно осталось у Эрзи на всю жизнь. Любовная лирика рассматривается К. Г. Абрамовым на фоне природы, которая помогает герою раскрыться, выразить ту нежность, которая теснит душу молодого человека. Чувство органично «вплетено» в пейзажи родного края,

которые, по замыслу писателя, обостряют, углубляют любовь, делает ее сильнее. Прозаик следующим образом описывает встречу Степана с первой любовью. Летом «на опушке, где знакомые места и тропы <...> были истоптаны скотиной, Степан увидел Делю. Наверное, она пришла за теленком, который здесь пасется на привязи. Но вот и Деля заметила Степана, и в черных глазах ее робость перед лесом заплеснула радостью. <...> Степан строгал веточку. Голосок Дели звенел так сладко! <...> Потом они шли по тропинке, <...> над деревней широко и ясно светилось закатное небо» [1. С. 260–261]. Впервые Степан ощутил сладостное томление от встречи с девушкой. Автор лирично, скрупулезно описывает первый трепет от встречи с первой любовью — Делей, которая осталась в душе у него на всю жизнь: «Степан лежит в траве на берегу Бездны, вокруг стрекочут кузнечики, жужжат шмели. Сквозь рубаху он чувствует влагу смятой травы. Вверху по синему небу плывут белые пухлые облака» [1. С. 265]. В романе любовь и природа составляют одно целое. Степан неосознанно связывает любовь к природе и к девочке в одно целое. «Он не слышит, не понимает слов девочки, они не доходят до его сознания. Но тогда о чем он думает, чем занят? Ничем. Он просто смотрит в обычное летнее небо. Ведь глаза его никогда не устают смотреть... И когда смотришь в эту светлую бездну неба мимо кудрявых облаков, тихо куда-то плывущих, то обо всем забываешь <...> И пусть Деля говорит свои слова. Ему приятен звук ее близкого голоса. И он улыбается» [5. С. 265]. Писатель не ограничивается описательностью высокого чувства. Его отношение к любви глубже, проникновеннее. Не случайно Деля, наблюдая за счастливым возлюбленным, подумала о том, что в небе «он увидел Бога».

Загадочность абрамовской любви — в ее безыскусственности, обнаженности, простоте. Автор акцентирует внимание на природе любовной страсти, которая не граничит с безумием, хотя она слепа и безрассудна. Такая интерпретация обусловлена классическими представлениями о том, что человек, одержимый страстью, пребывает в состоянии, близком к умопомешательству, в состоянии маниакальной сосредоточенности на предмете обожания, его поступки лишены логических обоснований. В романе-трилогии главный герой не безумствует, чувства его приглушены, хотя Степан не понимает причины своего трепета, он старается разобраться в себе, но ничего

не получается, его сердце не может дать ответа на вопрос. «Но то же самое необъяснимое и неизвестное откуда взявшееся в нем счастье, которое впервые обожгло его сердце там, перед Саваофом, то же самое счастье опаляло его и теперь. Что это такое? Откуда оно? Предвестник какой муки? Может быть, он поймет этот охватывающий его трепет потом, спустя годы, как поймет и свою любовь к Деле, — теперь же он не знал и не понимал, что любит, что сам любим...» [1. С. 267].

Параллель между любовью и творчеством неслучайна. К. Г. Абрамов понимает, что для творческого человека, способного создавать земные сокровища, любовь к искусству также сильна, как и любовь к женщине. Писатель актуализирует мысль о том, что все женщины для Степана являются источником вдохновения. Вот и в этом случае встреча с Делей заставляет четырнадцатилетнего подростка лепить из глины фигурку любимой. Автор описывает первые попытки Степы изваять что-то прекрасное. Читатель видит иступленность, чувственность, сомнения скульптора. «Он торопливо месит ком глины. Пусть будет кукла, похожая на саму Делю <...>, только маленькая. <...> В длинной рубахе, босиком, с толстой косой на спине... Но какая противная глина. Разве это Деля? Разве она толстая как бочка?... Степан разбивает все и начинает месить заново...» [1. С. 267]. Усиливает напряжение знойный жаркий полдень. Но герой не чувствует ни жары, ни усталости, он полностью погружен в работу. «Печет солнце, полдневный зной накалил обрывистый берег, и от него несет жаром, как от печки. Пот градом катится по лицу, застилает глаза. Степан трудится уже с ожесточением, а Деля никак не хочет получаться из глины» [1. С. 267]. В результате юношу сражает разница между тем, что он слепил и какой образ видится в душе. С «закипевшими на глазах слезами» будущий скульптор «бьет кулаком по своему творению, топчет ногами, пинает комки, и они с плеском падают в воду Бездны...» [1. С. 267].

Из двух определений — «Любовь» и «Искусство» — Степан выбирает Искусство, хотя очень жалеет, может, и раскаивается в том, что уехал из деревни, так и не женившись на Деле. В большом городе у него началась другая жизнь, в которой первая любовь осталась светлым лучиком воспоминаний. Из Баева Степан уехал рано утром, не попрощавшись с Делей, и она не смогла ему передать в дорогу платочек с вышитой буквой «С». Впоследствии он узнает от матери,

что Деля вышла замуж. После ее слов «Степан присел на край коника. Слова матери отзывались в нем какими-то тупыми ударами, от которых рушились его первые светлые и радостные мечты» [1. С. 341]. Тематика любви вечна, и, независимо от этого, она остается всегда новой в творчестве К. Г. Абрамова. Степан, зная о замужестве любимой, внешне ничем не выдавал своей печали. «Но тупые удары, которые оглушили его в первый день <...>, начинали долбить его с новой силой, точно хотели разрушить все до основания. Если бы сказали, что она умерла, ему бы куда легче было смириться с этим. Но она же вышла замуж, вышла по своей воле!.. Деля, Деля!.. Неужели все она забыла?...» [1. С. 342].

Любовная линия волнует автора, он сопереживает чувствам несостоявшихся отношений. К. Г. Абрамов оправдывает бегство Степана из Баева. И, наверное, это справедливо. Степан и Деля — люди глубоко порядочные, честные перед своей совестью, верные внутреннему «я». Они оба понимают безысходность положения, досаждают на жестокость судьбы, сыгравшей с ними злую шутку: подарившей любовь, но с опозданием.

Чувства к Деле — пожалуй, единственная настоящая любовь в жизни Степана Эрзы. Образ этой деревенской безграмотной девочки из юности художника неумолимо преследовал Степана всю жизнь. В многочисленных поездках по стране, за рубежом он всегда с трепетом, с болью вспоминал то далекое время, когда он был по-настоящему счастлив. Возможно, несостоявшаяся любовь предопределила взаимоотношения главного героя с другими характерами. На протяжении всего романа читатель видит, с каким пренебрежением, безразличием он относился ко всем женщинам, которых было у него множество. Романист пытается донести до аудитории мысль о том, что талантливый человек не разбрасывается чувствами; если любит, то по-настоящему, всю жизнь; если создает очередную скульптуру — то всем сердцем. В жизни Степана Эрзы было две страсти — Любовь и Искусство. Любить «наполовину» истинный Мастер не может. Потому герой выбирает из двух чувств Искусство, как бы подытоживает К. Г. Абрамов.

В романе «Степан Эрзя» любовь выписана как сложнейшая категория. Непонятно, отчего Степан Нефедов, будучи известнейшим скульптором, не смог связать свою жизнь ни с одной из женщин. Писатель понимает, что не может

быть настоящего художника без романтического вдохновения, любовной страсти. Художественная манера повествования романиста позволяет представить героиню во всей полноте и масштабности. Женщины, «сопровождающие» главного героя на протяжении жизни, помогли писателю выявить в характере Степана все то самобытное, что проявилось в его гениальных творениях. К. Г. Абрамов подчеркивает, что женщина для Эрзы — не только «органический материал», но прежде всего источник духовного, творческого вдохновения.

Таким образом, писатель, выписывая женский мир в романе-трилогии «Степан Эрзя», подчеркивает несомненную значимость гендерной среды для становления и развития духовного, нравственного потенциала сущности главного героя. Автор художественного произведения явственно дает читателю понять, ощутить то, что любой выписанный им персонаж, будь то главный, либо второстепенный, неслучаен в трилогии. Каждый отображенный образ, каждая фраза мастера сло-

ва нацелены на конкретный смысл — полномасштабно отобразить процесс динамики таланта во всей полноте, полифоничности, взаимообусловленности взаимосвязей персонажей, показать влияние характеров «женского мира» на становление личности героя как человека, великого художника. Женщины, подчеркивает романист, помогли Степану Эрзе выжить в трудных условиях, поддерживали, поощряли его действия, несмотря на то, что у скульптора был крайне тяжелый характер. Они делили с ним невзгоды, трудности, взлеты и падения. «Наслаивая» типы характеров женщин друг на друга, К. Г. Абрамов подчеркивает то, что «женский мир», отраженный в романе, воплощает в себе прежде всего творческое начало, поскольку именно женщины «высвечивают» уникальное мастерство гения, эстетические начинания художника. В разнообразной галерее женских типов писатель «видит» экстракт универсальности эталонов чистоты, одухотворенности и красоты в высоком искусстве.

Список литературы

1. Абрамов, К. Собрание сочинений : в 7 т. / К. Абрамов. — Саранск, 1999. — Т. 3. — 528 с.
2. Абрамов, К. Собрание сочинений : в 7 т. / К. Абрамов. — Саранск, 1999. — Т. 4. — 480 с.
3. Антонов, Ю. Г. Мордовская драматургия 1920–1930-х гг. на страницах периодической печати / Ю. Г. Антонов // Ашмаринские чтения : сб. науч. ст. — Чебоксары, 2010. — Вып. 7. — С. 67–71.
4. Шеянова, С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Шеянова. — Саранск, 2014. — 42 с.
5. Шеянова, С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика : монография / С. В. Шеянова. — Саранск, 2013. — 284 с.

Сведения об авторах

Антонова Вера Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, Россия. belkich@rambler.ru

Голяков Андрей Николаевич — аспирант кафедры финно-угорских литератур, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, Россия. moscow-kremlin777@list.ru

Мишанин Юрий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. Саранск, Россия. filfak.mgu@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 8 (404). Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 13–21.

“WOMEN’S WORLD” IN THE NOVEL THE PROSE OF K. ABRAMOV

V. I. Antonova

National research Mordovian state University. N. P. Ogarev, Saransk, Russia. belkich@rambler.ru

A. N. Golyakov

National research Mordovian state University. N. P. Ogarev, Saransk, Russia. moscow-kremlin777@list.ru

Y. A. Mishanin

National research Mordovian state University. N. P. Ogarev, Saransk, Russia. filfak.mgu@mail.ru

The article raises the problem of artistic reflection on the “women’s world” in the novel of K. G. Abramov “Stepan Erzya”. The aim of this work is determination of a number of female characters, revealing their importance and role for the dynamics of the spiritual and moral formation of the personality of the great sculptor. In addition, as the authors point out, the female characters are a national art “screen”, which shows the uniqueness of the Mordovian ethnos.

Keywords: *the author’s comprehension, gender, female world, world view, literature, nation, identity, problem, unique culture, novel.*

References

1. Abramov K. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works in 7 vol. Vol. 3]. Saransk, 1999. 528 p. (In Russ.).
2. Abramov K. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works in 7 vol. Vol. 4]. Saransk, 1999. 480 p. (In Russ.).
3. Antonov Yu.G. Mordovskaja dramaturgija 1920–1930-h gg. na stranicah periodicheskoj pechati [The Mordovian drama of the 1920–1930s in the pages of periodicals]. *Ashmarinskie chtenija* [Almatinskije reading], iss. 7. Cheboksary, 2010. Pp. 67–71. (In Russ.).
4. Shiyanova S.V. *Sovremennyj mordovskij roman (1980–2000-e gg.): tipologija, problematika, pojetika* [Modern Mordovian novel (1980–2000-ies): typology, issues, poetics]. Saransk, 2014. 42 p. (In Russ.).
5. Shiyanova S.V. *Sovremennyj mordovskij roman: problematika, pojetika* [Modern Mordovian novel: problems, poetics]. Saransk, 2013. 284 p. (In Russ.).

УДК 80
ББК 80/84

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ А. П. ЧЕХОВА (на примере цикла фельетонов «Осколки московской жизни»)

Т. Е. Быстрова

Международный славянский институт, Москва, Россия

Автор статьи рассматривает прецедентные тексты на материале цикла ранних фельетонов А. П. Чехова «Осколки московской жизни» (1883–1885) с точки зрения трансформации содержательно-структурной исходной основы анализируемых прецедентных текстов, а также с точки зрения тематико-жанрового аспекта. По наблюдениям автора, прецедентные тексты, используемые А. П. Чеховым в данном цикле фельетонов, подвергаются определенным модификациям: цитациям и квазичитациям, что продиктовано условиями контекста. С точки зрения тематико-жанрового аспекта, прецедентные тексты представлены следующими типами: прозаические, стихотворные цитаты, пословицы, поговорки, крылатые выражения, названия художественных произведений, библейские цитаты.

Ключевые слова: *прецедентный текст, цитации, квазичитации, публицистика, А. П. Чехов, «Осколки московской жизни».*

Термин «прецедентный текст» ввел в научный обиход известный лингвист Ю. Н. Караулов на шестом Конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г. в своем докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности», хотя прецедентные тексты изучались раньше, но под названием «крылатые слова». Ю. Н. Караулов считает, что прецедентными можно назвать «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности <...> и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5. С. 216]. Как указывал Ю. Н. Караулов, «прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно» [5. С. 216]. Ю. Н. Караулов считал, что знание прецедентных текстов можно назвать показателем принадлежности к определенной культуре, а их незнание — недостатком осведомленности, который граничит с необразованностью. Например, для русского читателя начала XIX в. неотъемлемую часть корпуса прецедентных текстов составляли оды М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, чего нельзя сказать о современном среднестатистическом чи-

тателе, так как названные тексты утратили для него свое значение, и, когда необходимо, наши современники используют совсем другие прецедентные тексты.

Ю. Н. Караулов предложил схему способов существования прецедентных текстов: 1) первичный; 2) вторичный или трансформированный через другой вид искусства; 3) семиотический (этот способ состоит в том, что обращение к оригинальному тексту дается намеком) [5. С. 216]. Другой исследователь прецедентности, В. В. Красных, понимает термин «прецедентный текст» в узком смысле. В своей книге «Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация)». В. В. Красных определение Ю. Н. Караулова переносит на прецедентные феномены в целом. По ее мнению, прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными; причем к первым В. В. Красных относит разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, а ко вторым — музыкальные произведения, произведения скульптуры, живописи, архитектуры. В. В. Красных считает, что к «вербальным прецедентным феноменам можно отнести прецедентное высказывание и прецедентное имя, а к вербализуемым прецедентную ситуацию и прецедентный текст» [6].

Г. Г. Слышкин снимает ограничения, предложенные Ю. Н. Карауловым. Г. Г. Слышкин считает, что можно говорить о количестве носителей прецедентных текстов: так, есть тексты, которые являются прецедентными только для узко-

го круга людей, так называемых малых социальных групп (например, семейный прецедентный текст). Но одновременно функционируют прецедентные тексты, которые становятся таковыми только на короткий срок (рекламные ролики, анекдоты) Г. Г. Слышкин считает, что можно выделять «микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, общечеловеческие прецедентные тексты» [8. С. 28].

Одним из значимых исследователей в теории интертекстуальности является Н. А. Фатеева. Ее книга «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» является подробным исследованием данного понятия [10]. Как отмечает сам автор, данная разработка включает в себя все существующие теории интертекста и одновременно развивает свою собственную теорию. Н. А. Фатеева предложила классификацию интертекстуальных элементов и связывающих их межтекстовых связей, основанную на разработках П. Х. Торопа и Ж. Женетта, с учетом ранее не выделенных принципов систематизации.

Е. А. Земская, еще один исследователь прецедентных текстов, выделяет следующие их разновидности: квазичитации и цитации [3]. Так, Е. А. Земская утверждает, что прецедентными могут быть названы такие тексты, которые наблюдаются в тексте в исходном виде (цитация) и в трансформированном (квазичитация), так как они «хорошо известны широкому кругу лиц и обладают таким свойством, как повторяемость в разных текстах» [3. С. 157]. Также Земская выделяет следующие разновидности прецедентных текстов с точки зрения тематико-жанрового аспекта, встречающихся в российской журналистике рубежа XX–XXI вв.: прозаические, стихотворные цитаты, названия кинофильмов, художественных произведений, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, политические лозунги разных эпох, библейские выражения и т. п. [3].

Использование цитат и квазичитаций как в газетных заголовках, так и в любых текстах — например, художественных, публицистических — является риторическим приемом украшения текста, который реализует поэтическую функцию языка. Как правило, «включенный текст» усиливает или порождает диалогичность дискурса.

В данной статье мы рассмотрим прецедентные тексты на материале ранних фельетонов А. П. Чехова с точки зрения трансформации содержательно-структурной исходной основы пре-

цедентных текстов, а именно: цитации и квазичитации, основываясь на классификации прецедентных текстов, предложенной Е. А. Земской. Также мы рассмотрим прецедентные тексты с точки зрения тематико-жанрового аспекта.

1. Квазичитации. Например, в фельетоне от 2 июля 1883 г. Чехов пишет: «Гуси, как известно из басни Крылова, Рим спасли» (ср.: «Да наши предки Рим спасли!» — цитата из басни И. А. Крылова «Гуси»). Согласно «Истории от основания города» римского историка Тита Ливия, галлы в V в. до н. э. осадили римскую Капитолийскую крепость. Ночью они попытались захватить крепость, забравшись по отвесной стене. Защитники крепости спали, но гуси, которые жили в крепости, громко загоготали и разбудили воинов). В фельетоне от 9 июня 1884 г.: «Умираем мы <...> не pro patriam (за отечество (лат.)), а просто так, от нечего делать» (ср. с высказыванием древнеримского поэта Горация (полное имя — Квинт Гораций Флакк, 65–8 гг. до н. э.): «Dulce et decorum est pro patria mori» (Отрадно и почетно умереть за отечество)).

2. Цитации. В фельетоне от 2 июля 1883 г. мы читаем: «“Собственность есть воровство”, сказал Прудон». Чехов так же, как и его современники, связывал это выражение с именем Прудона, благодаря которому оно и получило большую известность. Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) в книге «Что такое собственность» (1840) указывает, что автор этого афоризма Дидро. Но на самом деле эта мысль высказывалась еще в средние века Гейстербахом: «Всякий богатый есть вор или наследник вора». Также о собственности как о краже в 1782 г. говорил известный деятель французской буржуазной революции Жан Пьер Бриссо. В фельетоне от 18 августа 1884 г.: «Далее следует заманчивый “отдел о премиях”, выдающихся покупателям. Премии грошовые, но... не дорог твой подарок, дорога твоя любовь» (цитата из русской народной песни «По улице мостовой»).

Прецедентные тексты, встречающиеся в цикле фельетонов А. П. Чехова «Осколки московской жизни», можно проанализировать с точки зрения тематико-жанрового аспекта. Так, мы выделяем следующие типы прецедентных текстов:

1. Прозаические цитаты. Так, см. фельетон от 13 августа 1883 г.: «Баба сама себя высекла»... (ср. с репликой городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. IV, явл. XV): «Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла»).

31 марта 1884 г.: «От приятной же дамы и кукиш получить приятно, а от музы не только приятно, но и вдохновительно» (цитата из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842); ср.: «Другая дама <...> не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее просто приятной дамой» (ч. 1, глава 9). 23 июня 1884 г.: «Наших бедных дачников совсем заели актеры-любители!... Любительствуют на дачах все больше “убоявшиеся бездны премудрости” и оброненные в детстве мамками...» (“убоявшиеся бездны премудрости” — это цитата из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1783), д. 2, явл. 5; ср. со словами Кутейкина: «Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: “Такой-то де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нее об увольнении”»; «бездна премудрости» — выражение из Послания апостола Павла к римлянам (11,33); «оброненные в детстве мамками» — ответ судьи Ляпкина-Тяпкина на замечание городничего о заседателе: «Он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаст немного водкою» (Н. В. Гоголь, комедия «Ревизор» (1836), д. I, явл. 1). 16 марта 1885 г.: «Им приходится ломать стулья уже по поводу Баркани. Хоть Александр Македонский и великий человек, хотя Баркани и хорошая артистка, но из пределов и границ выходить не следует» (в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836) городничий говорит: «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (д. 1, явл. 1). Фельетон от 23 июня 1884 г.: «В природе число 7 играет такую же важную роль, как любая стихия: ... “семь чертей и одна ведьма”...» (“семь чертей и одна ведьма” — слова городничего в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836), д. V, явл. 2). Фельетон от 6 апреля 1885 г.: «Начальство, пробегая какую-нибудь бумагу, прежде чем ознакомиться с содержанием, устремляет свое администраторское око на ять, е и запятые. — Гм... Вместо точки поставлена точка с запятой и оный написано через два н... Две ошибки! Подать-ка сюда Тяпкина-Ляпкина!» (цитата из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836), д. 1, явл. 1), где городничий говорит о том, что может сделать ревизор: «А кто, скажет, здесь судья? — Ляпкин-Тяпкин. — А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!»).

2. Стихотворные цитаты. Например, в фельетоне от 21 января 1884 г.: «Злоба и вопрос московского дня должны быть ошиканы за свою малость. Ничтожество им имя! («Ничтожество им имя!»

— в трагедии У. Шекспира «Гамлет» главный герой восклицает: «О женщины! ничтожество вам имя!» (д. I, явл. 2; перевод Н. А. Полевого. 4 февраля 1884 г.: «У него будут такие сборы, каких никогда не знал Русский театр. На то не испанец, а немец он!» («На то испанец он!» — фраза из оперетты композитора, дирижера Жака Оффенбаха (1819–1880) «Птички певчие (Перикола)» (1868), русский текст известного баснописца и драматурга В. А. Крылова. 2 марта 1885 г.: «На четвертой неделе он червь, он раб, он бог!» (ср. строки из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784): «Я царь — я раб, я червь — я бог!»). 5 октября 1885 г.: «Пока его не требует к священной жертве Аполлон, он малодушно погружен в такую прозу, что при дамах не всегда ловко сказать» (измененная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827): «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»); там же: «Говорят, что стоит только попросить у “Жизни” денег, чтобы собственную жизнь подвергнуть опасности... Всякий, кому должна “Жизнь”, может петь: “И от “Жизни” ничего не жду я...”» (здесь обыгрывается строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841): «Уж не жду от жизни ничего я...»). Фельетон от 30 июля 1883 г., рассказывающий об охоте на женихов: «Каждое лето москвички решаются “еще на один последний шаг” и читают “еще одно последнее сказанье...”» («еще одно последнее сказанье» — первые слова монолога Пимена из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» — сцена «Ночь, келья в Чудовом монастыре»). Фельетон 30 июля 1883 г.: «Лермонтов сказал, что «храм оставленный — все храм» («Так храм оставленный — все храм, кумир поверженный — все бог», — так заканчиваются у М. Ю. Лермонтова стихотворения «Я не люблю тебя; страстей...» (1831) и «Расстались мы, но твой портрет...» (1837). Фельетон от 13 августа 1883 г.: «Г. С-в обрадовался сорока тысячам, как сорок тысяч братьев, взятых вместе» (слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (д. V, явл. 1), сказанные у гроба Офелии ее брату Лаэрту: «Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут»). Фельетон от 5 ноября 1883 г.: «Написал он [Рассохин. — Т. Б.] ее “для звуков сладких” и ради славы авторской (слова Поэта из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (первое название — «Чернь», 1828): «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитвы»). Фельетон от 18 февраля 1884 г.: «“Ба! знакомые всё лица!” — восклицали

московские сплетники, смакуя <...> драму» (слова Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1828), д. IV, явл. 14). Фельетон от 17 марта 1884 г.: «Сегодняшним моим заметкам суждено украситься описанием одного знаменательного события. Это событие названо в полицейском протоколе буйством и сопротивлением властям... Все трое сделались героями полицейского “пленной мысли раздраженья”» (цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова 1839 г. «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...»). Фельетон от 9 июня 1884 г.: «[Васнецов. — Т. Б.] думает изобразить несколько моментов из давно минувших дней» («дела давно минувших дней» — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»; эти строки — перевод А. С. Пушкиным одной из «поэм Оссиана» английского писателя Джеймса Макферсона (1736–1796), ср.: «A tale of the times of old! The deeds of days of other years!»). Фельетон от 16 февраля 1885 г.: «При чем тут, спросите, Иванов? Что он Гекубе, что ему Гекуба?» (цитата из монолога Гамлета во втором действии трагедии У. Шекспира «Гамлет»; данное выражение иносказательно используется применительно к человеку, который безразличен к чему или кому-либо; Гекуба — жена троянского царя Приама, имя, которое стало нарицательным для обозначения женского горя); «Он ахнуть не успел, как на него медведь напал» (цитата из басни И. А. Крылова «Крестьянин и работник» (1815): «Крестьянин ахнуть не успел, Как на него медведь напал»). Фельетон от 15 июня 1885 г.: «Курс на дачную жизнь заметно падает. В купеческих дочках и отставных титулярных советницах не замечается уже давнишнего стремления “dahin, wo die Citronen bluh’n” (“туда, где цветут лимоны” (нем.) — цитата из стихотворения “Миньона” Иоганна Вольфганга фон Гете (1749–1832) (роман “Годы ученья Вильгельма Мейстера”). В фельетоне от 9 июня 1884 г.: «Городовой весь измучится, а про больного и говорить нечего. Пока больной доедет, так ему все суставы повывихнут, печенки отобьют и мозги повытрусят... Вкусившему такую перевозку “умереть — уснуть, не боле”, раз плюнуть...» (из монолога Гамлета в одноименной трагедии У. Шекспира (акт III, сцена 1). Ср. в переводе Н. Полевого: «Умереть — уснуть — не больше...» (1837).

3. Пословицы, поговорки, крылатые выражения. Фельетон от 24 сентября 1883 г. о том, как торговцы братья Елисеевы «чистокровную русскую воду» выдавали за иностранную: «“Не пой

людей водицей, самому придется напиться”, говорит русская пословица». (Ср.: «не плюй в колодец, пригодится воды напиться»). В фельетоне от 8 октября 1883 г.: «Станем с горя силачами и перевернем, от нечего делать, землю! Русский человек и без точки опоры обойдется» (известное выражение, которое приписывается Архимеду, древнегреческому математику (287–212 до н. э.): «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир», другой вариант: «Будь в моем распоряжении другая Земля, на которую можно было бы встать, я сдвинул бы с места нашу»). 9 июня 1884 г.: «Отвезши больного, каждый городской докладывает: “Доставлен благополучно. Всю дорогу ехал, радовался и восклицал: ave (здравствуй — лат.), Москва, ave и ты, городской, morituri te salutant!.. (тебя приветствуют обреченные на смерть!.. — лат.)” (выражение, которым приветствовали императора Клавдия гладиаторы, которые шли на битву; полный вариант: «Ave, Caesar! Morituri te salutant!» («Здравствуй, император! Идущие на смерть приветствуют тебя!» — лат.). Фельетон от 24 сентября 1883 г.: «Рок всегда действует по пословице “клин клином вышибай”, хотя он и не пьяница». Здесь же: «Quousque tandem, Catilina?..» (“Доколе же, Катилина?”); полная цитата: «Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?» («Доколе, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?») — цитата из речи Цицерона «Против Катилины» (Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) — древнеримский философ, оратор, политический деятель). Фельетон от 8 октября 1883 г.: «Артистический кружок продан с публичного торга... “Sic transit gloria mundi!” (лат.: “Так проходит мирская слава!”); данное выражение — перефразированная цитата из книги немецкого философа Фомы Кемпийского (XV в.) «О подражании Христу»: «O quam cito transit gloria mundi» (О как скоро проходит мирская слава). Согласно традиции, эти слова звучат во время церемонии вступления в сан папы римского, при этом в знак того, что все земное призрачно, изменчиво и тленно, и власть папы римского тоже, трижды сжигается кусочек ткани. Также данное выражение употребляется, когда говорят о чем-то утраченном, о том, что потеряло свой смысл); фельетон от 19 ноября 1883 г.: «В одном из последних номеров он [Гиляров-Платонов. — Т. Б.] пропагандирует “воинскую повинность для собак” — проект, стоящий архимедовского “эврика!”» (согласно легенде, древнегреческий математик Архимед (287–212 до н. э.) воскликнул

«Эврика!» («Нашел!»), открыв основной закон гидростатики — закон Архимеда).

4. Названия художественных произведений. Например, в фельетоне от 22 декабря 1884 г.: «Управа и дума обратятся в сборники сцен из народного быта, а городские дела дадут богатый материал для комедии “Горе от не ума”...» (ср.: «Горе от ума» (1828) — комедия А. С. Грибоедова).

5. Библейские цитаты. Так, в фельетоне от 27 августа 1883 г. об открытии театрального сезона: «В прошлом году по поводу этого начала гремели... а теперь не слышно ни гласа, ни вздыхания» (цитата из Библии, IV книга Царств, гл. 4, ст. 31).

Таким образом, в цикле фельетонов А. П. Чехова «Осколки московской жизни» (1883–1885) можно наблюдать прецедентные тексты, причем их можно анализировать как с точки зрения трансформации содержательно-структурной исходной основы, так и с точки зрения тематико-жанрового аспекта.

С точки зрения трансформации содержательно-структурной основы можно выделить цитации и квазичитации, с точки зрения тематико-жанрового аспекта — прозаические, стихотворные цитаты, пословицы, поговорки, крылатые выражения, названия художественных произведений, библейские цитаты.

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — М., 2003. — 288 с.
2. Захаренко, И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. — М., 1997. — Вып. 1. — С. 82–103.
3. Земская, Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. — М., 1996. — С. 157–168.
4. Караулов, Ю. Н. Вехи национально-культурной памяти в языковом сознании русских в конце XX века / Ю. Н. Караулов // Актуальные проблемы современной лексикографии. — М., 1997. — С. 26–38.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М., 1987. — 264 с.
6. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. — М., 1998. — 352 с.
7. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург, 2007. — 207 с.
8. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Слышкин. — Волгоград, 1999. — 174 с.
9. Сытин, П. В. Из истории московских улиц / П. В. Сытин. — М., 2011. — 464 с.
10. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — М., 2000. — 280 с.
11. Федосюк, Ю. А. Москва в кольце Садовых / Ю. А. Федосюк. — М., 2009. — 446 с.
12. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. / А. П. Чехов. — М., 1974–1986.

Сведения об авторе

Быстрова Татьяна Евгеньевна — кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин, профессор, Международный славянский институт. Москва, Россия. tpost88@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 8 (404). Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 22–27.

PRECEDENT TEXTS IN THE EARLY JOURNALISM OF A. P. CHEKHOV (the example of a series of feuilletons «Fragments of Moscow life»)

T. E. Bystrova

International Slavic Institute, Moscow, Russia. tpost88@yandex.ru

The article is devoted to this issue, as the case in the early works of the classics of Russian literature Anton Pavlovich Chekhov. The article analyzes different points of view on the definition of the term “precedent text”. The knowledge of precedent texts is an indicator of belonging to a particular era, culture, and their ignorance tells about the lack of awareness that borders on ignorance. The author considers precedent texts based on the cycle of the early satires of A. P. Chekhov “Fragments of Moscow life” (1883–1885) from the point of view of the transformation of the content and structural benchmarks analyzed precedent texts, and from the point of view of the thematic-genre aspect. The author’s observations, precedent texts used by A. P. Chekhov in this series of humorous anecdotes, are subject to particular modifications: the citations and quaility, dictated by the conditions of the context, and prose quotes, verse quotes, proverbs, sayings, idioms, names of works of art, biblical citations.

Keywords: *precedent text, quotes, quantitative, journalism, A. P. Chekhov, “Fragments of Moscow life”.*

References

1. Gudkov D.B. *Teoriya i praktika mezkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural studies]. Moscow, 2003. 288 p. (In Russ.).
2. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe vyskazyvanie i precedentnoe imya kak simvol'y precedentnyh fenomenov [The case statement and case name as symbols of case phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], 1997, iss. 1, pp. 82–103. (In Russ.).
3. Zemskaya E.A. Tsitatsiya i vidy yeyo transformatsii v zagolovkakh sovremennykh gazet [The citation and types of its transformation into a modern newspaper headlines]. *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura* [Poetics. Stylistics. Language and culture], 1996, pp. 157–168. (In Russ.).
4. Karaulov Yu.N. Vekhi natsional'no-kul'turnoy pamyati v yazykovom soznanii russkikh v kontse 20 veka [Milestones of the national cultural memory in the minds of Russian language in the late 20th century]. *Aktual'nye problemy sovremennoy leksikografii* [Actual problems of modern lexicography], 1997, pp. 26–38. (In Russ.).
5. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 1987. 264 p. (In Russ.).
6. Krasnykh V.V. *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'?* [A virtual reality or real virtuality?]. Moscow, 1998. 352 p. (In Russ.).
7. Nakhimova E.A. *Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii* [Case names in mass communication]. Ekaterinburg, 2007. 207 p. (In Russ.).
8. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnyye kontsepty pretsedentnyh tekstov* [Linguocultural concepts of case texts]. Volgograd, 1999. (In Russ.).
9. Sytin P.V. *Iz istorii moskovskikh ulits* [From the history of Moscow streets]. Moscow, 2011. 464 p. (In Russ.).
10. Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Intertextuality counterpoint, or Intertext in the world of texts]. Moscow, 2000. 280 p. (In Russ.).
11. Fedosyuk Yu.A. *Moskva v kol'tse Sadovykh* [Moscow in the ring of Garden]. Moscow, 2009. 446 p. (In Russ.).
12. Chekhov A.P. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomah* [Complete works in 30 volumes]. Moscow, 1974–1986. (In Russ.).

УДК 070
ББК 76.01

ТРАСПАРЕНТНОСТЬ РОБОТИЗИРОВАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: КАК НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УГРОЖАЮТ ПРИНЦИПАМ ПРОФЕССИИ

А. Д. Иванов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Появление принципиально новых роботизированных технологий, исключающих участие человека в процессе поиска, обработки и публикации информации, особо остро ставит вопросы сохранности профессиональных и этических принципов журналистской деятельности. Автор исследования анализирует новые вызовы профессии, формирующиеся вследствие развития роботизированной журналистики, которая развивается в отсутствие сформулированных требований к прозрачности работы алгоритмов.

Ключевые слова: *роботизированная журналистика, алгоритмы, машинное обучение, вызовы профессии, журналистская этика.*

Принципиально новый этап развития журналистики теории и практики сферы массовой коммуникации связывают с развитием технологий искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI) и машинного обучения (machine learning, ML). Последние годы тема автоматизации процессов журналистской деятельности по сбору, обработке, анализу, созданию и распространению информации заняла ведущие позиции в работах мирового научного сообщества, посвященных изучению перспектив развития медиаотрасли.

Под роботизированной журналистикой мы понимаем сложный многоступенчатый процесс поиска, накопления, обработки, статистического и семантического анализа данных автоматизированными алгоритмами, действующими в том числе на основе нейронных сетей, конечным этапом которого является генерация текста на естественном языке, содержащего новую информацию об исследуемом объекте. Добавим, что не всегда первичные данные, получаемые роботом-журналистом, представляют собой текст с наличествующими семантическими связями, о которых говорит группа исследователей [1] во главе с А. В. Замковым, иначе бы речь шла не о принципиально новом этапе для системы медиа, а о развитии автоматизированных механизмов рерайта. Последние разработки алгоритмов для нужд новостной журналистики показывают, что изначальным материалом для подготовки новости может служить массив данных, состоящий из разрозненных публикаций социальных сетей,

который в результате статистического анализа преобразуется в сообщение. Так, к примеру, работает китайский медиабот Сяо Нань (Xiao Nan), который в начале 2017 г. опубликовал новость о возросшем интересе к поездкам в преддверии китайского Нового года, используя для этого информацию пользователей, опубликованную в социальных сетях [8].

Всплеск интереса научного сообщества к теме развития роботизированной журналистики возникает в последние пару лет и это напрямую связано с появлением первых прототипов роботов-журналистов в редакциях международных изданий. В 2010 г. алгоритм Narrative Science был применен для подготовки спортивных и экономических отчетов в Forbes, в 2013 г. — запущен Quakebot в The Los Angeles Times для публикации информации о землетрясениях, в 2014 г. — «криминальный робот» Guarbot в издании The Guardian и Wordsmith в Associated Press, в 2017 г. — медиабот Xiao Nan в газете Southern Metropolis Daily из китайского города Гуанчжоу. Значимым этапом в развитии автоматизированной журналистики стал запуск проекта агентства Press Association под названием RADAR [9], на поддержку которого компания Google выделила \$807 тыс. по программе Digital News Initiative. Предполагается, что уже в 2018 г. этот алгоритм будет создавать более 30 000 публикаций в месяц для нужд новостного агентства. Стоит отметить, что процессу автоматизации в журналистике на сегодняшний день поддаются далеко не все темы — в основе новости обязательно должны

быть цифры или отчеты, которые поддаются статистическому анализу, чтобы алгоритм мог правильно обработать данные и использовать их для написания читабельного текста.

Несмотря на существующие технологические ограничения, практический аспект роботизированной журналистики развивается довольно быстро — крупные международные издания Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Китая и других стран активно создают и используют в полевых условиях первые прототипы алгоритмов, способных заменить штатных журналистов в сфере подготовки новостей об экономике, спорте, чрезвычайных происшествиях. Потенциал для развития журналистики видится в подобных разработках глобальный, но для профессии процесс роботизации может оказаться очень неоднозначным — эксперты в области медиа уже строят массу различных теорий развития журналистики и даже вплоть до апокалиптических, связанных с вытеснением человека из новостной оперативной журналистики. На деле же сегодня роботы служат исключительно помощниками в ежедневной оперативной работе с информацией и не угрожают увольнением журналистам в редакциях из-за ограниченности своих функций, сложности процесса обучения робота, а также в силу существования неразрешимых этических и профессиональных вопросов.

Можно выделить несколько основных вызовов — совокупность этических, профессиональных и социальных проблем, возникающих в процессе развития роботизированной журналистики.

Группа нидерландских исследователей во главе с А. Kasem в своей работе по изучению сценариев развития журналистики выделяет направления трансформации системы массовых коммуникаций и связывает основные тренды с появлением новой техники и девайсов массового пользования, доминированием социальных сетей в роли ключевого источника информации, а также с развитием автоматизации и роботизации [6]. В частности, особую роль в будущем журналистики авторы отводят алгоритмам ранжирования контента, которые должны стать основным инструментом формирования новостной повестки дня. Благодаря использованию этих систем, набором новостей, попадающих на первый экран сайта (данные, расположенные в самом верху сайта и не требующие совершения скролла мышкой) любого интернет-

сервиса (от медиа до социальных сетей), можно будет вводить аудиторию в заблуждение. Как пример авторы приводят сложный набор алгоритмов, использующихся в сервисах Facebook и Google, которые по ряду критериев и правил, держащихся в строгой секретности, определяют качество и потенциал контента для аудитории. Самые верхние позиции в ленте формируются не редакторским коллективом, как это зачастую происходит на новостных порталах сегодня, а с помощью автоматизированных систем на основе предпочтений и интересов конкретного пользователя. Если наличие редактора, формирующего новостную повестку, сейчас воспринимается как проявление позиции того или иного издания по ряду вопросов, то в случае с работой автоматизированных алгоритмов ранжирования, представляемых как максимально объективные и независимые системы, речь идет о глобальном влиянии на общественное мнение. Аудитория воспринимает факт автоматического ранжирования и последовательность потребляемого контента как проявление сверхобъективности алгоритма, в то время как может иметь место некорректная первоначальная настройка или обход «интеллектуальной» системы третьими лицами уже в процессе анализа информации роботом.

На наш взгляд, подобные роботизированные алгоритмы являются потенциально слабым и опасным местом для журналистики как социального института сегодня. Лоббирование определенных тем, тезисов и подсвечивание «нужных» мнений может привести к искажению реальной информации и манипулированию фактами для достижения третьими лицами определенной коммерческой или политической выгоды. На первый план выходит не качество журналистского контента, его оперативность, достоверность и глубина, а умение обмануть робота, сортирующего информацию в новостной ленте социальных сетей, новостных агрегаторах или личных телефонных ассистентов (Google Assistant, Siri, Cortana и прочие). Подобная «интеллектуальная» система нивелирует значимость фактов и журналистскую работу в целом, ведь дает возможность выводить на поверхность глобальных информационных потоков любую информацию. Главное — выполнить все требования сортирующего контент алгоритма.

Эффект излишней фильтрации и персонализации, приводящий к искажению и ограничению

получаемой информации, уже давно получил название «пузырь фильтров», однако в контексте развития роботизированной журналистики и повсеместного внедрения рекомендательных систем это явление приобретает новые сферы применения: к поисковым системам добавляются сайты средств массовой информации, социальные сети и новостные агрегаторы.

В этом контексте особую ценность приобретает навык роботов проверять информацию, которым сегодня алгоритмы не обладают, — в своей работе они лишь сопоставляют некоторые статистические данные, найденные в открытых для обучения источниках, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии закономерностей. Алгоритм может выявить формирование новых трендов, определить «почему» это происходит, но понять ситуацию или ответить на вопросы «зачем» и «что с этим делать» робот в перспективе ближайших 10–15 лет, конечно не сможет. И несмотря на то, что сравниться с опытным журналистом в проверке фактов и формировании вывода алгоритм пока не в состоянии, потенциальная опасность для профессии в перспективе сохраняется. Грамотное владение технологиями позволит обманывать алгоритм и подтасовывать факты для создания нужной картины мира или отдельно взятой ситуации.

Профессор Мюнхенского университета Людвиг и Максимилиана (Ludwig-Maximilians-Universität München) и Лондонского университета (University of London) Нил Турман (Neil Thurman) в рамках исследования автоматизированной журналистики провел опрос журналистов редакторов и руководителей крупных международных медийных компаний (CNN, BBC, Thomson Reuters, Trinity Mirror, News UK) [7]. Выяснилось, что значительная часть респондентов выразила беспокойство по поводу объективности новостной повестки, формируемой роботами. По словам опрошенных, алгоритмы смогут производить излишнее количество журналистских материалов на определенные темы, чтобы перетянуть на себя внимание аудитории, тем самым снизив значимость других важных событий. Учитывая постоянно возрастающий объем информации, с которым приходится каждый день сталкиваться человеку, масштабирование проектов, наподобие RADAR, в планах у которого — роботизированное изготовление более 30 000 новостей в месяц, ориентироваться в глобальном новостном потоке станет невозможно. Поэтому массовые «вбросы»

публикаций на нужную тему создадут дополнительные сложности для объективного восприятия реальности аудиторией в процессе потребления новостей.

Однако сам по себе робот не может подменить факты, начать писать больше текстов на какую-то случайную тему или составить ложные причинно-следственные связи — для этого требуется вмешательство человека на этапе программирования и обучения автоматизированного алгоритма или изначально ложная информация, которую робот по какой-то причине будет считать достоверной, что тоже является примером некорректной настройки и работы системы.

Алгоритм газеты The Los Angeles Times под названием Quakebot был разработан в 2013 г. по заказу редакции издания, чтобы автоматизировать и значительно ускорить процесс подготовки сообщений о землетрясениях [2]. На основе данных из открытых источников (в первую очередь на основе отчетов Геологической службы США) робот готовит заметки и тратит на весь процесс от получения данных до публикации информации на сайте около трех минут — этого времени журналисту-человеку не хватает, даже чтобы качественно обработать и проверить информацию. За все время работы Quakebot создал сотни оперативных новостей, однако в июне 2017 г. совершил первую, но крайне важную ошибку [10].

Алгоритм не смог отличить фейковую новость о землетрясении магнитудой 6,8 в городе Санта-Барбара, размещенную по ошибке на сайте Геологической службы США 22 июня, от реального события. Сотрудник Службы обновлял архивные данные и по ошибке указал, что землетрясение произошло в 2025 г. вместо 1925 г., после чего система оповещений автоматически разослала предупреждение жителям города о надвигающемся ударе стихии — данные получил также Quakebot, подготовил оперативное сообщение и разместил его на сайте газеты и в социальных сетях. Позже The Los Angeles Times опубликовала опровержение, объяснила ситуацию и удалила некорректные данные, однако эта ситуация отлично продемонстрировала, что существующие алгоритмы пока не способны по-настоящему анализировать и проверять данные. Репортер, отвечающий за освещение землетрясений, как минимум бы заметил отсутствие подземных толчков, как максимум — увидел опечатку в отчете и перепроверил данные. Алгоритм же выполнил

исключительно запрограммированные действия и не мог отступить от прописанного программного кода, в котором не была заложена система фактчекинга. На месте выдуманного землетрясения мог оказаться любой другой факт, который робот-журналист принял бы за данность, и это демонстрирует профессиональному сообществу необходимость в более детальной проработке роботов-журналистов, а также в организации системы контроля качества информации, подготавливаемой алгоритмами.

С учетом, что имеющиеся разработки в области автоматизации процессов в журналистике представляют собой коммерческую тайну крупных медиагигантов, в том числе Google и Facebook, остро встает вопрос о регулировании этапов создания, программирования, обучения и функционирования алгоритмов, которые работают с массовой информацией.

Программный код и изначальный объем размеченной информации, на которой обучалась нейронная сеть, лежащая в основе любого алгоритма по написанию новостей, другие особенности работы — все это должно быть максимально понятным и прозрачным для аудитории, если в будущем робот-журналист займет главное место в новостной редакции. Законодательство стран контролирует деятельность журналиста по-разному, однако в вопросах ответственности за предоставление недостоверных данных позиции многих государств очень схожи — за ошибки в информации отвечает журналист и редакция СМИ, но кто будет нести ответственность за опубликованные роботом новости? Редактор? Программист? Ни профессиональное, ни научное сообщество пока не может дать однозначного ответа, каким образом должна контролироваться прозрачность механизмов работы робо-

тов-журналистов, систем ранжирования и рекомендации.

Профессор Высшей школы медиа и коммуникаций (Macromedia Hochschule für Medien und Kommunikation) Андреас Грефе (Andreas Graefe) в Руководстве по автоматизированной журналистике говорит о непредвзятости и объективности роботов-журналистов, как о слишком оптимистичном или даже ложном восприятии этих тенденций. По словам исследователя, важное место в дорожной карте развития автоматизированной журналистики должны занять как раз вопросы прозрачности механизмов, а также мониторинга качества новостей, подготовленных без участия человека [5].

Говоря о перспективах развития медиаотрасли в контексте роботизации, можно сделать вывод, что особое внимание должно уделяться процессам так называемого обучения алгоритмов, в ходе которого робот-журналист получает установочные данные, а также процессам верификации данных и фактчекинга. Вопрос транспарентности работы роботов-журналистов находится на стыке коммерческих интересов компаний и изданий, занимающихся их разработкой и совершенствованием алгоритмов, а также профессиональными и этическими нормами, требующими от журналистики объективности и достоверности в работе с информацией. На наш взгляд, процесс регулирования искусственного интеллекта — самый острый и сложный, и касается не только роботизированной журналистики, а всей отрасли машинного обучения в целом. Решение этих вопросов позволит сохранить значимость и ценность журналистской профессии даже в ситуации отсутствия людей, задействованных в процессе обработки информации и создания новостей.

Список литературы

1. Замков, А. В. Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию / А. В. Замков, М. А. Крашенинникова, М. М. Лукина, Н. А. Цынарёва // Медиаскоп. — 2017. — Вып. 2. — URL: <http://www.mediascope.ru/2295>. — Дата обращения: 01.07.2017.
2. Иванов, А. Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ / А. Д. Иванов // Знак: проблем. поле медиаобразования. — 2015. — № 2 (16). — С. 32–40.
3. Иванов, А. Д. Современное состояние роботизированной журналистики / А. Д. Иванов // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия. — Екатеринбург, 2016. — С. 106–109.
4. Diakopoulos, N. Algorithmic transparency in the news media / N. Diakopoulos, M. Koliska // Digital Journalism. — 2016. — 27 July. — P. 1–20.
5. Graefe, A. Guide to Automated Journalism / A. Graefe — URL: <http://towcenter.org/research/guide-to-automated-journalism>. — Дата обращения: 15.01.2017.

6. Kasem, A. What's New (s). Scenarios on the Future of Journalism / A. Kasem, M. Waes, K. Wannet // Amsterdam. Retrieved September. — 2015. — Т. 18. — P. 13–18.

7. Thurman, N. When Reporters Get Hands-on with Robo-Writing: Professionals consider automated journalism's capabilities and consequences / N. Thurman, K. Dörr, J. Kunert // Digital Journalism. — 2017. — March 1. — P. 1–20.

8. Chinese robot 'reporter' makes its publishing debut / China news service. — URL: <http://www.ecns.cn/2017/01-19/242444.shtml>. — Дата обращения: 18.07.2017.

9. PA awarded €706,000 grant from Google to fund a local news automation service in collaboration with Urbs Media / Press Association. — URL: <https://www.pressassociation.com/company-news/pa-awarded-e706000-grant-google-fund-local-news-automation-service-collaboration-urbs-media>. — Дата обращения: 10.07.2017.

10. Robot Journalist Accidentally Reports on Earthquake from 1925. — URL: <http://gizmodo.com/robot-journalist-accidentally-reports-on-earthquake-fro-1796325030>. — Дата обращения: 30.06.2017.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Дмитриевич — преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики, Челябинский государственный университет; управляющий партнер SMM-агентства SMMashing Media. Челябинск, Россия. info-ai@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 8 (404). Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 28–33.

TRANSPARENCY OF ROBOTED JOURNALISM: HOW THE NEW TECHNOLOGIES THREATEN THE PRINCIPLES OF THE PROFESSION

A. D. Ivanov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. info-ai@yandex.ru

Emergence of essentially new robotic technologies excluding participation of the person in the course of search, processing's and publications of information, especially sharply raises questions of safety of professional and ethical principles of journalism. The author of a research analyzes the new calls of a profession, which are formed in a consequence of development of robotic journalism, which develops in lack of the formulated requirements to transparency of work of algorithms.

Keywords: *roboted journalism, algorithms, machine learning, profession calls, journalistic ethics.*

References

1. Zamkov A.V. *Robotizirovannaya zhurnalistika: ot nauchnogo diskursa k zhurnalistickomu obrazovaniyu* [Robotized journalism: from scientific discourse to journalistic education]. Available at: <http://www.mediascope.ru/2295>, accessed 01.07.2017. (In Russ.).

2. Ivanov A.D. Robotizirovannaya zhurnalistika i pervyie algoritmyi na sluzhbe redaktsiy mezhdunarodnyih SMI [The Robotic Journalism and the first algorithms on service of editions of the international mass media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: the problem field of media education], 2015, no. 2 (16), pp. 32–40. (In Russ.).

3. Ivanov A.D. Sovremennoe sostoyanie robotizirovannoy zhurnalistiki [The current state of robotic journalism]. *Zhurnalistika tsifrovoy epohi: kak menyaetsya professiya* [Journalism of the digital era: how does the profession change]. Ekaterinburg, 2016, pp. 106–109. (In Russ.).

4. Diakopoulos N. Algorithmic transparency in the news media. *Digital Journalism*, 2016, 27 July, pp. 1–20.

5. Graefe A. *Guide to Automated Journalism*. Available at: <http://towcenter.org/research/guide-to-automated-journalism>, accessed 15.01.2017.

6. Kasem A. What's New (s). Scenarios on the Future of Journalism. *Amsterdam*. Retrieved September, 2015, no. 18, pp 13–18.
7. Thurman N. When Reporters Get Hands-on with Robo-Writing: Professionals consider automated journalism's capabilities and consequences. *Digital Journalism*, 2017, March 1, pp. 1–20.
8. *Chinese robot 'reporter' makes its publishing debut*. Available at: <http://www.ecns.cn/2017/01-19/242444.shtml>, accessed 18.07.2017.
9. *PA awarded €706,000 grant from Google to fund a local news automation service in collaboration with Urbs Media*. Available at: <https://www.pressassociation.com/company-news/pa-awarded-e706000-grant-google-fund-local-news-automation-service-collaboration-urbs-media>, accessed 10.07.2017.
10. *Robot Journalist Accidentally Reports on Earthquake from 1925*. Available at: <http://gizmodo.com/robot-journalist-accidentally-reports-on-earthquake-fro-1796325030>, accessed 30.06.2017.

УДК 811.112.2'276.6; 316.776+81'42
ББК 81.2 Нем

ПОХВАЛА И КОМПЛИМЕНТ В ПОРТРЕТНОМ ИНТЕРВЬЮ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ АДРЕСАТА (на материале немецкого языка)

Е. Ю. Ионкина

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

Статья посвящена анализу речевого поведения героя портретного интервью при его реагировании на положительные оценочные высказывания журналиста. Выявлены и описаны возможные типы реакций адресата на похвалу и комплимент. Результаты исследования могут найти практическое применение в области журналистики, а также в практике речевого общения на иностранном языке.

Ключевые слова: *интервью-портрет, оценочная реплика, похвала, комплимент, журналист, адресат, реакция.*

В диалоге-интервью журналисту принадлежит ведущая роль организатора и координатора беседы. Не является тому исключением и интервью-портрет, героем которого становится известная личность, привлекающая интерес широкой публики. «Интервью — целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с интервьюируемым в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений и суждений, представляющих общественный интерес» [4. С. 50]. Как следует из определения интервью, данного С. Н. Ильченко, интервьюируемый играет активную роль, является источником информации, которую стремится выведать журналист. Журналист, в свою очередь, выступая автором портретного интервью, использует различные коммуникативные приемы, способствующие успешному речевому взаимодействию и максимальному раскрытию личности собеседника. К приемам непосредственного воздействия на собеседника относятся и высказывания с положительной оценочной семантикой, широко используемые в интервью-портрете.

В процессе коммуникации неизменно проявляются аксиологические отношения, которые передаются разнообразными средствами как на уровне языка, так и речи. При изучении всего многообразия и гибкости функционирования языковых и речевых единиц в различных ситуациях общения, а также роли человеческого фактора в функционировании языка все большее внимание уделяется феномену «положительности/отрицательности», который является отражением аксио-

логической категории оценки и элементом категорий одобрения/неодобрения [7]. Исследованию категории оценки и типам оценочных высказываний посвящены работы таких исследователей, как Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, О. Б. Горобец, И. Г. Дьячкова, Т. В. Маркелова, П. Браун и С. Левинсон, Р. К. Герберт, Н. Вольфсон и других ученых. Тем не менее специфика речевого реагирования на высказывания с оценочной семантикой изучена не в полной мере. В портретном интервью как личностно-ориентированном типе диалогического взаимодействия, при котором последовательно раскрываются персональные качества собеседника, положительная оценка занимает не только существенное место, но является его неотъемлемой составляющей. Это и определяет актуальность настоящего исследования, предметом которого становится анализ речевого поведения интервьюируемого в ответ на высказывания, содержащие положительную оценку в его адрес. Речевое поведение участников общения мы понимаем как «эмпирически наблюдаемая, мотивированная, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей» [2. С. 190]. Материалом исследования послужили тексты интервью с известными людьми Германии, опубликованные в немецких электронных СМИ. За единицу исследования принимается диалогическое единство (ДЕ), состоящее из положительной оценочной реплики журналиста и ответной реплики собеседника.

Для современного функционально-ориентированного языкознания характерно понимание речевых произведений (высказываний) как целенаправленных речевых действий [8; 10]. В речевом поведении журналиста портретного интервью похвала и комплимент являются наиболее распространенными речевыми действиями, выражающими одобрение, положительное отношение к личности собеседника. Несмотря на общность положительной оценки, похвала и комплимент обнаруживают существенные различия в функциональном и языковом плане. Для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента — способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении. «Для похвалы показателем успешности <...> является принятие оценки, показателем неудачи — ее отклонение, для комплимента даже несогласие адресата с говорящим не означает неуспеха...» [6. С. 178–179]. «И комплимент, и похвала имеют инициативную природу, их роль в интервью не сводится только к созданию положительного эмоционального настроения собеседника. Форма языкового выражения, как правило, определяет функцию, которую выполняют высказывания похвалы и комплимента в диалоге-интервью. Так, для комплимента были выделены — функция установления контакта, поддержания беседы, гармонизации общения; для похвалы — информативная и ликоповышающая функции» [5. С. 495]. Высказывая похвалу или комплимент, журналист преследует различные коммуникативные цели, что обуславливает и разницу прогнозируемых реакций собеседника. Тем не менее адресант склонен ожидать положительную реакцию на свое оценочное высказывание. Как правило, похвалу принимают во внимание, учитывают, ею гордятся, поэтому простая благодарность, сопровождаемая чувством скромности, удовлетворения является наиболее распространенной реакцией. Стандартными типами реакций на комплимент считаются благодарность, выражение радости от полученного комплимента и ответный комплимент.

Однако исследователи выделяют и другие коммуникативные типы реакций. Например, Е. Ю. Абрамова считает, что в процессе диалогизирования адресат может принять либо отклонить комплимент. В случае принятия комплимента адресат может расценить его как таковой и поблагодарить тем или иным образом, а может расценить его как заслуженную похвалу. Она на-

зывает следующие типы реакций на комплимент: отказ от общения, «синдром самозванца», заслуженная похвала и принятие комплимента с благодарностью [1]. Н. Н. Горяинова выделяет в речевом поведении адресата похвалы ряд стратегий в соответствии с уровнем достижения иллюкативных целей в речевом акте. Речевые стратегии адресата похвалы делятся на стратегию полного принятия похвалы, стратегию частичного принятия похвалы, стратегию отвода похвалы [3]. Данные стратегии реализовываются посредством следующих тактик: тактика согласия и тактика благодарности; тактика кокетства, тактика неполного согласия и тактика ложного отрицания; тактика изобличения, тактика выражения несогласия и тактика непринятия похвалы. Как следует из вышесказанного, реакции адресата на высказывания положительной оценки могут быть разнообразными, поэтому целью нашего исследования является выявление тех типов реагирования, которые характерны именно для портретного интервью.

Успех интервью-портрета напрямую зависит от количества и качества информации, получаемой журналистом от своего собеседника. Е. В. Швец в этом отношении говорит о «генеральной стратегии интервьюера, которая заключается в удовлетворении читательского интереса, в создании и поддержании имиджа “звезды”» [9. С. 12]. Именно поэтому вопросы журналиста несут в себе первичную вопросительную интенцию, а положительная оценка зачастую в них представлена косвенно. Косвенность обусловлена необходимостью соблюдения принципа вежливости в сфере формальной коммуникации, а также желанием интервьюера «не навредить» личности своего собеседника преувеличенной, «корыстной» похвалой.

Поскольку портретное интервью является формой диалогического дискурса, то комплименты в нем наиболее часто облекаются именно в вопросительную форму. В вопросах-комплиментах вопрос содержится в пропозиции, а комплимент в модальной рамке предложения. При этом комплимент может быть выражен эксплицитно, то есть содержит в своей структуре эмоционально-оценочный компонент, или имплицитно. В случае имплицитного комплимента адресат вынужден сам обнаруживать его в скрытой семантической форме высказывания исходя из общих предположений, а также благодаря положительной коммуникативной ситуации. Было установлено,

что реагируя на эксплицитные вопросы-комплименты, собеседник дает ответ, одновременно выражая свое согласие либо несогласие с оценкой. Наиболее часто реакция оказывается негативной, например:

(1) — *Wenn man Sie als Show-Dino bezeichnet, empfinden Sie das als Kompliment oder als Beleidigung?*

— *Och, das ist ein hübsches Wort. Aber es trifft insofern nicht zu, als **Dinosaurier** ausgestorben sind* [JL].

Если же комплимент в вопросе выражен имплицитно, то собеседник дает прямой ответ, не обращая внимания на скрытый смысл высказывания либо не распознав его, например:

(2) — *Hat man auch als allein erziehender Vater noch ein erfülltes Liebesleben?*

— *(lacht) Ich hoffe, doch. Man muss nur die Prioritäten richtig setzen: Ich bin in erster Linie Vater für meine beiden Söhne. Das ist ein echter Fulltime-Job* [LN].

В данном примере нейтральный, на первый взгляд, вопрос приобретает характер комплимента благодаря словосочетанию «*allein erziehender Vater*» («отец-одиночка»). Журналист использует его с явным положительным оценочным смыслом, который выводится путем логического следствия: отец, воспитывающий в одиночку двоих сыновей, безусловно, заслуживает восхищения. Несмотря на общие пресуппозиции собеседников, адресат оставляет комплимент без внимания, поскольку расценивает его, скорее всего, как заслуженную похвалу.

Игнорирование комплиментарного смысла высказывания обусловлено, прежде всего, функцией самих вопросов-комплиментов, а именно — функцией поддержания беседы. По этому поводу будет уместно привести мнение О. С. Иссерс. «Комплимент является эмоционально настраивающей тактикой, способствующей решению основных стратегических задач. <...> В то же время он нередко выступает в качестве стимула к выдаче информации. Комплиментарные реплики типа «Как вам это удалось?» являются прямым подтверждением причастности к проблеме, требуют от респондента большей детализации и служат удобным поводом для дальнейших расспросов» [6. С. 188–190].

Оценочная часть высказывания журналиста также остается без внимания адресата, если вслед за прямой похвалой следует вопрос. В этом случае собеседник вынужден отвечать на вопрос,

никак не реагируя на оценку своих достижений, например:

(3) — *Sie haben zwei eigene Restaurants, eine werktägliche Sendung im ZDF, Sie sind oft Gast bei anderen Koch- und Showformaten, schreiben Kochbücher, haben zwei Töchter — wie bewältigt man das alles?*

— *Du musst einfach gut organisiert sein und brauchst gute Leute um dich herum. In meinen Restaurants habe ich Küchenchefs, denen ich absolut vertraue* [SH].

На прямой комплимент и прямую похвалу, выраженные повествовательной формой предложения, наблюдается положительная реакция адресата в виде прямого либо косвенного согласия с оценкой, например:

(4) — *Sie sind doch eine gute, bekannte und populäre Schauspielerin.*

— *Ich gehöre tatsächlich noch zu den Privilegierten, und trotzdem habe ich immer wieder Schiss, dass nichts mehr kommt. Viele Angebote kommen total kurzfristig, zwei Wochen vorher ist keine Seltenheit* [KE].

Кроме того, на прямую похвалу журналиста собеседник, как правило, вместо согласия часто дает аргументированный ответ. Это обусловлено, прежде всего, информативной функцией самого высказывания похвалы. Оценивая поступок своего собеседника, журналист ожидает от него некоего комментария, например:

(5) — *Als ich Sie kürzlich in „DAS“ sah, habe ich gestaunt, dass Sie so fröhlich sind und so viel lachen. Ehrlich gesagt hatte ich Sie mir strenger vorgestellt.*

— *Das liegt an meinen Rollen — die sind ja meistens streng. Mir passiert es immer wieder, dass Menschen zu mir sagen: Sie sind ja gar nicht so, wie ich Sie mir vorgestellt habe (lacht)* [KE].

Довольно нетипичной формой реакции на прямой комплимент является оправдание или «преуменьшение заслуг» со стороны адресата. Журналист выражает искреннее восхищение своим собеседником, который, однако, в своей ответной реплике дает понять, что его поведение не является чем-то особенным и заслуживающим столь большого внимания.

Приведем пример:

(6) — *Was auch gut zu Ihnen passen würde: Sie sind immerhin so wahnsinnig, sich noch mit fast 70 Jahren auf Skiern eine Bobbahn hinabzustürzen — mit einer 15 Kilo schweren Kamera in der Hand!*

— *Das war gar nicht so gefährlich. Man übt das ja vorher, und die Bahn ist komplett frei. Das sind gut*

überlegte Dinge, keine Harakiri-Geschichten <...> [WB].

Реакция «преуменьшение заслуг», как правило, сочетается с простой благодарностью за комплимент. Благодарность, выраженная лексически, обычно следует на комплимент, если он касается внешности или каких-либо скрытых достоинств героя портретного интервью. В этом случае собеседник принимает оценку, благодарит, но из скромности делает оговорку о своих заслугах, например:

(7) — *Sie sehen aber auch umwerfend aus. Nicht nur auf den Playboy-Fotos ...*

— *Oh, danke. Aber der Fotograf war auch toll. Wir hatten einen guten Draht. Er ist auch ein bisschen verrückt [BH].*

Другой нетипичной формой реакции адресата на комплимент является вопрос-удивление. Было установлено, что данная реакция следует на комплимент в самом начале диалога-интервью и обусловлена самой функцией комплимента — установить контакт с собеседником, максимально настроить его на общение. С этой целью журналист может использовать довольно откровенные комплименты, часто в сочетании с иронией, что и провоцирует в первую очередь реакцию удивления со стороны адресата. В приведенном ниже отрывке диалога адресат (женщина) сначала весьма эмоционально выражает свое недоумение по поводу высказанного журналистом комплимента, а затем соглашается с общепризнанным мнением, сложившимся о ней в немецкой прессе:

(8) — *Frau Hobmeier, ich bin ein wenig befangen, weil ich mich mit einer Sexbombe unterhalte.*

— *(lacht) Sexbombe?*

— *So hat Sie der Kritiker der Deutschen Presse-Agentur nach der Premiere des „Jedermann“ bezeichnet, und zahlreiche Zeitungen haben seinen Text so übernommen.*

— *Lustig, das habe ich noch gar nicht mitbekommen, dass ich als Sexbombe durch die*

Presselandschaft geistere (lacht). Aber ich finde es auch nicht schlimm, eine attraktive Wirkung zu haben und als sexy bezeichnet zu werden [BH].

В случае, если собеседник в корне не согласен с похвалой, высказываемой ему журналистом, он прибегает к крайней форме реагирования — перебивание, непринятие похвалы. В данном случае можно говорить о коммуникативной неудаче журналиста, похвала которого оказалась слишком навязчивой для адресата. Перебивание выражается лексически и зачастую сопровождается аргументацией, например:

(9) — *Aber Sie kriegen Millionen-Gagen, haben Häuser auf der ganzen Welt, fahren einen 100 000-Dollar-Range-Rover, tragen eine teure Uhr, Maßanzüge...*

— *Stop, stop, stop! Sie reden so wie einige meiner Freunde. Die verstehen auch nicht, dass mir an diesen materiellen Gütern überhaupt nichts liegt. Die sagen: „Hugh, du kannst deinen Reichtum gar nicht richtig genießen. <...>. Sie haben ja so Recht. Ich mache mir wirklich nichts aus Luxusgütern [LN].*

Как показало исследование, при составлении портрета своего собеседника журналист активно задействует положительную оценку событий и достижений его жизни. В ходе анализа речевого поведения героя портретного интервью были установлены основные коммуникативные типы его реакций на высказывания положительной оценки. Так, на комплимент могут следовать такие реакции адресата, как *согласие с оценкой (прямое/косвенное), благодарность, «преуменьшение заслуг», игнорирование оценки, вопрос-удивление, несогласие с оценкой*; на похвалу — *согласие, аргументация, игнорирование, непринятие похвалы*. Выбор того или иного способа реагирования обусловлен главным образом функциональным различием оценочных высказываний, формой их языкового выражения, а также коммуникативно-психологическими особенностями участников портретного интервью.

Список литературы

1. Абрамова, Е. Ю. Коммуникативная роль реакции на комплимент в процессе диалогизирования / Е. Ю. Абрамова // Науч. вестн. Междунар. гуманитар. ун-та. Сер.: Филология. — 2014. — Т. 1, № 8. — С. 30–33.
2. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. — Екатеринбург, 2001. — 408 с.
3. Горяинова, Н. Н. Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Горяинова. — Ставрополь, 2010. — 21 с.
4. Ильченко, С. Н. Интервью в журналистском творчестве : учеб. пособие / С. Н. Ильченко. — СПб., 2003. — 93 с.

5. Ионкина, Е. Ю. Эмоционально настраивающие тактики в интервью-портрете (на материале немецкого языка) / Е. Ю. Ионкина // Молодой ученый. — 2016. — № 18 (122). — С. 492–496.
6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М., 2006. — 288 с.
7. Ключко, Л. И. Похвала как оценочное высказывание в английском языке / Л. И. Ключко // Вестн. Международ. Славян. ун-та. Сер.: Филология. — 2000. — № 4 (3). — С. 50–53.
8. Леонтьев, А. Н. Основы теории речевой деятельности / А. Н. Леонтьев. — М., 1974. — 253 с.
9. Швец, Е. В. «Звездное» интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Швец. — Калининград, 2008. — 23 с.
10. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. — Oxford, 1994. — 189 p.

Источники

BH — Brigitte Hobmeier über Bühne und Buhlschaft. — URL: <http://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/8393/brigitte-hobmeier-uber-buhne-und-buhlschaft#gallery&0&0&8393>. — Дата обращения: 23.02.2017.

JL — Entertainer Jürgen von der Lippe im Interview. — URL: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-31788/entertainer-juergen-von-der-lippe-ja-ich-bin-freizeitklugscheisser_aid_1011422.html. — Дата обращения: 23.02.2017.

KE — Karoline Eichhorn über ihre Abneigung gegen Bettszenen und Knochenbrüche. — URL: <http://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/85167/karoline-eichhorn-uber-ihre-abneigung-gegen-bettszenen-und-knochenbrueche>. — Дата обращения: 18.03.2017.

LN — Schauspieler Liam Neeson im Interview. — URL: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-25477/schauspieler-liam-neeson-im-interview-ich-bin-zwar-nicht-schoen-aber-hoellisch-attraktiv_aid_735912.html. — Дата обращения: 18.03.2017.

SH — TV-Koch Steffen Henssler im Interview. — URL: <http://www.planet-interview.de/interviews/steffen-henssler/35522/>. — Дата обращения: 15.03.2017.

WB — Willy Bogner im Interview. — URL: http://www.focus.de/kultur/mode/tid-24816/interview-mit-willy-bogner-wir-wollten-frueher-nur-amis-werden_aid_703332.html. — Дата обращения: 05.04.2017.

Сведения об авторе

Ионкина Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет. Волгоград, Россия. katya_dzhandalie@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 8 (404). *Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 34–39.*

PRAISE AND COMPLIMENT IN THE PORTRAIT INTERVIEW: SOME FEATURES OF THE ADDRESSEE'S COMMUNICATIVE BEHAVIOUR (based on the material of German)

E. Yu. Ionkina

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. katya_dzhandalie@mail.ru

The article analyzes the communicative behavior of the main character in the portrait interview when he responds on the positive appraisal utterances of the journalist. In the portrait interview as personality-oriented type of dialogic cooperation the utterances with positive evaluation semantics find a wide use being the methods of the direct impact on an interlocutor. Praise and compliment are the most widespread positive evaluation speech actions of the journalist. The functional and language distinctions between praise and compliment as well as different communicative aims of the journalist cause the difference of the predicted reactions of the interlocutor. The possible communicative behavior patterns of the addressee in response to praise and compliment are specified and described. The results of the given study can be applied in the field of journalism as well as in practice of speaking foreign language.

Keywords: *portrait interview, appraisal utterance, praise, compliment, journalist, addressee, response.*

References

1. Abramova E.Yu. Kommunikativnaya rol' reakcii na kompliment v processe dialogizirovaniya [The communicative role of reaction to compliment in the process of dialogization]. *Nauchnyj vestnik Mezhdunarodnogo gumanitarnogo universiteta. Serija "Filologija"* [Scientific Bulletin of the International Humanities University. Series "Philology"], 2014, no. 8, vol. 1, pp. 30–33. (In Russ.).
2. Borisova I.N. *Russkiy razgovornyj dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics]. Ekaterinburg, 2001. 408 p. (In Russ.).
3. Gorjainova N.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedenija s primenenijem vyskazyvanij pohvaly i odobrenija* [Strategies and tactics of speech behavior with the use of expressions of praise and approval]. Stavropol, 2010. 21 p. (In Russ.).
4. Il'chenko S.N. *Interv'ju v zhurnalistskom tvorchestve* [An interview in journalistic work]. St. Petersburg, 2003. 93 p. (In Russ.).
5. Ionkina E.Yu. Jemocional'no nastraivajuschie taktiki v interv'ju-portrete (na materiale nemeckogo yazyka) [Emotionally influencing tactics in an interview-portrait (on the material of German)]. *Molodoy Uchenyj* [The Young Scientist], 2016, no. 18 (122), pp. 492–496. (In Russ.).
6. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2006. 288 p. (In Russ.).
7. Klochko L.I. Pohvala kak ocenocnoe vyskazyvanie v anglijskom yazyke [Praise as evaluative expression in English]. *Vestnik Mezhdunarodnogo Slavjanskogo Universiteta. Serija "Filologija"* [Bulletin of the International Slavic University. Series "Philology"], 2000, no. 4 (3), pp. 50–53. (In Russ.).
8. Leont'ev A.N. *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* [Basic theory of speech activity]. Moscow, 1974. 253 p. (In Russ.).
9. Schvec E.V. "Zvezdoje" interv'ju v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte ["A star" interview in a communicative-pragmatic aspect]. Kaliningrad, 2008. 23 p. (In Russ.).
10. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford, 1994. 189 p.

Sources

BH — *Brigitte Hobmeier über Bühne und Buhlschaft*. Available at: <http://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/8393/brigitte-hobmeier-uber-buhne-und-buhlschaft#gallery&0&0&8393>, accessed 23.02.2017. (In German).

JL — *Entertainer Jürgen von der Lippe im Interview*. Available at: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-31788/entertainer-juergen-von-der-lippe-ja-ich-bin-freizeitklugscheisser_aid_1011422.html, accessed 23.02.2017. (In German).

KE — *Karoline Eichhorn über ihre Abneigung gegen Bettszenen und Knochenbrüche*. Available at: <http://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/85167/karoline-eichhorn-uber-ihre-abneigung-gegen-bettszenen-und-knochenbrueche>, accessed 18.03.2017. (In German).

LN — *Schauspieler Liam Neeson im Interview*. Available at: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/tid-25477/schauspieler-liam-neeson-im-interview-ich-bin-zwar-nicht-schoen-aber-hoellisch-attraktiv_aid_735912.html, accessed 18.03.2017. (In German).

SH — *TV-Koch Steffen Henssler im Interview*. Available at: <http://www.planet-interview.de/interviews/steffen-henssler/35522/>, accessed 15.03.2017. (In Germ.).

WB — *Willy Bogner im Interview*. Available at: http://www.focus.de/kultur/mode/tid-24816/interview-mit-willy-bogner-wir-wollten-frueher-nur-amis-werden_aid_703332.html, accessed 05.04.2017. (In German).

УДК 070
ББК 80

ПРИЁМЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИЛОВЫХ СТРУКТУР (на примере официальных сайтов)

К. В. Киуру

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

А. Р. Габбазов

Управление Росгвардии по Челябинской области, Челябинск, Россия

Предпринята попытка анализа интернет-коммуникации полиции Бразилии и России посредством официального сайта — основного канала коммуникации со средствами массовой информации и гражданами. С этой целью нами выделены основные характеристики, которыми должен обладать современный интернет-ресурс, построенный на платформе Web 2.0.

Ключевые слова: *Интернет, сайт, интернет-коммуникация, новые медиа, визуализация.*

Современный официальный интернет-ресурс государственных органов (в частности, органов внутренних дел) является основным инструментом ведения коммуникации с представителями средств массовой информации, а также с гражданами. Для того чтобы отвечать требованиям, предъявляемым со стороны профессионального журналистского сообщества, а также для оперативного информационного доведения до широкой общественности новостных сводок о деятельности полиции, официальный сайт Министерства внутренних дел в сети Интернет, по нашему мнению, должен обладать следующими характеристиками:

– доступность информации (любой пользователь сети Интернет должен иметь возможность посетить официальный сайт для получения необходимой информации, как новостной, так и социальной. То есть на сайте должны быть представлены не только новостные материалы, но и номера телефонов должностных лиц, информация о днях приема граждан должностными лицами, номера телефонов отделов полиции, номера телефонов доверия, адреса расположения территориальных органов МВД, ФИО должностных лиц территориальных органов и центрального аппарата Министерства, возможность проверки штрафов и т. п.);

– юридическая возможность дальнейшего распространения в средствах массовой информации контента, представленного на официальном сайте МВД;

– возможность получения посредством сайта уникального и различного по содержанию кон-

тента (информационного, графического, видео- и аудиоконтента) с целью дальнейшего распространения средствами массовой информации;

– работа сайта в режиме 24/7/365;

– доступность получения информации посредством создания версии сайта для слабовидящих;

– наличие мобильной версии сайта;

– интеграция с социальными сетями.

Все это реализуется посредством построения интернет-ресурсов на платформе Web 2.0. Согласно исследователям М. П. Бочарову, А. Н. Чумикову и М. В. Тишковой, Web 2.0 означает, что в создание контента активно включаются пользователи Сети. Задачами PR становятся самореализация, активизация многосторонней коммуникации, приобретение доминирующего информационного статуса в представляющих интерес сообществах — блогосфере и социальных сетях [2].

Появление и развитие сети Интернет до Web 2.0 оформило необходимость описания понятия «интернет-коммуникация». В профессиональном сообществе до сих пор нет единого определения данного явления. Мы в своей работе за основу берем понимание интернет-коммуникации, ее сущности и характеристик, представленное М. Г. Шилиной [11]. PR-технологии создания и развития корпоративного сайта отображены в работах И. А. Быкова [3]. Новые жанры PR-текста в сети Интернет описаны К. В. Киуру [5]. PR в сети Интернет, а также понятия Web 1.0, Web 2.0 и Web 3.0 представлены в работе М. П. Бочарова, А. Н. Чумикова и М. В. Тишковой [2]. Исследователи все чаще обращаются к анали-

зу корпоративных сайтов организаций, работающих в разных сферах. Р. М. Мартиросян [6] исследует корпоративные сайты учреждений культуры. Сайты финансовых структур проанализированы в работе В. В. Никишина и М. Д. Твердохлебовой [7]. Влияние сайта на виртуальный образ компании изучалось Т. А. Николенко и П. Гайзетдиновым [8]. Корпоративный сайт становится предметом исследования в работах по дискурсологии. И. Б. Руберт и Е. А. Чибисова [10] описывают сайт как тип PR-текста. В статье М. М. Абдулкадырова [1] корпоративный сайт рассматривается как дискурсообразующая единица корпоративного дискурса. Е. Н. Пескова [9] исследует контент сайта как средство поддержания имиджа организации. Инструменты работы со СМИ на корпоративном сайте проанализированы в статье Е. В. Катайцева [4].

Целью нашего исследования является проведение сравнительного анализа контента официальных сайтов Федеральной полиции Бразилии и Министерства внутренних дел Российской Федерации для определения эффективности их использования в условиях Web 2.0.

Материалом исследования послужили официальные сайты Федеральной полиции Бразилии и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Выбор данных стран был обусловлен несколькими факторами:

- демографический: примерно равное соотношение населения России (143 миллиона человек) и Бразилии (201 миллион человек);
- государственное устройство: обе страны имеют федеративное устройство;
- экономическое развитие: обе страны являются государствами с развивающейся экономикой;
- обе страны входят в группу пяти стран БРИКС.

Органом внутренних дел Федеративной Республики Бразилия является Федеральная полиция. Министерство внутренних дел Бразилии имеет официальный сайт, зарегистрированный в национальной доменной зоне .br, и располагается по следующему адресу: <http://www.dpf.gov.br>, где gov (government) указывает на принадлежность к государственной структуре, а dpf означает департамент федеральной полиции (police federal). Сайт представляет информацию центрального аппарата МВД Бразилии, а также новости штатов.

На интернет-ресурсе представлен фотоархив, категоризированный по названиям специальных

операций, проведенных силами полиции. Также здесь можно найти раздел «Спецоперации», в котором собраны в архивном виде все оперативно-розыскные мероприятия, проведенные в стране за год (предоставлена возможность просмотреть операции за предыдущие годы). В данном разделе в виде таблицы представлено название операции, количество задержанных, дата проведения, а также краткая информация о событии.

В Российской Федерации органом внутренних дел является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации работает с марта 2003 г., зарегистрирован в национальной доменной зоне .ru и имеет адрес в Интернете <https://mvd.ru>. Право на данное доменное имя, зарегистрированное в сети Интернет, принадлежит Министерству внутренних дел Российской Федерации. Сайт содержит информацию о деятельности МВД России. С 2009 г. коммуникация МВД России с журналистским сообществом и населением посредством официального сайта регулируется Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ. В Федеральном законе «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ статья 8 посвящена открытости и публичности полиции. В части 3 статьи 8 закона «О полиции» говорится о том, что полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами.

Полученные результаты и их интерпретация. Интернет-ресурс полиции Федеративной Республики Бразилия имеет раздел «Новости». За 31 день января 2015 г. (из них 11 дней новости не публиковались) пресс-службой федеральной полиции было опубликовано 77 новостей. Основной темой новостных сообщений Федеральной полиции Бразилии являлось пресечение незаконного оборота наркотических средств в особо крупных размерах (хранение, приобретение, продажа, распространение, культивирование) — 27 сообщений (35%), контрабанда сигарет — 10 сообщений

(12,9%), розыск подозреваемых — 3 сообщения (4%), подделка денежных знаков — 3 сообщения (4%), производство и распространение материалов порнографического содержания с участием несовершеннолетних — 2 сообщения (2,6%), борьба с коррупцией — 1 сообщение (1,3%), спасение полицейскими гражданских лиц — 1 сообщение (1,3%), другое — 30 сообщений (38,9%). Все новости иллюстрируются одним графическим изображением. Новости не сопровождаются аудио- или видеоконтентом. На сайте отсутствует видеоархив. Также на сайте не предусмотрено скачивание фотографий, которые выставляются с текстовыми сообщениями, что не дает возможности новостным ресурсам пользоваться в свободном доступе данными изображениями.

На сайте Федеральной полиции Бразилии присутствуют ссылки на официальную страницу в социальной сети Facebook (адрес группы: <https://www.facebook.com/departamentodepoliciafederal>), официальный канал Федеральной полиции Бразилии на видеохостинге YouTube (адрес: <http://www.youtube.com/user/pfnatela>), а также на аккаунт в Twitter (<https://twitter.com/agenciapf>).

На главной странице официального сайта Федеральной полиции Бразилии размещен медийный баннер из пяти сменяющих друг друга в слайд-шоу графических изображений. При нажатии каждый из них переадресовывает пользователя либо на другой государственный Интернет-ресурс, либо на одну из страниц сайта полиции.

В данном разделе представлены:

– страница, на которой можно сообщить о киберпреступности (преступлениях, совершаемых в сети Интернет) по категориям («распространение порнографии»; «разжигание национальной, расовой, религиозной и иной ненависти»; «геноцид», «торговля людьми»). Для сообщения о нарушении законов в пространстве Интернет по данным категориям достаточно выбрать одну из них, после чего появится форма заполнения. В ней необходимо указать ссылку на адрес сайта в сети Интернет с запрещенной информацией и оставить свой комментарий. Заполненная форма отправляется анонимно и попадает в отдел по борьбе с киберпреступностью Федеральной полиции, где дается правовая оценка деятельности того или иного Интернет-ресурса и его контента, после чего принимается процессуальное решение. Адрес страницы: <http://denuncia.pf.gov.br>;

– страница, на которой Федеральная полиция разъясняет гражданам, что при использовании вышеупомянутого сервиса полицейские не привлекают к ответственности авторов писем ни при каких условиях, так как форма заполнения не предполагает запроса персональных данных. Все жалобы приходят на электронную почту crime.internet@dpf.gov.br и после проверки удаляются. Сообщения, приходящие якобы от имени Федеральной полиции в адрес частных лиц, с информацией о возбуждении в отношении них уголовных дел являются фальсификацией. Страница сбора сайтов, имеющих незаконный контент, создана для того, чтобы граждане могли помогать Федеральной полиции более эффективно выявлять подобные интернет-ресурсы, и не ставит цели открывать расследования в отношении граждан, приславших ссылки на подобные ресурсы, даже если они не являются таковыми. Адрес страницы: <http://www.dpf.gov.br/institucional/campanhas/pf-alerta-para-e-mails-falsos>;

– ссылка на сайт, где собрана информация об аэропортах Бразилии. Интернет-ресурс является государственным, о чем свидетельствует часть названия его ссылки: <http://aerofacil.gov.br>;

– страница, на которой представители прессы Федеральной полиции знакомят общественность с дополнительными каналами коммуникации в виде ссылок на страницу в социальной сети Facebook (<https://www.facebook.com/departamentodepoliciafederal>), аккаунт в Twitter (<https://twitter.com/agenciapf>) и на официальный канал Федеральной полиции на видеохостинге YouTube (<http://www.youtube.com/user/pfnatela>). Также объясняется, что данные каналы коммуникации используются для более широкого освещения деятельности Федеральной полиции, удобства граждан при установлении коммуникации с государственными учреждениями. Адрес страницы: <http://www.dpf.gov.br/institucional/campanhas/pf-nas-redes-sociais>;

– страница, посвященная добровольной сдаче оружия населением. На момент проведения исследования данная страница была не активна. Адрес страницы: <http://www.entreguesuaarma.gov.br>.

Пользователям сайта предлагается оценить качество предоставленной федеральной полицией государственной услуги, при этом предлагается указать штат, в котором эта услуга была оказана, какую именно услугу оказывали (предлагается выбрать из списка), выставить оценку по шкале

(не пригодно, недоволен, доволен, очень доволен). Здесь гражданам предлагается оценить по нескольким критериям следующие показатели:

- доступ к информации о сервисном обслуживании (документация, требования, сроки и т. п.);
- время работы;
- вежливость и компетентность персонала;
- время ожидания;
- удобство расположения офиса федеральной полиции.

Также сайт предлагает выбрать пол гражданина, заполняющего данную форму, возраст. Адрес страницы: <http://www.dpf.gov.br/pesquisa-de-opiniaao>.

Сайт имеет раздел «Доступ к информации». Каждый из его подразделов можно либо распечатать (сайт переводит информацию в pdf-формат), либо отправить на электронную почту. В данном разделе в табличном виде представлены следующие подразделы, по которым можно пройти дальше и получить более подробную информацию:

- общая (включает в себя правовые основы и полномочия полиции; список адресов и номера телефонов федеральной полиции по стране и по всему миру, где есть представительства);
- акции и программы (информация о деятельности полиции, а также представлен архив годовых отчетов федеральной полиции с 2002 по 2008 г.)

На момент исследования официальный сайт МВД Бразилии не представлял технической возможности выявления времени публикации новостного сообщения, известна только дата. Однако эмпирическим методом исследования нам удалось установить, что сайт не работает в режиме 7/24/365.

На сайте не представлен видеоконтент, новостные сообщения сопровождаются одним графическим изображением небольшого размера и без возможности скачивания для дальнейшего распространения.

Таким образом, официальный сайт МВД Федеративной Республики Бразилия с точки зрения соответствия требованиям, предъявляемым со стороны профессионального журналистского сообщества, а также для оперативного информационного доведения до широкой общественности новостных сводок о деятельности полиции характеризуется следующим образом. Выполняются следующие требования:

- доступность информации для пользователей сети Интернет;

– сайт обозначен знаком «copyright», что указывает на возможность распространения расположенного на нем контента со ссылкой на данный ресурс;

– сайт интегрирован с социальными сетями (на сайте представлены ссылки на официальный Twitter, YouTube, Facebook).

Официальным сайтом МВД Федеративной Республики Бразилия не выполняются следующие требования:

– на сайте нет возможности получить уникальный графический, аудио- и видеоконтент для дальнейшего распространения в средствах массовой информации, так как новостные сообщения сопровождаются только одним графическим изображением малого размера (кроме случаев специальных оперативно-розыскных мероприятий, которые вынесены в отдельные альбомы). Их в год проводится немного, поэтому в ежедневной коммуникации с представителями СМИ они важной роли не играют. У данных фотографий нет специальной функции скачивания для сохранения формата и качества графического изображения при дальнейшем использовании СМИ);

- сайт не имеет версии для слабовидящих;
- сайт не работает в режиме 24/7/365.

Обратимся к анализу сайта МВД Российской Федерации.

Согласно Приказу Минэкономразвития России от 16 ноября 2009 г. № 470, информация, размещаемая на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, официальном сайте территориального органа федерального органа исполнительной власти в информационно-телекоммуникационной сети Интернет:

а) должна быть круглосуточно доступна пользователям для получения, ознакомления и использования, а также для автоматической (без участия человека) обработки информационными системами, без взимания платы за ознакомление с информацией или иное ее использование и иных ограничений. Данное требование сайтом МВД РФ соблюдается;

б) должна быть доступна пользователям без использования программного обеспечения, установка которого на технические средства пользователя информацией требует заключения пользователем лицензионного или иного соглашения с правообладателем программного обеспечения, предусматривающего взимание с пользователя информацией платы. Данное требование сайтом МВД РФ соблюдается;

в) не должна быть зашифрована или защищена от доступа иными средствами, не позволяющими осуществить ознакомление пользователя информацией с ее содержанием без использования иного программного обеспечения или технических средств, чем веб-обозреватель. Доступ к информации, размещенной на официальном сайте, не может быть обусловлен требованием регистрации пользователей информации или предоставления ими персональных данных, а также требованием заключения ими лицензионных или иных соглашений. Данное требование сайтом МВД РФ соблюдается.

Навигационная система официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации полностью соответствуют требованиям, а именно:

1) вся информация, размещенная на официальном сайте МВД России, доступна пользователям путем последовательного перехода по гиперссылкам, начиная с главной страницы официального сайта;

2) пользователю предоставляется наглядная информация о структуре официального сайта и о местонахождении отображаемой страницы в этой структуре (также существует раздел «Карта сайта»);

3) на каждой странице официального сайта МВД России размещены: главное меню, явно обозначенная ссылка на главную страницу, ссылка на карту официального сайта, наименование федерального органа исполнительной власти;

4) заголовки и подписи на страницах сайта описывают содержание (назначение) данной страницы, наименование текущего раздела и отображаемого документа; наименование страницы, описывающее ее содержание (назначение), отображается в заголовке окна веб-обозревателя;

5) текстовый адрес в сети Интернет (универсальный указатель ресурса, URL) каждой страницы отображает ее положение в логической структуре сайта и соответствует ее содержанию (назначению).

На сайте представлена общая информация о Министерстве внутренних дел России, руководстве Министерства, деятельности территориальных органов МВД. В разделе «Контакты» размещены номера телефонов (факсов), адреса электронной почты, по которым можно связаться с представителями МВД России, а именно:

– справочная МВД России (координаты расположения с указанием адреса и карты проезда, но-

мера телефонов приемной, горячей линии, а также информация об антикоррупционной экспертизе проектов нормативных правовых актов МВД России);

– приемная МВД России (время работы, график приема, справочные телефоны, ссылки на нормативные акты, в соответствии с которыми ведется прием граждан, — Федеральный закон от 05.05.05 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а также Приказ МВД России от 12.09.13 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ»);

– территориальные органы (раздел представлен в виде интерактивной карты страны, разделенной по федеральным округам. Нажав на изображение определенного федерального округа, можно получить всю информацию о территориальном органе МВД, а именно: адрес, номера телефонов, адрес сайта территориального органа МВД);

– органы охраны правопорядка (в разделе можно выбрать субъект, населенный пункт, указать улицу и номер дома, после чего сайт предоставит информацию о ближайшем отделе полиции и номерах его телефонов);

– пресс-центр (контакты Управления общественных связей МВД России);

– представители МВД России за рубежом (страна, ФИО представителя МВД России, контактные телефоны, электронная почта, адрес).

Все материалы сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации могут быть воспроизведены в любых средствах массовой информации, на серверах сети Интернет или на любых иных носителях без каких-либо ограничений по объему и срокам публикации. Это разрешение в равной степени распространяется на газеты, журналы, радиостанции, телеканалы, сайты и страницы сети Интернет. Единственным условием перепечатки и ретрансляции является ссылка на первоисточник. Никакого предварительного согласия на перепечатку со стороны Министерства внутренних дел Российской Федерации не требуется. Данное разрешение представлено на сайте в отдельном разделе «Об использовании информации сайта».

Информация на сайте Центрального аппарата МВД России публикуется круглосуточно, в режиме 24/7/365, как и на сайтах регио-

нальных Главков, например, ГУ МВД России по Челябинской области. Данный факт подтверждается технической возможностью сайта, которая указывает не только дату, но и время публикации.

МВД России не публикует фамилий, имен, лиц подозреваемых, названий фирм, их адресов, в отношении которых имеются сведения о причастности к противоправному деянию, кроме случаев, когда следственным органам необходимо установить потерпевших. МВД России не публикует личную информацию, касающуюся несовершеннолетних, кроме случаев, когда необходимо установить их местоположение.

Министерством внутренних дел Российской Федерации соблюдаются принципы:

- 1) открытости и доступности информации о деятельности полиции;
- 2) достоверности и своевременности ее предоставления;
- 3) свободы поиска, получения и распространения информации;
- 4) соблюдения прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации.

Сайт МВД России разработан с учетом интересов лиц, имеющих ограничения здоровья. Для них создана специальная версия сайта для слабовидящих. Для перехода в этот режим достаточно зайти на сайт и переключить версию.

Также для более широкого освещения деятельности МВД России создана версия для просмотра на мобильных устройствах.

Тем самым МВД России выполняет основные требования при обеспечении доступа к информации о своей деятельности, а именно:

- 1) достоверность предоставляемой информации;
- 2) соблюдение сроков и порядка предоставления информации;
- 3) изъятие из предоставляемой информации сведений, относящихся к государственной тайне (или тайне следствия);
- 4) создание условий для реализации права на доступ к информации о деятельности МВД России.

Таким образом, официальный сайт МВД Российской Федерации в отношении требований, предъявляемых со стороны профессионального журналистского сообщества, а также для оперативного информационного доведения до широкой общественности новостных сводок о деятельности полиции характеризуется следующим образом. Выполняются следующие требования:

- доступность информации для пользователей сети Интернет;
- юридическая правомерность распространения контента, представленного на сайте МВД РФ;
- сайт предоставляет возможность получения уникального новостного, графического, аудио и видео контента для дальнейшего распространения в СМИ (присутствует возможность скачивания данного контента в исходном качестве);
- работа сайта ведется в режиме 24/7/365;
- сайт имеет версию для слабовидящих;
- интернет-ресурс интегрирован с социальными сетями (на сайте представлены ссылки на официальный Twitter, YouTube, Facebook).

Мы пришли к выводу, что официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации выполняет все заявленные требования и реализует на практике законодательно закрепленные требования к государственному интернет-ресурсу, являясь современным и удобным источником информации о деятельности полиции как для средств массовой информации, так и для граждан. Сайт полиции России в необходимой для построения и поддержания положительного имиджа ведомства мере реализует возможности платформы Web 2.0.

Одним из важных требований к эффективно-му корпоративному сайту является возможность получения посредством сайта уникального и различного по содержанию контента (информационного, графического, видео- и аудиоконтента) с целью дальнейшего распространения средствами массовой информации. Таким образом, корпоративный сайт становится инструментом PR-деятельности каждой организации. Визуальный контент (фотографии, видео, инфографика и так далее) в условиях современного медиапотребления является обязательным типом контента корпоративного сайта.

Список литературы

1. Абдулкадыров, М. М. Корпоративный сайт как основная дискурсообразующая единица англоязычного корпоративного дискурса / М. М. Абдулкадыров // *Соврем. тенденции развития науки и технологий*. — 2016. — № 11-6. — С. 6–9.

2. Бочаров, М. П. PR в Интернете: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 / М. П. Бочаров, А. Н. Чумиков, М. В. Тишкова. — М., 2010.
3. Быков, И. А. Корпоративный сайт: PR-технологии создания и развития / И. А. Быков. — URL: http://bykov.socionet.ru/public/Bykov_CorporativSite.html.
4. Катайцев, Е. В. Инструменты работы со СМИ на корпоративном сайте / Е. В. Катайцев // Медиа-пространство региона: история и перспективы развития. — Курган, 2016. — С. 113–115.
5. Киуру, К. В. Интернет-жанрология как направление изучения журналистского текста / К. В. Киуру // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. — С. 51–55.
6. Мартиросян, Р. М. Современные требования к корпоративному сайту учреждений культуры / Р. М. Мартиросян // Вопросы образования и науки: теоретические и практические аспекты. — М., 2017. — С. 92–94.
7. Никишин, В. В. Влияние юзабилити сайта банка на восприятие его имиджа / В. В. Никишин, М. Д. Твердохлебова // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. — 2014. — № 1 (16). — С. 78–85.
8. Николенко, Т. А. Корпоративный сайт как виртуальный образ компании / Т. А. Николенко, П. Гайзетдинов // Новые информационные технологии в нефтегазовой отрасли и образовании. — Тюмень, 2015. — С. 185–188.
9. Пескова, Е. Н. Средства поддержания имиджа организации и контент корпоративного сайта / Е. Н. Пескова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 7 (389). Филол. науки. Вып. 101. — С. 140–147.
10. Руберт, И. Б. Корпоративный сайт как тип PR-текста / И. Б. Руберт, Е. А. Чибисова // Российская пиарология-2: тренды и драйверы. — СПб., 2016. — С. 76–79.
11. Шилина, М. Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета : монография / М. Г. Шилина. — М., 2012.

Сведения об авторах

Киуру Константин Валерьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. kkiuru@mail.ru

Габбазов Альберт Равилевич — старший референт отдела кадров и взаимодействия со СМИ; Управление Росгвардии по Челябинской области. Челябинск, Россия. gabbazovalbert@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 8 (404). *Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 40–47.*

RECEIVES OF INFORMATION VISUALIZATION IN PR-ACTIVITY OF POWER STRUCTURES (on the example of official sites)

K. V. Kiuru

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kkiuru@mail.ru

A. R. Gabbazov

*Department of the Russian Federal National Guard Troops Service for the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia.
gabbazovalbert@mail.ru*

In the article, an attempt is made to analyze the Internet communication of the police of Brazil and Russia through the official site, the main channel of communication with the media and citizens. To this end, we outlined the main characteristics that, in our opinion, a modern Internet resource built on the Web 2.0 platform should have.

Keywords: *Internet, Internet site, Internet communication, new media, visualization.*

References

1. Abdulkadyrov M.M. Korporativnyj sayt kak osnovnaja diskursoobrazujushhaja edinica anglojazыchnogo korporativnogo diskursa [Corporate site as the main discourse-forming unit of English-language corporate discourse]. *Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij* [Modern trends in the development of science and technology], 2016, no. 11–6, pp. 6–9. (In Russ.).
2. Bocharov M.P. *PR v Internetе: Veb 1.0., Veb 2.0, Veb 3.0* [PR in the Internet: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0]. Moscow, 2010. (In Russ.).
3. Bykov I.A. *Korporativnyi sayt: PR-tehnologii sozdaniya i razvitiya* [Corporate site: PR-technologies of creation and development]. Available at: http://bykov.socionet.ru/public/Bykov_CorporativSite.html. (In Russ.).
4. Katajcev E.V. Instrumenty raboty so SMI na korporativnom sajte [Tools for working with the media on the corporate site]. *Mediaprostranstvo regiona: istorija i perspektivy razvitija* [Media region of the region: history and development prospects]. Kurgan, 2016. Pp. 113–115. (In Russ.).
5. Kiuru K.V. Internet-zhanrologiya kak napravlenie izyheniya zhurnalistskogo teksta [Internet genre as a direction for studying journalistic text]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 26 (355), iss. 93, pp. 51–55. (In Russ.).
6. Martirosjan R.M. Sovremennye trebovaniya k korporativnomu sajtu uchrezhdenij kul'tury [Modern requirements to the corporate website of cultural institutions]. *Voprosy obrazovanija i nauki: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Issues of education and science: theoretical and practical aspects]. Moscow, 2017. Pp. 92–94. (In Russ.).
7. Nikishin V.V. Vlijanie juzabiliti sajta banka na vosprijatie ego imidzha [Influence of usability of a site of bank on perception of its image]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Economics and Management], 2014, no. 1 (16), pp. 78–85. (In Russ.).
8. Nikolenko T.A. Korporativnyj sayt kak virtual'nyj obraz kompanii [Corporate site as a virtual image of the company]. *Novye informacionnye tehnologii v neftegazovoj otrasli i obrazovanii* [New information technologies in the oil and gas industry and education]. Tyumen, 2015. Pp. 185–188. (In Russ.).
9. Peskova E.N. Sredstva podderzhanija imidzha organizacii i kontent korporativnogo sajta [Means of maintaining the image of the organization and the content of the corporate site]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 7 (389), iss. 101, pp. 140–147. (In Russ.).
10. Rubert I.B. Korporativnyj sayt kak tip PR-teksta [Corporate site as a type of PR text]. *Rossijskaja piarologija-2: trendy i drayvery* [Russian PR-2: trends and drivers]. St. Petersburg, 2016. Pp. 76–79. (In Russ.).
11. Shilina M.G. *Tekstogennyje transformatsiji infosfery. Metodologicheskij analiz stanovleniya Interneta* [Text-based transformations of the infosphere. Methodological sketch of the formation of the Internet]. Moscow, 2012. (In Russ.).

УДК 070
ББК 401я431

ТРАДИЦИОННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ МЕДИАСРЕДЫ

О. Н. Савинова

*Нижегородский государственный (национальный) исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Рассматриваются вопросы трансформации традиционной журналистики в условиях формирования новой медиасреды. Динамические изменения современного медиаландшафта актуализировали необходимость обновления медиатеории, научного осмысления нового эмпирического материала. Автором предпринята попытка теоретического осмысления тех вызовов времени, с которыми столкнулась журналистика и журналистская профессия. Автор размышляет о творческом потенциале отечественной журналистики и предлагает ресурсы ее развития в эпоху новых медиа, включая учебно-образовательные программы и создание научно-образовательных школ.

Ключевые слова: трансформация журналистики, новая медиасреда, журналистская профессия.

Вопросы, связанные с изменением современного медийного пространства и трансформацией традиционной журналистики, активно обсуждаются в последнее время на различных площадках: в университетском экспертном и профессиональном журналистском сообществах.

Главный посыл этой дискуссии в том, что перед исследователями теории и практики СМИ сегодня встают задачи цивилизационного масштаба: проанализировать информационный потенциал общества, сформировать медиакартину мира в сознании массовой аудитории. Традиционная журналистика все более утрачивает монополию на информацию, активно развиваются мультимедийные платформы, и дальнейшее развитие Интернета трудно предсказуемо.

Среди задач, стоящих перед исследователями современных СМИ, в числе других стоит задача осмысления изменившегося характера информационных технологий, самой медиаиндустрии, анализа эффектов и последствий профессиональной деятельности журналистов, тенденций развития СМИ в условиях формирования новой медиасреды.

Динамические изменения современного медиаландшафта актуализировали необходимость обновления и медиатеории, в том числе необходимость обозначить, раскрыть содержание новых, активно используемых в последнее время терминов: в частности, речь идет о таком термине, как «новая медиасреда». Исследователи В. М. Горохов и Т. Э. Гринберг обращают внимание на то, что формирование новой медиасреды стало результатом двух факторов: глобализации

и научно-технической революции, что привело к так называемому информационному взрыву на базе цифровых технологий [1]. Сегодня прозрачность, доступность, простота коммуникации для любого пользователя позволяют обеспечить мгновенные, оперативные, круглосуточные, онлайн-сетевые контакты. Среди наиболее часто употребляемых сетевых ресурсов: почтовая рассылка, многообразные сайты (корпоративные, персональные страницы, блоги, подкасты, видеоклипы как виды публичной индивидуальной коммуникации, конференции — так называемые форумы и чаты), газеты для внутренних и внешних аудиторий, социальные сети, а также конвергентные площадки в виртуальных 3D-мирах и играх.

В этом плане мы солидарны с заведующим кафедрой новых медиа факультета журналистики МГУ И. И. Засурским, который считает, что рост доли интернета в информационной среде привел к развитию, помимо официальной инфосистемы, новой, параллельной инфосреды, которая играет огромную роль в обществе [2]. Особенностью новой медиасреды является то, что ее характеризует многоканальность коммуникации, она обладает не только разнообразием контента и доступом к источникам, но и интерактивностью — люди стали не только читать новости, но еще и принимать участие в их создании, а это породило совершенно другой тип зрителя (слушателя, читателя). Активно развивается так называемая «непрофессиональная» журналистика. Виртуальная среда создает эффект присутствия, способствует эмоциональной

вовлеченности потребителя информации, формирует новую медиакультуру.

В этом контексте обращают на себя внимание процессы трансформации, происходящие в традиционной журналистике, те изменения, которые связаны с вызовами времени и с которыми столкнулась журналистская профессия в эпоху новых медиа [4; 9].

Мы уже анализировали некоторые аспекты трансформационных процессов [6], но новый эмпирический материал и наблюдения дают нам основание для дальнейшего научного осмысления происходящих процессов.

На наш взгляд, традиционная журналистика переживает сегодня системные изменения. Это выражается в целом ряде аспектов, а именно:

- прежде всего, на институциональном уровне, когда даже имеющие солидную историю издания перекупаются, сокращаются, меняются их учредители, а с ними коренным образом изменяются основы той информационной политики, которая привлекала аудиторию, была своеобразным брендом издания;
- наблюдается падение тиражей и авторитета традиционных СМИ;
- традиционная журналистика «проигрывает» альтернативным источникам информации: блогерам, журналистике гражданского общества, социальной сети;
- нарушена монополия традиционной журналистики на производство и распространение информации;
- резко упало качество контента, наблюдается гипертрофированность развития развлекательности, коммерциализация СМИ, тиражирование низких стандартов культуры (о чем свидетельствуют передачи даже центральных каналов телевидения: «Давай поженимся», «Говорим и показываем» и др.);
- наблюдается вымывание креативного класса из журналистики (так, в МГУ на факультете журналистики на первый курс поступает из 300 человек только трое юношей);
- активное развитие рекламы и паблик рилейшнз отодвигает на второй план собственно журналистику;
- в свою очередь, институционализованные СМИ активно включились в бизнес по организации PR-кампаний и информационных войн.

Активно развивается процесс слияния средств массовой информации — газеты, радио и телевидения, начинает преобладать структура медиа-

холдингов. На смену эпохи Гутенберга приходит эпоха интернет-медиа: сегодня практически каждое СМИ имеет свой сайт.

С учетом активного развития цифровых и компьютерных технологий можно слышать мнения о том, что журналистика вырождается и что необходимо усиление профессиональной подготовки.

Изменилась и аудитория СМИ. Сегодня выросло новое поколение потребителей информации, привыкшее к цифре, к клиповому мышлению, к информационному «фастфуду». Исследователи констатируют, что сегодня активно востребован так называемый «шаринговый» контент. Речь идет о контенте, которым можно поделиться в социальных сетях. Это, прежде всего, информационные материалы в форме вопросов и ответов, это горячие новости, это, наконец, курьезы.

Все эти вызовы времени требуют адекватного реагирования от преподавателей вузов, где готовятся журналистские кадры.

Зададимся вопросом, означают ли обозначенные изменения, что накопленный творческий потенциал отечественной журналистики сброшен с корабля современности? Думаем, что нет. Естественно жанры классической журналистики постепенно модернизируются, но для работника СМИ по-прежнему остается важным умение создать творческий текст, который будет интересен для потребителя информации.

Современная журналистика, видоизменяясь, сохраняет свою миссию служения обществу. И не случайно в дискуссии о выработке единых профессиональных стандартов по журналистике звучат предложения о необходимости воспитания у будущих журналистов чувства гражданственности, сопричастности ко всему происходящему. Журналист начинается с осознания им социальных проблем современного общества, с умения их интересно представить аудитории, а не просто «отписаться» по поводу. В условиях усиления коммуникативных технологий, бурного развития рекламы и связей с общественностью совершенно очевидной является задача сохранения уникальности именно журналистской профессии, научно-исследовательских и образовательных школ. Кафедра журналистики ННГУ готовит будущих журналистов на базе классического филологического образования. Грамотный корреспондент или редактор, хорошо знающий литературу и русский язык, необходим в газете, журнале, на радио, телевидении, в интернет-СМИ. Уверены,

что эти качества будут конкурентоспособны и будут востребованы наряду с умением владеть современными информационными технологиями.

Формирование у будущих журналистов вкуса к профессии, к созданию авторских публицистических материалов должно начинаться еще со студенческой скамьи. Ведь если знания, получаемые в вузе, не превращаются в умения, то нужно говорить о схоластике. Возвращаясь к вопросу о развитии творческого потенциала современной журналистики, на наш взгляд, необходимо в учебно-образовательных программах уделить больше внимания университетским СМИ как практической площадке по подготовке будущих журналистов. Университетские СМИ, имея в том числе и интернет-платформу, являются важным мультимедийным ресурсом, что актуально для современной аудитории. Кафедра журналистики Нижегородского государственного (национального) исследовательского университета им. Н. И. Лобачевского сегодня имеет факультетскую газету «Журфакт» (шеф-редактор — доцент Н. О. Автаева). Газета и ее авторы неоднократно становились победителями всероссийских и региональных творческих конкурсов: «Вызов — 21 век» и др. В планах кафедры — создание творческих проектов по выпуску теле- и радиопередач, что, несомненно, будет серьезным приращением в плане практической подготовки будущих журналистов. Подготовка современного эффективного журналиста в вузе — это подготовка культурного и широко образованного человека, способного адаптироваться в специализированной среде. Для этого необходимо особенное внимание к внеаудиторной работе, к привлечению студентов к активному включению в творческие конкурсы, в практическую работу редакций, в работу служб по связям с общественностью по организации пресс-конференций, встреч с ведущими журналистами региона и страны. На нашей кафедре мы регулярно проводим такую работу — это и участие в конкурсах нижегородских изданий, и мастер-классы, проводимые ведущими журналистами Нижнего Новгорода, Москвы.

Отвечая на вызовы времени, уделяя серьезное внимание развитию журналистского образования в регионе, руководство вуза приняло решение о создании на базе филологического факультета Института филологии и журналистики. Вновь созданная университетская структура объединила филологический факультет и Медиацентр ННГУ. Планируется, что на базе Медиацентра,

оснащенного современным оборудованием, студенты будут не только проходить обучение по специальностям «Телевидение», «Радиовещание» и «Связи с общественностью», но и производственную практику, попробуют свои силы в роли теле- и радиоведущих, пресс-секретарей, организаторов пресс-конференций и др. Учитывая процессы трансформации, происходящие в традиционной журналистике, вновь созданный факультет планирует стратегическое партнерство с пресс-центрами органов власти и управления, бизнес-структурами, информационными агентствами, крупными медиахолдингами региона, интернет-СМИ. В этом плане мы солидарны с мнением профессора Б. Я. Мисонжникова, считающего, что «профессиональный журналист не вырастет в пробирке» и что необходима более полная интеграция обучаемых в медийную среду [5].

В контексте обсуждаемой проблемы наибольшую актуальность приобретает сегодня вопрос о создании на факультете собственной научной журналистской школы. Известный специалист в области теории журналистики и представитель одного из ведущих центров подготовки кадров профессор С. Г. Корконосенко, критично оценивая состояние научно-образовательных школ журналистики России, вместе с тем считает, что такой потенциал есть и что требуется ряд практических мер по поддержке исследовательских коллективов [3]. С учетом специфики нашего многонационального и многоконфессионального округа, центром которого является Нижний Новгород, и того, что ННГУ — головной вуз, в совете ректоров ПФО на первый план выдвигается научная проблематика, связанная с ролью СМИ в межкультурной коммуникации. В течение более полутора десятка лет кафедра осуществляла научное сопровождение Конгрессов народов России, в научной отечественной и зарубежной печати обобщен опыт работы кафедры по исследованию роли СМИ в межкультурной коммуникации, есть определенный опыт международного сотрудничества в этой сфере с норвежским университетом Волда [8; 10]. Есть и другие заявки кафедры, в частности, в сфере исследования темы продвижения в прессе традиционных ценностей общества, разработаны авторские курсы [7].

Создание факультета филологии и журналистики в ННГУ, первого в Нижнем Новгороде специализированного факультета по подготовке журналистских кадров, дает новый импульс для развития журналистского образования в ре-

гионе. Основной принцип работы вновь созданного факультета основывается на сохранении традиций классического филологического образования с учетом новых реалий в журналистской практике и деятельности современных СМИ.

Список литературы

1. Горохов, В. М. Связи с общественностью. Теория, практика, коммуникативные стратегии / В. М. Горохов, Т. Э. Гринберг. — М., 2011. — 198 с.
2. Засурский, И. И. Об изменениях в медиасреде и сознании людей / И. И. Засурский // *Cossa*. — URL: <http://www.cossa.ru/articles/234/15838/?subscribe=15838/>.
3. Корконосенко, С. Г. Научно-образовательные школы журналистики России / С. Г. Корконосенко // *Журналистика в 2015 году: информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы*. — М., 2016. — С. 116–117.
4. Мисонжников, Б. Я. Духовность как предмет интенции массмедиа / Б. Я. Мисонжников // *Кризис духовности в медиaprостранстве*. — СПб., 2012. — С. 8–16.
5. Мисонжников, Б. Я. Профессиональный журналист не вырастет в пробирке / Б. Я. Мисонжников // *Творчество, профессия, индустрия : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика — 2016»*. — М., 2017. — С. 426–427.
6. Савинова, О. Н. К вопросу о трансформации функций журналистики / О. Н. Савинова // *Меди@скоп*. — 2010. — № 4.
7. Савинова, О. Н. Семейные ценности в гуманитарной повестке российских СМИ / О. Н. Савинова, Н. О. Автаева // *Меди@альманах*. — 2016. — № 4. — С. 39–46.
8. Савинова, О. Н. К вопросу о роли СМИ в межкультурной коммуникации: российско-норвежский опыт / О. Н. Савинова, Е. О. Иванова // *Актуальные проблемы медиаисследований, 2016 : материалы науч.-практ. конф. Нац. ассоц. исследователей массмедиа*. — М., 2016. — С. 142–144.
9. *Творчество, профессия, индустрия : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика — 2016»*. — М., 2017. — 520 с.
10. Savinova, O. N. The Role of Mass Media in Strengthening Intercultural Dialogue and Accord in Society / O. N. Savinova // *Asian Social Science*. — 2015. — Vol. 11, № 3. — P. 262–266.

Сведения об авторе

Савинова Ольга Николаевна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Нижегородский государственный (национальный) исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия. 508@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 8 (404). *Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 48–52.*

TRADITIONAL JOURNALISM IN A NEW MEDIA ENVIRONMENT

O. N. Savinova

Nizhny Novgorod State (National) Research University. N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia. 508@bk.ru

The article deals with the transformation of traditional journalism in a new media environment. Dynamic changes in the modern media landscape have shown the necessity of the media theory renovation and new empirical data scientific interpretation. The author tries to conceptualize theoretically the challenges faced by journalism and journalist profession. The author reflects on the creative potential of Russian journalism and offers resources for its development in the age of new media, including educational programs and scientific schools creation.

Keywords: *transformation of journalism, new media environment, journalistic profession.*

References

1. Gorokhov V.M., Grinberg T.E. *Svyazi s obshchestvennost'yu. Teoriya, praktika, kommunikativniye strategii* [Public relations. Theory, practice, communication strategies]. Moscow, 2011. 172 p. (In Russ.).
2. Zasursky I.I. Ob izmeneniyah v mediasrede i soznanii ludej [About changes in the media environment and the mind of people]. *Cossa*. Available at: <http://www.cossa.ru/articles/234/15838/?subscribe=15838/>, accessed 06.07.2017. (In Russ.).
3. Korkonosenko S.G. Nauchno-obrazovatel'nie shkoly zhurnalistiki v Rossii [Scientific and educational schools in Russia]. *Zhurnalistika v 2015 godu: informacionnij potencial obshchestva i resursy mediasistemy* [Journalism in 2015: informational potential of the society and media system resources]. Moscow, 2016. Pp. 116–117. (In Russ.).
4. Misonzhnikov B.Ja. Duhovnost' kak predmet intencii massmedia [Spirituality as a subject of the intention of the mass media]. *Krisis duhovnosti v mediaprostranstve* [The crisis of spirituality in the media]. St. Petersburg, 2012. Pp. 8–16. (In Russ.).
5. Misonzhnikov B.Ja. Professional'nij zhurnalist ne vyrastet v probirke [Professional journalist cannot be grown in vitro]. *Tvorchestvo, professija, industrija* [Creativity, profession, industry]. Moscow, 2017. Pp. 426–427. (In Russ.).
6. Savinova O.N. K voprosu o transformacii funkcij zhurnalistiki [To the question of the transformation of the functions of journalism]. *Medi@skop* [Mediaskop], 2010, no. 4. (In Russ.).
7. Savinova O.N., Avtaeva N.O. Semejnye cennosti v gumanitarnoj povestke rossijskih SMI [Family values in the humanitarian agenda]. *Media@l'manah* [Mediaalmanac], 2016, no. 4, pp. 39–46. (In Russ.).
8. Savinova O.N., Ivanova E.O. K voprosu o roli SMI v mezhkulturnoj kommunikacii: rossijsko-norvezhskij opyt [To the question about the role of media in intercultural communication: Russian-Norwegian experience]. *Aktual'nye problemy mediaissledovanij* [Actual problems of mediaissues]. Moscow, 2016. Pp. 142–144. (In Russ.).
9. *Tvorchestvo, professija, industrija* [Creativity, profession, industry]. Moscow, 2017. 520 p. (In Russ.).
10. Savinova O.N. The Role of Mass Media in Strengthening Intercultural Dialogue and Accord in Society. *Asian Social Science*, 2015, vol. 11, no. 3, pp. 262–266.

УДК 81.2

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 16-18-02032

А. А. Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Техническое и технологическое развитие общества несомненно оказывает влияние и на сферу функционирования языка, изменяя его и, в свою очередь, меняясь вслед за ним. Одна из сред, в которой активно сочетаются и технические, и лингвистические изменения, — это медиа, различные аспекты которой прочно вошли в ежедневные ритуалы каждого человека. Но можем ли мы спрогнозировать дальнейшие изменения? К чему и как нам готовить каждое следующее поколение? Есть такой термин «управляемое падение», и в данном случае он очень хорошо подходит для описания сложившейся ситуации: уровень коммуникативной компетенции нации падает (движение вверх тоже можно рассматривать как падение), и мы должны научиться этим управлять.

Ключевые слова: *способность к коммуникации, языковая политика, коммуникативные компетенции, медиалингвистика, виртуальная образовательная среда.*

Как ни парадоксально это звучит, но развитие технических средств коммуникации привело не к развитию коммуникативной способности человека, а к ее деградации до такой степени, что сейчас при проектировании образовательных стандартов разработчики вынуждены учитывать развитие этого навыка как базовой компетенции буквально в каждом направлении подготовки. В наиболее популярном варианте это звучит как «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5)» (<http://fgosvo.ru/>).

Для многих преподавателей, сталкивающихся с необходимостью написания рабочих программ дисциплин и фондов оценочных средств, не всегда бывает понятно, какими способами формировать эту компетенцию и, тем более, как проверять ее сформированность. С этой точки зрения медиалингвистика как новая научная и образовательная дисциплина способна выступить определенным языковым ориентиром, в рамках которого развитие необходимых навыков будет протекать естественно и «безболезненно», который сможет выполнять как функцию учителя, так и функцию контролера, воспитывая в подрастающем поколении лингвоответственность за свои речевые поступки в условиях межличностного и межкультурного взаимодействия.

Медиалингвистическая подготовка также позволит решить и множество проблем, связанных с переходом от реального общения к виртуаль-

ному, и наоборот. В этом отношении применительно к современной ситуации восприятия языка как самостоятельной субстанции, во многом развивающейся и эволюционирующей по своим законам, может быть также уместен термин «эколингвистика», или «зеленая лингвистика», разрабатываемый такими исследователями, как М. В. Загидуллина [2], С. В. Ионова [3], В. П. Коровушкин [4] и др., как совокупность качеств и свойств языковой системы, гарантирующая ее стабильное и гармоничное существование.

Поэтому не случаен выбор цели нашего небольшого исследования — найти закономерности в формировании бережного отношения к русскому языку и развитию коммуникативной компетенции современного человека в стремительно развивающейся виртуальной образовательной среде. В качестве методов исследования можно отметить структурно-типологический анализ, метод описания и сопоставления, системный анализ речевых произведений пользователей социальной сети, являющихся одновременно и производителями, и потребителями медиатекстов, метод опроса.

Материалом послужили различные научные источники, описывающие современное состояние и динамику развития такого явления, как коммуникативная компетенция, или способность к коммуникации. Также привлекался материал по медиалингвистике и смежных с ней понятиям «коммуникативные стратегии», «языковая политика», «социальные медиа», «воспитание языкового

вкуса». Для иллюстрирования теоретических предположений мы собрали тексты социальных групп «ВКонтакте», посвященных вопросам воспитания грамотной языковой личности, формированию бережного отношения к русскому языку, а также провели опрос среди студентов первого курса гуманитарного и технического направлений подготовки в количестве 50 человек.

В 1995 г. на совете Европы был принят свод профессиональных компетенций, среди которых очень многие отвечают за знание языка. И если первоначально это все проецировалось исключительно на знание иностранного языка, то в последние годы в связи с тем, что коммуникативно-деятельностный подход стал основным и ведущим (доминирующим) в преподавании, обучении родному и неродному (иностранному) языку, понятие «компетенция» прочно вошло в нашу действительность [5]. Более того, понятие «компетенция» сейчас уточняется и расширяется. Развитие коммуникативной компетенции привело к изменениям в самой системе обучения языкам, изменился подход. Во многих школах вводится в качестве обязательного требование к учителям знать методику преподавания русского языка как иностранного и уметь работать в смешанных классах. Сегодня в 2017 г. коммуникативная компетенция — это одна из базовых компетенций, жизненно необходимых современному человеку, более того, — это не только часть профессиональной деятельности современного человека, но и насущная физиологическая потребность наравне со сном и едой. Мы постоянно потребляем и производим информацию (информационный шум). И чем стремительнее развивается техническая сторона общества, тем более человек становится зависимым от гаджетов, от возможности практически мгновенно получать и передавать сообщение. Мы разучились находиться в тишине.

Коммуникативная компетенция — это способность человека к реальной эффективной коммуникации с носителями языка, с соблюдением норм данного языка в актуальных для него ситуациях общения. Это основная и доминирующая формулировка коммуникативной компетенции, существующая с 1995 г. — с момента, когда на Совете Европы был принят свод основных компетенций, требуемых в современной образовательной практике. В то же время коммуникативная компетенция — понятие комплексное, состоящее из многих компонентов (лингвисти-

ческая компетенция, социолингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция, стратегическая компетенция, предметная компетенция и так далее). Коммуникативная компетенция требуется в первую очередь носителю языка, так как у нас уже выросло поколение, не говорящее на своем родном языке, а использующее в качестве общения различные варианты языка (социолекты, язык виртуальной среды, медиаязык и т. п.) [1]. И поэтому коммуникативная компетенция все активнее входит в структуру школьного обучения. Например, с 2016 г. в ОГЭ и ЕГЭ появилась устная часть по русскому языку, предполагающая как раз оценку коммуникативной компетенции (то есть умение проанализировать речевое произведение и на его основе создать собственное высказывание, это вариант проверки восприятия структуры языка, говорения и всех основных компетенций, связанных с преобразованием текста). Но это только половина дела. Политика в области развития коммуникативной компетенции должна учитывать и следующие ступени образования, а также и меняющуюся профессиональную и межличностную среду для реализации этой коммуникативной компетенции.

В последнее время начинает набирать обороты тенденция к повышению грамотности интернет-текстов. Грамотность становится модой. И, в частности, на просторах социальной сети «ВКонтакте» начинают появляться группы, открыто заявляющие о своем намерении бороться за грамотность и правильность использования речевого потенциала русского языка. На 21.01.2017 одни из самых малочисленных групп насчитывали порядка тысячи пользователей (например, «Группа для тех, кто хотя бы пытается писать в интернете НОРМАЛЬНЫМ русским языком (за ГРАМОТНОСТЬ!)» — 915 пользователей; «За чистоту русского языка!» — 1 955 пользователей), самая многочисленная группа «Я люблю русский язык!» — 1 180 144 пользователей. В описании подобных групп можно встретить призывы: «Друзья! Давайте говорить и писать правильно, без ошибок! Язык это душа народа... Не дадим заимствованиям и подонковским словечкам вкупе с матом и другой нецензурной бранью уничтожить его красоту!» («За чистоту русского языка!», <https://vk.com/club7854>); насмешку: «Превед красавчег! Йэсли ты риальный поцан или клиовая диффчонка то те нада к нам... Мы напомним Тебе, что такое русский язык» («Группа для тех, кто хотя бы пытается писать

в интернете НОРМАЛЬНЫМ русским языком (за ГРАМОТНОСТЬ!)), <https://vk.com/club733899>); констатацию: «В группу могут входить все филологи, увлекающиеся современным русским языком и его историей. И все прочие студенты филологических специальностей вузов России» («Русский язык в современном мире», <https://vk.com/club7198>); стилизацию: «Для всёхъ, кому дорогъ родной языкъ. Здѣсь можно собраться, обмѣняться мнѣніями. Будемъ помогать другъ другу въ возвращеніи къ истокамъ живого великорусскаго языка» («УБѢЖИЩЕ НА РОДНОМЪ ЯЗЫКѢ. Мой домъ и моя крѣпость», https://vk.com/old_russian_orthography); объяснение: «Наша задача — это привлечение внимания к проблеме русского языка. Мы видим ошибки на улицах городов и исправляем их» («Орфосвинство и идиомаркетинг», <https://vk.com/orfosvinstvo>) и др. Но ключевым здесь является то, что и пассивные читатели, и авторы пабликов начинают обращать внимание на грамотность использования речевых инструментов в повседневном общении. Происходит изменение способа восприятия окружающей действительности, а вместе с ним меняется и языковое сознание.

А в результате мы имеем такую картину: с одной стороны, достаточно большой объем электронных образовательных ресурсов, которые ус-

ловно можно поделить на несколько групп: 1) университетские обучающие программы/модули — образование на русском (<https://pushkininstitute.ru>); 2) государственные образовательные платформы — Открытое образование (<https://openedu.ru>), Федеральный портал «Российское образование» (<http://www.edu.ru>); 3) независимые виртуальные площадки — Coursera (<https://ru.coursera.org>), EdX (<https://www.edx.org>), Future Learn (<https://www.futurelearn.com>), Академия Хана (<https://ru.khanacademy.org>); 4) стихийные образовательные сообщества — группы социальной сети ВКонтакте, VK University (<https://vk.com/vku>) и др. И это количество постоянно увеличивается, открывая все новые и новые возможности для саморазвития и самообразования. С другой стороны, региональный опрос потенциальных потребителей этого контента (студенческая среда) показывает желание обучаться при помощи данных технологий, но неосведомленность и непонимание аспектов совмещения с базовым образованием не позволяют в полной мере воспользоваться этими возможностями (см. таблицу).

Таким образом, мы можем констатировать, что в обществе назрел определенный кризис, выражающийся в том, что отдельные государственные и частные инициативы сохранять и развивать современный русский язык в соответствии даже

Вопросы	Студенты гуманитарного направления	Студенты технического направления
Насколько, на Ваш взгляд, оправдано внедрение онлайн-курсов в учебный план вместо отдельных очных дисциплин? (от 0 до 5, где 5 — высшая оценка)	5 — 27 % 4 — 18 % 3 — 36 %	5 — 44 % 4 — 33 %
Какие дисциплины стоит внедрять? Направленные на формирование профессиональных навыков (по Вашему направлению / специальности / программе) Направленные на формирование дополнительных навыков (не связанных напрямую с получаемой профессией) Направленные на общее развитие/расширение кругозора	10 % 50 % 40 %	20 % 45 % 35 %
Какие у Вас есть ожидания относительно результатов прохождения онлайн-курсов?	«Ожиданий нет вообще, так как мне не нравится эта затея». «Улучшение профессиональных навыков». «Приобретение новых навыков, расширение кругозора». «Улучшение знаний в выбранном направлении». «Сократит время на изучение неважных дисциплин»	«Развитие себя как личности». «Получение конкретных, определенных навыков в той или иной области». «Доступность образования в любое время». «Хорошие». «Положительные». «Получение дополнительных знаний и умений»

Окончание таблицы

Вопросы	Студенты гуманитарного направления	Студенты технического направления
Какие онлайн-платформы Вы знаете?	40 % — «Открытое образование» 40 % — «Образование на русском» 20 % — «Future Learn»	40 % — «Coursera» 40 % — «Открытое образование» 20 % — «Future Learn»
Был ли у Вас опыт прохождения онлайн-курсов до настоящего учебного года (2016–2017)?	12 % — да 88 % — нет	66 % — да 34 % — нет
Интересно ли Вам изучение дисциплин в формате онлайн-курсов?	54 % — да 37 % — затрудняюсь с ответом 9 % — нет	66 % — да 34 % — затрудняюсь с ответом
Ваши пожелания/рекомендации по использованию онлайн-курсов в учебном процессе	«Онлайн-курсы очень хороши для изучения языков». «Необходима удобная платформа». «Более совершенная система информирования о курсах». «Главное чтобы онлайн-курсы не мешали основному образованию». «Полностью не отказываться от лекций с преподавателем». «Расширение нашего кругозора и получение новых дополнительных знаний»	«Использовать онлайн-курсы вместо дисциплин, которые направлены лишь на развитие общих навыков, а не профессиональных». «Для дисциплин, не требующих множества пояснений/разборов, онлайн-курсы — отличный способ увеличить эффективность усваивания материала в целом, а также сократить время на организационную деятельность».

не столько с настоящими, сколько будущими потребностями общества, сталкиваются с медлительностью образовательной системы, не успевающей за активными процессами трансформации на всех уровнях языка, изменениями в языковой среде общества. Хорошо думать о наших детях, что они умнее родителей и сами во всем разберутся: сами научатся общаться со сверстниками

по сети, научатся решать конфликты дома и на работе, сами смогут выработать механизм защиты от чужого речевого воздействия и самостоятельно обучаться приемам этого воздействия. Но так не бывает, мы должны научиться прогнозировать развитие коммуникативной компетенции и обучить этому наших детей.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Науч. диалог. — 2013. — № 5 (17). — С. 8–28.
2. Загидуллина, М. В. Содержательная динамика эколингвистики: к вопросу о современном состоянии научного поля в междисциплинарном аспекте и медиаисследовательских перспективах / М. В. Загидуллина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 9 (391). Филолог. науки. Вып. 102. — С. 57–65.
3. Ионова, С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт / С. В. Ионова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. — 2010. — № 1 (11). — С. 86–93.
4. Коровушкин, В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной области языкознания / В. П. Коровушкин // Вестн. Череповец. гос. ун-та. — 2011. — № 1. — С. 60–64.
5. Смирнова, Т. П. Основные тенденции развития европейской языковой политики и пути ее реализации / Т. П. Смирнова // Полит. лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 153–156.

Сведения об авторе

Селютин Андрей Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. blind11@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 8 (404). *Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 53–57.*

DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE IN A VIRTUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

A. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. blind11@yandex.ru

The technical and technological development of society undoubtedly influences the sphere of functioning of the language, changing it and, in turn, changing after it. One of the environments in which both technical and linguistic changes actively combine are media, various aspects of which have firmly become part of everyday rituals of each person. But can we predict further changes? Why and how should we prepare each next generation? There is a term “controlled drop” and in this case it is very suitable for describing the situation: the level of the communicative competence of the nation is falling (the upward movement can also be seen as a fall) and we must learn to manage it.

Keywords: *ability to communicate, language policy, communicative competence, mediallynguistics, virtual educational environment.*

References

1. Alpatov V.M. Jazykovaja politika v sovremennom mire [Language Policy in the Modern World]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2013, no. 5 (17), pp. 8–28. (In Russ.).
2. Zagidullina M.V. Soderzhatel'naja dinamika jekolingvistiki: k voprosu o sovremennom sostojanii nauchnogo polja v mezhdisciplinarnom aspekte i mediaissledovatel'skih perspektivah [The content Ecolinguistics dynamics: the question of the current state of the scientific field in the interdisciplinary aspect and mediaissledovatel'skih prospects]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Chelyabinsk State University], 2016, no. 9 (391), iss. 102, pp. 57–65. (In Russ.).
3. Ionova S.V. Osnovnye napravlenija jekolingvisticheskikh issledovanij: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt [The main directions of research ekolingvisticheskikh: foreign and domestic experience]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Volgograd State University], 2010, no. 1 (11), pp. 86–93. (In Russ.).
4. Korovushkin V.P. Osnovnye atributy lingvoekologii kak avtonomnoj mezhdisciplinarnoj oblasti jazykoznanija [Key attributes lingvoekologii as an autonomous multidisciplinary field of linguistics]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2011, no. 1, pp. 60–64. (In Russ.).
5. Smirnova T.P. Osnovnye tendencii razvitija evropejskoj jazykovej politiki i puti ee realizacii [The main tendencies of the development of the European language policy and the ways of its realization]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2012, no. 2, pp. 153–156. (In Russ.).

УДК 821.512.111(092) Родионов+821.512.111:821.512]-043.5
ББК Ш43(2)(=635.1){6}*8Родионов+Ш43(2)(+365.1)*002.187.3:Ш43(5)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЧУВАШСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ТРУДАХ В. Г. РОДИОНОВА

И. В. Софронова

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. Чебоксары, Россия

Статья посвящена научному анализу трудов литературоведа В. Г. Родионова, в которых исследуется восточное влияние в чувашской словесности, культуре, мировидении. Использование сравнительно-сопоставительного, генетического, контактного методов позволяет ему воссоздать историю развития чувашской словесной культуры, выявить общие мотивы, жанры, поэтические традиции с восточными и тюркскими литературами.

Ключевые слова: образ, жанр, поэзия, восточные традиции, цикл, чувашский фольклор, древнетюркская литература, исследователь, В. Г. Родионов, чувашский стих.

Научная деятельность профессора В. Г. Родионова отличается многогранностью. Он изучает особенности чувашского стихосложения, фольклора, истории становления и развития чувашской письменной литературы XVII–XIX вв., национального мировоззрения, его также волнуют и вопросы проявления восточного менталитета в творчестве отдельных авторов, развитии этноса и письменной литературы в целом. В трудах ученого понятие «Восток» представлено как мусульманский мир, Дальний Восток и тюркоязычный мир. Ссылка на восточное происхождение используется им для сравнительно-исторического изучения особенностей чувашского стиха, фольклорных мотивов и жанров, генезиса и эволюции этноса. Тема востока затрагивается при исследовании деятельности востоковеда Н. Бичурина, поэта М. Сеспеля. Его научные труды, посвященные изучению памятников древнетюркской литературы, имеют немаловажное значение для развития чувашского востоковедения.

По мнению В. Г. Родионова, развитие традиций письменной литературы находится в непосредственной связи с мировоззрением народа, историческими этапами развития, его языком, а также типом национального мышления. Для изучения жанров, поэтики чувашского фольклора, воссоздания особенностей древнетюркской словесности и чувашского стиха В. Г. Родионов предлагает использовать типологический, сравнительно-исторический, генетический, контактный, ареальный методы исследования. Сравнение и сопоставление фольклорных образов, мотивов и жанров с татарскими, казахскими, киргизскими, якутскими, бурятскими и монгольскими образцами позволя-

ет выявить общетюркские черты в фольклорных жанрах, особенности использования образного и психологического параллелизма, в ритмике стиха, значении аллитерации и ассонанса. Не только форма словесности, но некоторые мотивы и сюжеты берут свое начало из древнетюркского периода. Е. П. Чекушкина в своем исследовании пишет: «Чувашский исследователь В. Г. Родионов, тщательно изучавший строение чувашского и тюркского стиха, отмечает, что стиховая форма орхон-енисейских текстов близка к устному стиху современных тюркских народов Сибири и Поволжья по ритмической организации, аллитерации и другим видам повторов» [6. С. 45].

По мнению В. Г. Родионова, образы лебедя, дикого гуся присутствуют в устной словесности бурят, башкир и чувашей. В чувашском фольклоре они имеют следующие варианты: лебедь — родовой тотем; «лебединое» происхождение фольклорных героев; мотив превращения колдуньи в гуся; спасение героя через превращение в лебедя; мотив сообщения лебедем о пленении героя его родственникам; превращение лебедя в невесту. Более древний вариант этого образа связан с лебедином, человеком, произошедшим от птицы [2]. Кроме того, у тюркоязычных народов, проживающих в Поволжье, имеется отличающийся от других родственных народов мотив — спасение болгарского хана или его дочерей, казанского хана или его жены через превращение в лебедя во время пожара.

В. Г. Родионов занимался изучением вопроса проникновения элементов восточной материальной и словесной культуры в быт и фольклор древних чувашей. «Следует использовать материалы

не только чувашского, но и тюркоязычного фольклора, а также тех этносов, историческая судьба которых тесно связана с судьбами предков чувашей», — пишет он в работе «Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора» [2. С. 52]. Рассматривая историю древнетюркской литературы, исследователь подтверждает мнение о том, что письменность могла быть заимствована у китайцев. В религиозных и земледельческих обрядах чувашей немало индоиранского элемента. Особенности арабской словесной культуры (мотив исцеления дочери царя неизвестным лекарем, некоторые жанры) проникают в чувашский фольклор с распространением мусульманства в Волжской Булгарии. В своей работе «К проблеме исторического взаимодействия чувашского язычества и христианства» [2] профессор высказывает мнение о том, что названия некоторых злаковых культур и блюд, приготовленных из них, смена лунного календаря на лунно-солнечный происходили под влиянием грузинских и албано-армянских племен.

Становление чувашской письменной литературы, национальной интеллигенции в начале XX в. анализируются исследователем при помощи ареального метода. В работе «Чувашская поэзия начала XX в. в контексте творчества Г. Тукая» [3] приводятся аналогии с татарской литературой. Поэтов интересовал вопрос сохранения и развития родного языка, национальной культуры. Нередко произведения татарских авторов являлись примером для литераторов региона. Исследователь приходит к выводу о том, что восточное влияние могло проникнуть в чувашскую среду и через переводы стихотворений татарского классика. В статье «К проблеме татарского и чувашского межкультурного диалога» [4] В. Г. Родионов подчеркивает возможность позитивного влияния татарской интеллигенции на развитие национального самосознания чувашей. Не случайно вторым центром развития чувашской культуры, после Симбирска, он считает город Казань, в котором начали свою деятельность первые чувашские поэты, прозаики и публицисты, формировалась газета «Хыпар», открылся чувашский театр.

Жанры чувашской словесности пейит, дастан В. Г. Родионов относит к восточному и общетюркскому происхождению. Он отмечает, что сюжетные песни следует называть пейитами. В чувашском фольклоре присутствуют следующие его разновидности: исторический, о войнах, пейиты

о несчастных судьбах и любовных переживаниях. В чувашских любовных пейитах часто присутствует распространенный в восточных странах мотив о несчастной любви; о девушке, насильно выдаваемой замуж за нелюбимого; противопоставления взаимоотношений молодых устаревшим патриархальным традициям. Мотив девушки, насильно выдаваемой замуж за нелюбимого, имеет несколько вариантов. Их наличие объясняется исследователем влиянием исторических событий, социальных изменений в обществе. Он приводит следующие варианты: «Девушку выдают замуж за иностранца (марийского или турецкого купца), девушку забирают в неволю (татаро-монголы), предпочитают богатого жениха вместо бедного возлюбленного» [1. С. 47]. Сюжет лирических песен о Тахире и Зухре, Пус Йегите, черном иноходце, поэм К. Иванова «Нарспи», Я. Турхана «Варусси», М. Трубиной «Еник» восходит, по мнению В. Г. Родионова, к поэме «Лейли и Меджнун» Алишера Навои.

Общетюркский жанр дастан представляет собой собрание текстов на общую тематику. По мнению В. Г. Родионова, в чувашской словесной культуре ему соответствуют циклы поэтических и прозаических произведений. Часто части художественных произведений чувашских авторов можно рассматривать как отдельные, самостоятельные стихотворения или новеллы. Повесть И. Юркина «Не все золото, что блестит» построена из отдельных новелл, которые через использование мотивов волшебной сказки, христианской мифологии, описание повседневности рассказывают о необычной судьбе главного героя. Как известно, особенностью повествования классической восточной литературы является низывание отдельных сюжетов из фольклора, мифологии, жизни богов и исторических документов. Также и структура цикла «Песни Тилли» П. П. Хузангая сходна с дастаном. Сочетание эпических, библиографических, социальных, лирических, философских песен исполняемых от первого лица, использование жанров газели, рубаи в цикле сближают его с восточным дастаном.

Среди публикаций профессора немало работ, посвященных изучению деятельности чувашских востоковедов. Так, Н. И. Ашмарин, Н. И. Золотницкий, Н. В. Никольский еще в XIX в. рассматривали вопросы присутствия восточного элемента в языке, фольклоре, истории чувашского народа. Профессор В. Г. Родионов называет Н. И. Ашмарина основателем чувашской

сравнительно-исторической школы. В его трудах впервые представлены генетический, сравнительно-типологический, контактный и функциональный методы изучения фольклорного материала. Ученый для исследования особенностей национального фольклора предлагал учитывать примеры устной и письменной словесности других тюркоязычных народов. На основе анализа чувашской лексики, предметов материальной культуры, антропологических особенностей, общих черт в фольклоре доказал, что чувашский язык относится к тюркоязычной группе, является одним из древнейших ее представителей.

Особого внимания заслуживает научный труд В. Г. Родионова «Ради вечной памяти» (1993 г.), посвященный исследованию биографии Н. Я. Бичурина. В ней рассматриваются деятельность востоковеда, анализируются его лирические, публицистические произведения. Автор к работе привлекает архивные материалы, воспоминания современников, их критические высказывания, карикатурное произведение «Натуральная школа». Рассматривает его труды по изучению фольклора, языка, истории быта китайского народа, обращает внимание на то, что Н. Я. Бичурин более всего интересуется китайскими летописями, в которых есть упоминание о древних тюрках. Профессор обуславливает причины, побудившие Н. Я. Бичурина заниматься изучением истории восточных народов. По его мнению, целью жизни и деятельности ученого были слова: «Озарите своих предков...» «Н. Я. Бичурин прорубил дверь на Восток. Такое открытие смог сделать только тот, который своими корнями уходил на Восток, а ветвями тянулся к свету европейского Просвещения» [2. С. 401]. Всемирно известный ученый обширностью и значимостью своей деятельности в непростое время смог доказать, что представители нерусской национальности способны достичь значительных высот в науке.

Немаловажное значение для развития чувашского востоковедения имеет серия «Памятники словесности», организованная В. Г. Родионовым. В ней переиздаются труды именитых исследователей истории, языка, фольклора, этнографии чувашского народа. На сегодняшний день в типографии Чувашского государственного университета опубликованы собрания трудов Н. И. Ашмарина, В. П. Вишневого, Н. И. Золотницкого, Г. И. Комиссарова, Г. Я. Хлебникова, Г. Ф. Юмарта.

Изучая особенности типов национального мышления, профессор приходит к выводу, что в смене парадигмы национальной культуры важное значение имели следующие качества: память о предках, то есть об историческом прошлом, а также стремление к гармонии. Они проявляются в общении, языке, во взаимоотношении с природой, обществом, родом, в обустройстве жизни, в синтезе христианской религии с поклонением природе, восточного и западного мышления. Именно эти качества способствовали сохранению национальной самобытности этноса и его самосохранению в сложные исторические периоды. Они проявляются в фольклорных текстах, обрядах, мировоззрении, повседневной жизни народа. «Идея равноправия обнаруживается в чувашском языке, музыке, социальном мире <...> Для чуваша <...> в единичном есть целое, а в целом — единичное. Такое понимание соотношения целого и его частей распространено среди восточных народов. По их представлению, целое — это не сумма частей, не конгломерат, а гармония, упорядоченная связь, внутренняя сопряженность одного с другим» [2. С. 251]. В преобладании у чувашей обрядовой поэзии, а не эпического текста, канонизированного быта профессор видит «главную идею, управляющую традиционным мышлением чуваша, идею самовоспроизводства изначального образца» [2. С. 254]. В чем опять же проявляется идея согласования и ненасилия, общинного равноправия. В работе «О типах национального мышления» В. Г. Родионов противопоставляет восточный и западный типы мышления. Идея подчинения и борьбы противоположностей, а также идея согласования и непротivления отличают их. В начале XX в. в жизни чуваша эти типы мышления начинают постепенно уживаться.

В трудах В. Г. Родионова изучение вопроса присутствия восточного элемента в чувашском фольклоре и литературе отличается многогранностью. Оно затрагивает мировоззрение и историю этноса, творчество отдельных авторов, подготовку научных кадров. В статье «Хурашывра сичё фӓл...» («В мутной воде семь родников», 1992) В. Г. Родионов, анализируя поэзию В. Энтипа, отмечает, что творчество поэта претерпевает постепенный переход от западных жанров к восточным. Классический сонет уступает место образной и лаконичной восточной поэтике. Рассмотрение памятников древнетюркской литературы в качестве образ-

цов предыстории чувашской литературы также способствует углублению вопроса изучения восточных традиций в чувашском словесном искусстве. Немаловажное значение имеет и подготовка профессором научно-педагогических кадров, занимающихся вопросами чувашского востоковедения. Так, в учебную программу факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ им. И. Н. Ульянова в 2000 г. была введена дисциплина «История зарубежной литературы (Восточная классика)». Под его руководством защитили кандидатские диссертации Е. П. Чекушкина на тему «Общeturкские традиции в чувашской словесности» [6],

И. В. Софронова — «Традиции восточной поэзии в чувашской лирике 20–90-х гг. XX в.» [5].

Многогранность исследовательской деятельности профессора, на наш взгляд, можно объяснить спецификой национального мышления, которая выражается в стремлении к гармонии. Особенности национального стихосложения, фольклорных жанров, история развития литературы рассматриваются им с генетической, этимологической, исторической, социальной, лексической точек зрения. Только гармоничная совокупность методов исследования дает полное представление о состоянии, специфике национальной литературы.

Список литературы

1. Родионов, В. Г. Творческая история произведений К. В. Иванова / В. Г. Родионов // Константин Иванов: новые исследования. — Чебоксары, 2000. — 84 с.
2. Родионов, В. Г. Этнос. Культура. Слово / В. Г. Родионов. — Чебоксары, 2006. — 552 с.
3. Родионов, В. Г. Чувашская поэзия начала XX в. в контексте творчества Г. Тукая / В. Г. Родионов // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур. — Казань, 2011. — С. 78–80.
4. Родионов, В. Г. К проблеме татарского и чувашского межкультурного диалога / В. Г. Родионов // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения. — Казань, 2014. — С. 216–221.
5. Софронова, И. В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике 20–90-х гг. XX в. : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Софронова. — Чебоксары, 2004. — 166 с.
6. Чекушкина, Е. П. Общeturкские художественные традиции в чувашской словесности : дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Чекушкина. — Чебоксары, 2004. — 168 с.

Сведения об авторе

Софронова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. Чебоксары, Россия. muxtar2@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 8 (404). *Philology Sciences.* Iss. 107. Pp. 58–62.

SOME ASPECTS OF THE CHUVASH ORIENTAL STUDIES IN THE V. G. RODIONOV WORKS

I. V. Sofronova

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia. muxtar2@yandex.ru

The main purpose of the article is the study of works of V. G. Rodionov, aimed at revealing the Eastern influence in Chuvash literature, culture, and worldview. In its activities, he effectively uses the comparative-historical, genetic, contact, areal methods of study, which contribute to reconstruct the history of the development of verbal culture, to explain the reasons for the peculiar features. The influence of Oriental literature is manifested in the use of appropriate motifs, genres, traditions, poets and writers, in the type of national thinking, the presence of similarities with the samples of folklore of Eastern, Turkic peoples. According to the researcher, this is a consequence of genetic, contact community.

Keywords: *image, genre, poetry, Eastern traditions, cycle, chuvash folklore, ancient Turkic literature, the researcher, V. G. Rodionov, chuvash poem.*

References

1. Rodionov V.G. Tvorcheskaya istoriya proizvedenii K. V. Ivanova [The creative history of the works of K. V. Ivanov]. *Konstantin Ivanov: novye issledovaniya* [Konstantin Ivanov: new research]. Cheboksary, 2000. 84 p. (In Russ.).
2. Rodionov V.G. *Etnos. Kul'tura. Slovo* [Ethnicity. Culture. Word]. Cheboksary, 2006. 552 p. (In Russ.).
3. Rodionov V.G. Chuvashskaya poeziya nachala XX v. v kontekste tvorchestva G. Tukaya [Chuvash poetry of the early twentieth century in the context of creativity G. Tukai]. *Nasledie Gabdully Tukaya v kontekste natsional'nykh kul'tur* [Legacy Gabdulla Tukai in the context of national cultures]. Kazan, 2011. Pp. 78–80. (In Russ.).
4. Rodionov V.G. K probleme tatarskogo i chuvashskogo mezhkul'turnogo dialoga [To the problem of Tatar and Chuvash intercultural dialogue]. *Nematerial'noe kul'turnoe nasledie tyurkskikh narodov kak ob'ekt sokhraneniya* [The Intangible cultural heritage of the Turkic peoples as object of preservation]. Kazan, 2014. Pp. 216–221. (In Russ.).
5. Sofronova I.V. *Traditsii vostochnoi poezii v chuvashskoi lirike 20–90-kh gg. XX v.* [Traditions of Eastern poetry in the chuvash lyrics 20 to 90-ies of the XX century]. Cheboksary, 2004. 166 p. (In Russ.).
6. Chekushkina E.P. *Obshchetyurkskie khudozhestvennyye traditsii v chuvashskoi slovesnosti* [Turkic artistic traditions in Chuvash literature]. Cheboksary, 2004. 168 p. (In Russ.).

УДК 81-373
ББК 81-3

ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕРМИНОЛОГИИ БАШКИРСКОГО ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДА

Л. Р. Сулейманова

Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета, Сибай, Россия

Происхождение погребально-поминальной лексики башкирского языка в данной статье исследуется на основе лингвистических, фольклорных, этнографических данных. С генеалогической точки зрения наиболее древний пласт терминологии данного обряда относится к общетюркской лексике, характерной для многих тюркских языков. Изучение их этимологии и семантики выявляет информацию о разных древних погребальных ритуалах и обрядах, архаичных представлениях предков башкир о мироздании. С утверждением среди башкир ислама в терминологию этого обряда проникают арабизмы.

Ключевые слова: башкирский язык, погребально-поминальный обряд, лексика и фразеология, происхождение лексики, исконно башкирская (тюркская) лексика, духовная культура.

Обряд — это сформировавшаяся в глубине веков и дошедшая до нас без особых изменений, устоявшаяся важнейшая часть традиционной культуры. В нем отражается духовная, нравственная, эстетическая сущность народа. Лингвистическое исследование обрядовой лексики способствует, прежде всего, изучению истории развития лексики, а также этнографии народа, истории его культуры. Комплексному исследованию обрядовой лексики и фразеологии способствует этнолингвистическое направление в языкознании, ориентированное на рассмотрение соотношения, связи языка и духовной культуры. Ранее нами проводился этнолингвистический анализ лексики и фразеологии погребально-поминального обряда башкирского языка [14; 15]. В данной работе предпринята попытка оценить роль тюркской лексики в развитии терминологии погребально-поминального обряда башкир.

Современный погребально-поминальный обряд башкир в целом соответствует исламским традициям, но за многовековой доисламский период развития в силу соприкосновений древних башкир с различными культурами и верованиями он не раз претерпел изменения и пережил такие этапы, как язычество, зороастризм, мадеизм, тенгрианство и др. Отдельные исследователи даже высказали мнение, что современный погребально-поминальный обряд этого народа — лишь осколок архаичной культуры, который в прошлом имел различные формы [2], которое, на наш взгляд, безосновательно уменьшает роль ислама в башкирской культуре. Ислам, проникнув в среду башкир с начала X в. и прочно ут-

вердившись к XIV в., в течение многих столетий оказывал большое влияние на формирование духовной культуры этого народа. Основные верования, обычаи и обряды башкир были сформированы в духе мусульманской религии. Благодаря исламу происходило развитие письменности, образования [17].

Исследование этимологии и семантики похоронной терминологии позволяет выявить информацию о разных древних погребальных ритуалах и обрядах, архаичных представлениях предков башкир о мироздании. Погребально-поминальная терминология выражена как литературной лексикой, так и диалектными словами и фразеологическими единицами. Устойчивые словосочетания и диалектизмы содержат в себе богатую информацию о древней культуре народа.

С генеалогической точки зрения, лексика и фразеология данного обряда состоит из исконно-башкирских (тюркских) слов и арабских заимствований. Тысячелетний период развития исламской религии среди башкир способствовал утверждению мусульманских каноничных в похоронном обряде, поэтому большая часть терминологии по происхождению — арабская, немалая часть лексики (около 45 %) — исконно тюркская.

Наиболее древний пласт словарного состава башкирского обряда состоит из общей для большинства тюркских языков лексики и относится к устойчивым разрядам. Причем древняя лексика характерна не только близкородственным кыпчакским языкам, но и языкам других (в том числе немусульманских тюрков) групп, таких как хакасский, тувинский, якутский, чувашский и др.

Ключевым термином анализируемого обряда выступает слово *үлем* ‘смерть, кончина’, которое употребляется и во многих родственных языках: *үлем* (в татарском), *өлүм* (в киргизском, уйгурском, тувинском, азербайджанском), *өлім* (в казахском), *өлим* (в каракалпакском), *олім* (в хакасском) и в др. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова представлены формы *olym, olom* [10. Т. 1], в словаре М. Кашгари словоформы *olmes/olmez* определяются как образованные от корня *ol* [7], в древнетюркских письменных источниках встречается употребление формы *olti* [3]. По этимологическому словарю тюркских языков слово *үлем* и другие его фонеморфологические варианты представляют древнейшие словоформы, образованные от корня *өл/үл/ол/йөл/ул/вил* посредством аффиксов [12. Т. 1].

Корень *өл/үл* профессор Ф. Г. Хисамитдинова также определяет как древнейший элемент и семантику лексемы *үлем* связывает со словом *өлөш* ‘доля’. В понятие *доля* у башкир входит причитающаяся человеку жизнь, еда, предначертанная судьба, предопределенная смерть [20]. В этимологическом словаре тюркских языков корень *өл* сравнивается со словоформами монгольского языка: слово *olus* в монгольском языке имеет значение ‘голодная смерть’. В алтаистической литературе говорилось о сохранении в башкирском языке древних фонетических связей с языками алтайской общности [11]. Согласно исследованиям Э. Ф. Ишбердина, значения некоторых общих по структуре слов в башкирском и монгольском языках не совпадают, но относятся к одному семантическому полю [6], что подтверждает вышеприведенный пример. Семантику древнейшей словоформы *үлем* можно определить следующим образом: смерть — это предопределенная богом судьба, окончание предначертанной, измеренной жизни, еды [15].

Лексика с компонентом *үл* употребляется во всей системе погребально-поминального обряда башкир: 1. Названия обрядов, их комплексов и актов: *үлем*, *үлмәк* (гайнинский, среднеуральский говоры) — ‘смерть’, *үлемтуй* — ‘свадьба, праздник по случаю смерти’, *үлеу* — ‘умереть’, *үз үлеме* — ‘своя смерть’, *үзен үзе үлтереу* — ‘наложить на себя руки’, *үлтереу* — ‘убивать’, *үлемһерәү* — ‘ожидание смерти, желать себе смерти’, *үлеш* — ‘гибель’, *үлем-етем* — ‘смертность’. 2. Названия ритуальных предметов: *үлемлек*, *үлемдек* (демский говор), *үлемтек*

(восточный диалект) — ‘вещи, отложенные на похороны’, *үлемтек һандығы* — ‘сундук с необходимыми вещами для погребения’, *үлемтек ебе*, *үлек ебе* — ‘нити умершего’ (мотки ниток, раздаваемые во время похорон, на поминках в качестве милостыни), *үлемтә* (нугушский говор) — ‘вещи, приготовленные к раздаче во время похорон’, *үлек һыуы* — ‘вода для обмывания покойника’. 3. Названия участников и объектов ритуальных действий: *үлек* — ‘покойник, мертвец, труп’. 4. Названия обрядовых мест: *үлеклек* — ‘кладбище’.

В терминологии всего состава обрядовых актов нами зафиксировано большое количество синонимов ключевых понятий, что дает основание предполагать наличие рудиментов редуцировавшихся культур. В течение веков с изменением погребальных обычаев термин, приспособиваясь к новым обрядам, развивая новые значения, расширяя или сужая семантическое содержание, продолжал существовать в обрядовой системе. Так, значение *үлем* ‘смерть’ и *үлеу* ‘умереть’ передают около ста пятидесяти лексических единиц: *китеу*, *үтеу*, *сумыу* (демский говор), *шытыу* (тук-суранский, иргизский говоры), *катыу*, *йән куйыу*, *донъя куйыу*, *ата-бабалар янына китеу*, *мәрхүм булыу*, *ер куйынына инеу* (*кереу*), *асылга кайтыу* и так далее. Следует отметить, что данная лексика метафорически описывает во многих случаях — трансцендентный, реже — реальный мир, поэтому в составе терминологии так много фразеологизмов.

Понятие переселения души из одного мира в другой, идея пути в башкирском языке переданы глаголами. Так, диалектизм *сумыу* (демский говор — букв. ‘нырнуть в воду’) отражает, вероятно, архаические представления о переправлении души умерших в загробный мир по воде. У многих народов понятие «потусторонний мир» первоначально имело значение ‘относящийся к воде’ или ‘находящийся за водой/рекой’ [9]. И в представлениях башкир река — граница между двумя мирами [19], а также в эпосах, сказках нижний мир понимается как подводный. Таким образом, можно предполагать, что слово *сумыу* когда-то означало переправление душ умерших через реку в потусторонний мир и сохранилось в диалекте современного башкирского языка в значении «умереть».

Семантика лексемы *шытыу* (тук-суранский, иргизский говоры — ‘умереть, сдохнуть’, букв. ‘прорасти, пускать ростки’) связано, вероятно,

с древними воззрениями башкир о душе умершего, которая могла принимать различный облик и возродиться вновь. По древним поверьям, души могли превращаться в птиц, животных, принимать облик деревьев, трав [18].

Глаголы со значением ‘хоронить, погребать’ по происхождению также исконно-тюркские: *ерләу* — ‘предать земле’, *күмеу*, *куйыу* — ‘похоронить’. Последняя лексема, имея буквальное значение ‘ставить, помещать’, характерна разговорной речи. Однокоренные слова от *күмеу*, *ерләу* употребляются в основном в кыпчакских языках: *күмү*, *жирләу* (в татарском), *көмү*, *жерлеу* (в казахском), *көмүү* (в киргизском), *көммү*, *жерлеу* (в каракалпакском). В киргизском языке — однокорневая лексема со словом куй: *көргө коюу*. Предполагаем, что название обряда *куйыу* является более древним и связано с обычаями зороастризма. Погребальная лексика башкирского языка, отражающая вышеназванный архаичный обряд, представлена богато и исследована нами в отдельной статье [16].

К устойчивым разрядам общетюркской лексики относятся соматизмы. В погребально-поминальной терминологии названия частей тела также употребляются часто и в основном в составе лексикализованных словосочетаний, фразеологических единиц. В башкирском языке эти слова обозначают: 1) приближение смерти: *иңе* (*кулбашы*) *төшкән* — ‘сникла стать’ (по древним поверьям, у человека, которому суждено вскоре умереть, за 40 дней до смерти сникает стать), *куз каймакланыу* (сакмарский говор) — ‘замутнение глаз перед смертью’; 2) смерть: *эйәк атыу* — досл. ‘кивать подбородком’ в значении ‘умереть, отдать душу’, ‘последний вздох умирающего’, *тыны сығыу* — ‘испустить дух, умереть’, *аяк һузыу* — букв. ‘протянуть ноги’ в значении ‘умереть’; 3) причину смерти: *йөрәк шартлау*, *йөрәк ярылыу*, *йөрәк бауы өзөлөү* (средний говор), *йөрәге кубыл үлеү* — ‘разрыв сердца’; 4) насильственную смерть: *башына етеу*, *башты ашау* — ‘погубить’, *башын өзөү* — ‘обезглавить’, *йөрәген һурып алыу* — ‘разрывать сердце’, *богазлау* — ‘перерезание горла’, *эсен ярыу* — ‘распарывание живота’; 5) смерть на поле брани: *баш һалыу*, *башы ятып калыу* — ‘сложить голову’, *кан койоу* — ‘проливать кровь’; 6) поминальный обряд: *баш ите ашатыу*, *баш итенә сакырыу* — ‘поедание на поминках мяса головы убойного скота’.

Этимология вышперечисленных лексем раскрывает проблемы традиционной культуры,

мировоззрения не только башкир, но и других тюркских народов. На основе развернутого анализа фольклорных, этнографических, археологических данных, семантика единиц *башты ашау* — букв. ‘есть голову’, *башына етеу* — букв. ‘доходить до головы’, *баш итенә сакырыу* — ‘обряд поедания головы убойного скота на поминках’ связывается с древним ритуалом причащения к телу покойника [15]. Можно предположить, что в данных лексемах отражается модель мира, в основе которого лежали представления о космосе и социуме, созданных из тела первого человека. Так как, по верованиям, из головы создавалось небо, поедание головы умершего, вероятно, подразумевало связь со святыми провидцами, общение с предками. Если языковые единицы *башын ашау*, *башына етеу* сохранили мотивы поедания, причащения к телу, то в значении лексем *баш итенә сакырыу* отчетливо видна замена тела мясом животного.

В составе погребально-поминальной терминологии выделяются названия одежды покойника — одна из самых богатых тематических групп. Нами выявлено 57 лексем, которые называют саван и отдельные его слои. Кроме специальных слов арабского происхождения, сюда относятся много общеупотребительных тюркских лексем. В большинстве случаев в названиях отдельных частей савана метафорически перенесены названия одежды человека. Более древний лексический слой представляют такие лексем, как *тун*, *тамбал*, *күлдәк*: *тышкы тун* (кизильский), *хөллә туны* (ик-сакмарский) — ‘верхняя одежда’ в значении третий верхний слой савана, *тез туны* (кызылский), *тамбал* (ик-сакмарский) — ‘штаны’ (слой савана в виде куска материи, прикрывающий половые органы), *оҗмах күлдәге* — ‘райское платье’, *эске күлдәк* (*күлмәк*) — ‘нательная рубашка’, *еңһез күлдәк* — ‘платье (рубашка) без рукавов’ (названия первого слоя савана), *озон күлмәк* — ‘длинное платье’ (второй слой савана), *тышкы күлдәк* — ‘верхнее платье’ (ик-сакмарский) — третий слой савана.

Слово *тун* в современном башкирском языке сузило свое значение и обозначает шубу, а в составе погребально-поминальной лексики сохранилось древнетюркское значение ‘одежда’, восходящее к лексемам *to:n* (др. уйгурское), *top* (др. тюркское) [13]. Сложное слово *аяктун* как название части савана встречается в языке татар низовьев р. Тары. *Күлдәк*, *күлмәк* (‘рубашка, платье’

от древнетюркского *köñlek*) употребляется во многих тюркских языках [13]. *Тамбал* в значении ‘штаны’ сохранился в сакмарском говоре башкирского языка, употребляется в некоторых кипчакских языках: *tambal* (каз.) — ‘подштанники’, *dambal* (кирг.) — ‘кальсоны, штаны’, а также в чагатайском: *tanban* — ‘брюки’, в уйгурском диалекте: *tambal* — ‘кальсоны, штаны’.

Тюркскими являются названия части женского савана, прикрывающей голову: *яулык* — ‘платок’, *бөркәнсек* — ‘покрывало’.

К собственно башкирским названиям относятся *елән*, обозначающий в литературном языке верхнюю легкую одежду на подкладке и без застежки в виде халата, перешедший в ик-сакмарском говоре в название второго слоя савана, *түшелдерек*, *күкрәксә* — ‘нагрудник’ (часть женского савана, прикрывающая грудь).

Общетюркские названия чисел активно употребляются в составе простой и составной погребальной терминологии. Названия меры ритуальной воды для обмывания покойника: *бер (ете) комган* (ик-сакмарский) — ‘один кумган, кувшин’, *ике бизрә* (ик-сакмарский, кизилский, средний) — ‘два ведра’, *өс сүмес* (демский) — ‘три ковша’, *кырк (кырк бер) сүмес* (кизилский) — ‘сорок ковш (сорок один ковш)’, *өс казак* (сакмарский, ай-миасский) — ‘три фунта’, *өс сәйнүк* (айский) — ‘три чайника’; названия ритуальной пищи: *өс (ете, кырк) йока* (демский) — ‘три лепешки (семь, сорок лепешек)’, *кырк (кырк бер) йәймә* (ик-сакмарский) — ‘сорок лепешек (сорок одна лепешка)’; названия поминальных обрядов: *өсө* — ‘третины’, *етеһе* — ‘седьмины’, *кыркы* — ‘сороковины’, *илле бер (илле ике) көнө* — ‘пятьдесят первый (пятьдесят второй) день’, или *өсөн (етеһен, кыркын) укытыу (үткәреу)* — ‘читать аяты на поминках третьего (седьмого, сорокового) дня кончины’. Большинство приведенных названий связаны с сакральными числами три, семь, сорок, которые в погребальном обряде играют важную роль. Например, употребление числа три: в ритуале обмывания все действия повторяются три раза, мужчин облачают в три слоя савана, опоясывают с трех мест, покойника охраняют не более трех суток, проводят поминки в третий день после кончины.

С точки зрения истории формирования лексики, интерес представляют и названия надмогильных знаков, которые в основном являются тюркскими.

Несмотря на порицание исламом устройства любых надмогильных сооружений, башкиры, как и другие тюрко- и ираноязычные народы, сохранили эту древнюю традицию. Современные могильные камни и надмогильные памятники, скорее всего, являются сильноизмененной формой древних надмогильных стелл и изваяний, а деревянные или железные ограждения — формой древних надмогильных сооружений.

Обычай, распространенный как среди башкир начала XX в., так и других народов, ставить деревянные, каменные столбообразные надмогильные памятники исследователи возводят к древнетюркским каменным фигурам [8]. В «Древнетюркском словаре» *balbal* — ‘ритуальный камень, символизирующий человека’ [5], в сравнительно-исторической грамматике тюркских языков *balban* — ‘статуя умершего’ [13]. Собственно башкирскими названиями являются *комарткы* — ‘деревянный столб на могиле’, *һынташ* — ‘каменное изваяние человека на могиле’ (сравни: *киһи-тас* — ‘человек-камень’ в якутском языке). Лексема *корган* восходит к древнетюркскому *qoγan* от глагольной основы *qig* — ‘строить’ [13]. Конструкции сооружены в виде сруба или чердака из дерева, реже — из камня. Форма надмогильной постройки отражается в других собственно-башкирских диалектных терминах: *бура* (кызылский) — ‘сруб’, *миргә* (демский) — ‘венец’, *өй* — ‘дом’, *сарзак* — ‘крыша’ (восточный), *таш бура*, *таш бурама* — ‘каменный сруб’ (ик-сакмарский, кызылский).

Таким образом, данные башкирского языка, его диалектов, фольклорные источники совместно с этнографическими, историко-археологическими фактами, раскрывая семантику обрядовых терминов, дают представление как об архаичных общетюркских традициях, так и башкирского народа. Многовариативность лексики исследуемого обряда является закономерной и представляет собой рудимент редуцировавшихся культур.

Исконно башкирские слова имеют много общего с лексикой других тюркских языков, в то же время им присущи специфические особенности. Башкирский язык, войдя в кыпчакскую группу, имеет большое сходство с современными кыпчакскими языками, однако при этом обладает иным фонеморфологическим строем слов. Это наглядно видно в названиях обрядовых актов: *үлем* — ‘смерть’ (башк., тат.), *өлим* (каракалп.), *өлім* (казах.), *өлүм* (кирг.); *ерләу*

(башк.) — ‘похоронить’, *жирләү* (тат.), *жерлеу* (казах.), *жерлеу* (каракалп.); *күмеу* (башк.), *күмү* (тат.), *көмү* (казах.), *көммү* (каракалп.), *көмүү* (кирг.); в названиях поминальных обрядов: *кырыгы* (башк.) — ‘сороковины’, *кырыгы* (тат.), *кырыкынчы* (кирг.); в названиях мест: *ожмах* (башк., тат.) — ‘рай’, *ужмак* (казах, кирг.), *учмаг* (каракалп.); *тамук* (башк., казах.) — ‘ад’, *тамык* (кирг.); в названиях участников, объектов обряда: *үлек* (башк., тат.) — ‘покойник’, *өлик* (каракалп.), *өлүк* (кирг.), *өлік* (казах.).

Общеизвестно, что башкирский язык имеет значительные лексические расхождения с языками других групп, таких как тувинский (тобаская группа), хакасский (кыргызская группа), чувашский (булгарская группа), но в общей лексике данных языков сохранился более древний домусульманский пласт погребальной терминологии: *һөйәк* (башк.), *соок* (хак.), *сөөк* (тув.) — ‘труп’; *тамук* (башк.), *тамы* (тув.) — ‘ад’, *ожмах* (башк.), *саммах* (чув.) — ‘рай’; *тынын акка сыгарыу* (баш.) — ‘испустить дух на белое’, *тынынг ниме* (хак.) — ‘душа’; *үкһез* (башк.), *окіс* (хак.), *өксүс* (тув.) — ‘сирота’.

В плане истории развития языка обращают на себя внимание слова, которые в современном башкирском языке в корневой форме не употребляются, но сохранились в составе производных слов, лексикализованных словосочетаний обрядовой лексики:

общетюркский корень *йе* ‘есть’ прослеживается в слове *емтек* — ‘падаль, труп’. Слово *өк / өг* ‘мать’ сохранилось в словосочетании *үкһез етем* — ‘круглая сирота’.

В составе башкирской погребально-поминальной лексики сохранились определенные общетюркские лексемы, которые ныне являются архаизмами: общетюркский *тамбал* ‘штаны’ — *тамбал* ‘слой савана, прикрывающий половые органы’, *тон* ‘одежда’ — *тышкы тун*, *хөллә туны*, *тез туны* — названия частей савана. Как уже было отмечено, в современном языке значение слова *тун* сузилось, а в составе обрядовой лексики сохранилось его общетюркское значение. Таким образом, результаты наших исследований показали, что башкирский погребально-поминальный обряд в целом функционирует на основе исламских канонов [14], но его лексика все еще хранит следы общетюркской и древнебашкирской материальной и духовной культур.

В силу этого структура обряда, его символы, функциональная сущность во многих случаях отображают древние представления предков башкир о вечном мире.

Исследование истории формирования погребально-поминальной терминологии башкирского языка позволяет внести ясность в историю, этимологию языка, а также позволяет выявить древние элементы башкирской и общетюркской культур.

Список литературы

1. Антология башкирской литературы. Том первый. XIII–XVIII вв. — Уфа, 1999. — 464 с.
2. Башкирское народное творчество: Обрядовый фольклор. — Уфа, 1995.
3. Дастан о Культегине // Ватандаш. — 1997. — № 4. — С. 72–91.
4. Диалектологический словарь башкирского языка / Рос. акад. наук, Ин-т истории, языка и лит. Уфим. науч. центра. — Уфа : Китап, 2002. — 432 с.
5. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. — Л., 1969. — 676 с.
6. Ишбердин, Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка / Э. Ф. Ишбердин. — М., 1986. — 152 с.
7. Кашгари, М. Девону лугат ит-турк / М. Кашгари. — Анкара, 1939. — Т. 1. — 530 с.; Анкара, 1940. — Т. 2. — 366 с.; Анкара, 1941. — Т. 3. — 452 с.
8. Мажитов, Н. А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. — Уфа, 1994. — 360 с.
9. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — М., 1996. — 416 с.
10. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. — СПб., 1893–1911. — Т. 1–4.
11. Рамстед, Г. И. Введение в алтайское языкознание / Г. И. Рамстедт. — М., 1957.
12. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Э. В. Севортян. — М., 1974; 1978; 1980; 1989.

13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — М., 2001. — 822 с.
14. Сулейманова, Л. Р. Лексика и фразеология погребально-поминального обряда в башкирском языке (этнолингвистический анализ) : дис. ... канд. филол. наук / Л. Р. Сулейманова. — Уфа, 2006.
15. Сулейманова, Л. Р. Лексика и фразеология погребально-поминального обряда в башкирском языке (этнолингвистический анализ) / Л. Р. Сулейманова. — Уфа, 2011. — 196 с.
16. Сулейманова, Л. Р. Этнолингвистический анализ погребальной лексики башкирского языка / Л. Р. Сулейманова, Ф. М. Сулейманов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. — С. 120–122.
17. Сулейманова, Л. Р. Антропонимы арабского происхождения с религиозной семантикой в башкирских шежере / Л. Р. Сулейманова, Ф. М. Сулейманов, Н. А. Ласынова // Вопр. ономастики. — 2016. — Т. 13, № 1. — С. 117–128.
18. Фатыхова, Ф. Ф. Традиционные представления башкир о рождении и смерти / Ф. Ф. Фатыхова // Башкирский фольклор: исследования и материалы : сб. ст. — Уфа, 1999. — Вып. III. — С. 107–118.
19. Хадыева, Р. Н. Этнолингвистический словарь башкирского языка / Р. Н. Хадыева. — Уфа, 2002. — 176 с.
20. Хисамитдинова, Ф. Г. Понятие «өлөш» («доля») в башкирской мифологии / Ф. Г. Хисамитдинова // Ватандаш. — 2003. — № 1. — С. 103–106.

Сведения об авторе

Сулейманова Луиза Рауфовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирской и русской филологии, Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета. Сибай, Россия. Luizasul22@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 8 (404). Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 63–69.

THE TURKIC LEXICS IN THE BASHKIR FUNERAL CEREMONY

L. R. Suleymanova

Sibay institute (branch) of Bashkir state university, Sibay, Russia. Luizasul22@yandex.ru

The origin of the funereal lexics in the Bashkir language in the given article is studied on the base of the linguistic, folklore and ethnographic data. From the genealogical point of view the most ancient stratum of the ceremony terminology is referred to the universal Turkic lexics, characteristic for many Turkic languages. The study of their etymology and semantics reveals the information about different ancient funereal ceremonies and rites and the archaic ideas of the universe of the Bashkirs' ancestors. Islam introduced into the funereal terminology the Arabisms. The article studies the Turkic lexics of the Bashkir funeral ceremony.

According to our data, the Bashkir funeral ceremony, in general, functions on the base of Islamic canons, but in its lexics it keeps the elements, characteristic for the universal Turkic and ancient Bashkir cultures. As the result, the structure of the ceremony, its symbols, the functional essence in many cases reflect the ancient ideas of Bashkir people about the everlasting peace.

The investigation of the history of formation of the funereal terminology of the Bashkir language allows to clarify the questions of the history and etymology of the language and to reveal the ancient elements of the Bashkir and the universal Turkic cultures.

Keywords: *the Bashkir language, funereal ceremony, lexics and phraseology, the origin of lexics, the indigenous Bashkir (Turkic) lexics, the spiritual culture.*

References

1. *Antalogija bashkirskoj literatury. Tom pervyj. XIII–XVIII vv.* [Anthology of the Bashkir literature. Vol. 1. XIII–XVIII centuries]. Ufa, 1999. 464 p. (In Bashkirian).
2. *Bashkirskoje narodnoje tvorchestvo: Obrjadovyj folklor* [Bashkir folk culture: Ritual folklore]. Ufa, 1995. (In Bashkirian).
3. Dastan o Kultegine [Dastan about Kul Tigin]. *Vatandash* [Compatriot], 1997, no. 4, pp. 72–91. (In Bashkirian).

4. *Dialektologičeskij slovar' bashkirskogo jazyka* (Rossijskaja akademija nauk. Institut istorii, jazyka i literatury Ufmskogo nauchnogo centra) [Dialectological dictionary of the Bashkir language (Russian Academy of Sciences. Institute of history, language and literature of Ufa scientific center)]. Ufa, 2002. 432 p. (In Bashkirian).
5. Nadelyayev V., Nasilov D., Tenishev E., Scherbak A. (eds.). *Drevneturkskij slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, 1969. 676 p. (In Russ.).
6. Ishberdin E.F. *Istoricheskoje razvitije leksiki bashkirskogo jazyka* [Historic development of lexics of the Bashkir language]. Moscow, 1986. 152 p. (In Russ.).
7. Kashgari M. *Devonu lugat it-turk*, vol. 1. Ankara, 1939. 530 p.; vol. 2. Ankara, 1940. 366 p.; vol. 3. Ankara, 1941. 452 p. (In Turkish.).
8. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Istorija Bashkortostana s drevneishih vremen do XVI v.* [History of Bashkortostan from ancient time till XVIth century]. Ufa, 1994. 360 p. (In Russ.).
9. Makovskij M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologičeskij simboliki v indojevropejskih jazykah: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: Image of the world and the worlds of images]. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.).
10. Radlov V.V. *Opyt slovarja turkskikh narečij* [Experience of compiling the dictionary of Turkic dialects], vol. 1–4. St. Petersburg, 1893–1911. (In Russ.).
11. Ramsted G.I. *Vvedenije v altaiskoje jazykoznanije* [Introduction to Altaic linguistics]. Moscow, 1957. (In Russ.).
12. Sevortjan E.V. *Etimologičeskij slovar' turkskikh jazykov* [Etymologic dictionary of Turkic languages]. Moscow, 1974; 1978; 1980; 1989. (In Russ.).
13. *Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika turkskikh jazykov. Leksika* [Comparative historic grammar of the Turkic languages. Lexics]. Moscow, 2001. 822 p. (In Russ.).
14. Sulejmanova L.R. *Leksika i frazeologija pogrebal'no-pominal'nogo obrjada v bashkirskom jazyke (etnolingvističeskij analiz)* [Lexics and phraseology of the funereal ceremony in the Bashkir language (ethnolinguistic analysis)]. Ufa, 2006. (In Bashkirian).
15. Sulejmanova L.R. *Leksika i frazeologija pogrebal'no-pominal'nogo obrjada v bashkirskom jazyke (etnolingvističeskij analiz)* [Lexics and phraseology of the funereal ceremony in the Bashkir language (ethnolinguistic analysis)]. Ufa, 2011. 196 p. (In Bashkirian).
16. Sulejmanova L.R., Sulejmanov F.M. *Etnolingvističeskij analiz pogrebal'noj leksiki bashkirskogo jazyka* [Ethnolinguistic analysis of funereal lexics of the Bashkir language]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 16 (307), iss. 78, pp. 120–122. (In Russ.).
17. Sulejmanova L.R., Sulejmanov F.M., Lasynova N.A. *Antroponimy arabskogo proishozhdenija s religioznoj semantikoj v bashkirskih shezhere* [Anthroponyms of Arabic origin with religious semantics in Bashkir parentage]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics issues], 2016, vol. 13, no. 1, pp. 117–128. (In Russ.).
18. Fatyhova F.F. *Tradicionnyje predstavlenija Bashkir o rozhdenii i smerti Bashkirskij fol'klor: issledovanija i materialy* [Traditional views of Bashkirs on birth and death. Bashkir folklore: study and materials], iss. 3. Ufa, 1999. Pp. 107–118. (In Russ.).
19. Hadyjeva R.N. *Etnolingvističeskij slovar' bashkirskogo jazyka* [Ethnolinguistic dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2002. 176 p. (In Bashkirian).
20. Hisamitdinova F.G. *Ponjatije "dolja" v bashkirskoj mifologii* [Concept "lot" in Bashkir mythology]. *Vatandash* [Compatriot], 2003, no. 1, pp. 103–106. (In Russ.).

УДК 811.512.145; 81-112.2
ББК 81.2

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Исследуется своеобразие включения в Повесть о Петре и Февронии Муромских фольклорно-этнографического субстрата, создающего яркий сплав жития, календарной и семейной обрядности, что явилось одной из причин разрушения канонов агиографии и становления бытовой повести.

Ключевые слова: *житие, бытовая повесть, традиция, новаторство, семья, свадебный обряд, мудрая дева, мифологема зайца, зимние игрища.*

Полное название Повести пространно: «Повесть от Жития святых новых чудотворецъ Муромских, благовернаго и преподобнаго и достохвальнаго князя Петра, нареченнаго в иноческом чину Давида, и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвальныя княгини Февронии, нареченныя в иноческом чину Еуфросинии».

Предметом нашего исследования является текст, опубликованный в девятом томе Библиотеки литературы Древней Руси [37]. Широкая распространенность Повести зафиксирована М. О. Скрипилем, указавшим для подготовки к ее изданию 60 списков из 120, датированных XVI в. [34].

Повесть имеет длительную историю изучения. Первым подошел к ее исследованию Ф. И. Буслаев. Предметом его анализа была рукопись XVII в. [9]. Об интересе Ф. И. Буслаева к произведению свидетельствует неоднократное обращение к ней [7]. Исследование Повести входило в значительный комплекс его работ о моральном наследии древнерусской жизни. Он стремился заметить то позитивное, что отстоялось, отложилось, зафиксировалось в традиционных формах культуры [8]. Ф. И. Буслаев подчеркнул важность и нужность изучения Повести, назвав ее дивной и глубоко национальной. Он рассматривал ее в ряду произведений, в которых «по преимуществу выражается во всей полноте жизнь народа <...>, которые <...> наиболее проникнуты творчеством народной фантазии» [4. С. 485]. Это вневременное звучание старинного произведения проявилось в последние десятилетия XX в. Оно оказалось созвучным и началу XXI в. Его включили в школьную программу. Обсуждается оно и на страницах профессиональных учительских журналов [11]. В честь

Петра и Февронии учрежден День семьи, любви и дружбы — 8 июля. В этот день они «<...> помолившись предаста святая своя душа в руке Божии месяца июня в два десять пятый день».

Мы принимаем устоявшуюся точку зрения на Повесть как творение монаха Ермолая-Еразма, датируемое сороковыми годами XVI в. [15; 21; 25] (по другой точке зрения время создания повести связывается с XV в. [20; 34]). Датировка произведения важна не только для его творческой истории, но и для выявления локальной фольклорной и литературной традиции конкретных темпоральных рамок.

Проблема фольклоризма Повести впервые поставлена Ф. И. Буслаевым. Он отметил связь литературного памятника с двумя «славянскими преданиями»: о битве со змеем и о вещице деде [10]. Сопоставительный анализ привел Ф. И. Буслаева к выводу о том, что это произведение является самым замечательным из всех славянских преданий о битве со змеем и о вещице деде. Буслаевым выделены в Повести признаки «мифологического происхождения», их спаянность с христианством, что явилось основой удивительной палитры двоеверия, пронизывающего искусство перехода от мифологического содержания поэзии к христианству [10]. При этом подчеркивалась связь Повести с русской действительностью, русской ментальностью. Проблемы, поставленные Ф. И. Буслаевым, стали значимыми для отечественных медиевистов. В 1949 г. В. П. Адрианова-Перетц назвала проблему связи Повести с эпическими фольклорными жанрами важной и перспективной [1]. Подход к Повести, ею обозначенный, стал основополагающим в изучении фольклоризма древнерусской литературы. В этом же году была опубликована статья М. О. Скрипиля,

в которой исследована специфика работы древнерусского автора над фольклором своего времени [33]. Позже углубила эту мысль В. П. Адрианова-Перетц, разрабатывая проблему фольклоризма древнерусской литературы [1]. Внимание к проблеме связи Повести с фольклором обострилось во второй половине XX в. [12; 27; 28]. Сказочный мотив стал предметом специального исследования. Разработка проблемы связи Повести со сказочным эпосом, фольклорными образами входит в широкий контекст европейского вербального творчества, в рамках которого заняла свое место и муромская Повесть: «Песни, сказки и легенды и похищенных змием красавицах так распространены в словесности почти всех народов, что почти совершенно излишним доказывать это сличениями» [10].

В качестве методологической основы исследования определяющую роль играет концепция В. П. Адрианова-Перетца о двух формах работы древнерусского книжника над устной словесностью. Первая — «<...> прямое перенесение в литературу фольклорных сюжетов, мотивов или изобразительных художественных средств без изменения их идейности». Вторая форма — «<...> освоение литературой художественного метода народной поэзии, определяемое совпадением оценки событий и цели их художественного воспроизведения» [1. С. 149]. В Повести реализована вторая форма: внутреннее родство Повести и фольклора — литературного и фольклорного произведений. Она базируется на двух основах: во-первых, опоре автора на устную традицию. Он сам отметил фольклорную основу своего произведения. В обращении к святым героям автор подчеркнул: «Да помянете же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах, неведыйи, аще инии суть написали, ведущее выше мене» [37. С. 471]. Во-вторых, «мысль семейная». Ей подчинена внешняя архитектура произведения. Начало Повести перекликается с ее концом, замыкая мысль семейную в кольцо — своеобразный магический круг, оберег. Первые же строки погружают читателя в «мысль семейную»: оскорблена семейная честь муромского князя, а не княжеский престол. Петр вступает в схватку со змеем не за Муром, а за честь брата. Все поступки Февронии направлены на создание и сохранение семьи. Мотив ее участия в управлении государством тоже «подтянут» к семье: Петр и Феврония свою княжескую службу несут семейно. Их семейный лад — основа мира и покоя в значитель-

ном крае русской земли. Гимном семейного мира заканчивается Повесть. За что воздается слава Петру и Февронии? Все за то же — за высокое служение семейному ладу, который отзывается благодетельным эхом по всей Муромской земле. Обратимся к тексту. По известной мифологеме троичности князь и княгиня славятся автором за следующие дела:

1. Петр — за то, что убил свирепого летающего змея — разрушителя семьи; Феврония — за то, что в ее женской голове мудрость святых мужей заключалась;

2. Петр — за то, что мужественно перенес «болезнь», перетерпел ее; Феврония — за то, что еще в девичестве владела даром исцелять недуги.

3. Петр — за то, что не нарушил заповеди Божьей, не оставил супругу; Феврония — за дар превращать части в целое, за способность возрождать жизнь.

Обоим «преблаженным супругам» воздается хвала по той же системе троичности: упоминаются две милости Бога и одна всеобщая молитва благодарных им христиан [37]. Заметим, что сама троичность входит в мифопоэтическую систему, с помощью которой описывается мир, человек и сама система метаописания. Число три не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации [22].

Мысль семейная, естественно, потребовала введения элементов обрядов, связанных с институтом брака. По этой части относительно Повести в отечественной науке есть некоторые наработки [42]. Нам представляется возможным выделить мотивы, которые восходят к циклу обрядов, связанных с институтом семьи: досвадебный период, свадьба, послесвадебные обычаи. Ермолай-Еразм тесно перевил мифологему, идущие из глубокой древности, этнические нравственные установки, главные идеи русской цивилизации XVI в. и бытовавшие в то время обряды. В неразделимом сплаве соединены мысль семейная и мысль государственная. Этот монолит не дробится. Получается, что семейный лад возможен при условии общественного лада, а общественное спокойствие зависит от семейного лада. Многие из муромских вельмож, разрушавших великокняжескую семью, оставшись без умного «отеческого» правления «во граде погибоша от меча». Только мудростью Февронии-жены, перехитрившей муромскую знать, спасены и земля Муромская, и великокняжеская семья.

Отметим элементы досвадебных обрядов — то, что подготавливало свадьбы и семьи [6]. Т. А. Бернштам рассматривает этот период жизни молодежи как сакральный [6]. Это касалось всего молодежного коллектива и отдельного человека. Предполагался своеобразный экзамен на умение трудиться, быть хозяйкой, создавать из нити все необходимое в хозяйстве: от мешка до положка [19]. Прясть, ткать, шить, вышивать начинали девушки с великого Поста [41]. Второй круг знаний и умений их связан с игрищами, которые уже в XIX в. утрачивали в восприятии исполнителей языческую семантику, все более становясь развлечением, приуроченным ко времени между Рождеством и Крещением. Однако архаические воззрения, отголоски древних обрядов продолжали жить. Потенциальные невесты обязаны были быть в «хороводе» — участвовать во всем комплексе игрищных действий: гаданиях, загадывании/отгадывании загадок, разыгрывании хороводно-игровых песен с их «верчением и кручением». Генетическая память об игрищах как важных для общины действиях обеспечивало молодежи (даже в старообрядческой среде) беспрепятственное посещение их. Девушки, судя по действиям на игрищах, соотносились со «знатками», которые угадывали будущее, общались с тотемами, в том числе и с предками, чем обеспечивали личное и общее благополучие. Им вменялось в обязанность нанесение на ткань вышитых оберегов. Опотропейной силой наделялась и просватанная девушка. Метонимия ее девичества — наряженный веник — должен был оградить от злых сил все закоулки села. С веником ездили наряженные подружки невесты. Еще в 20–30-е гг. XX в. по всему Притоболью держался обряд, который обязывал подружек невесты ездить по всему селу с наряженным веником: «После бани веник украшали бантиками, букетами, а потом ездили по Галишовой, гуляли с этим березовым веником» [13. С. 65]. Принято было посещать и другие села [13].

Сопоставление Повести и обрядового компонента русской культуры позволяет видеть в образе Февронии уже при первом знакомстве с ней девушку-невесту, которая ткёт не только вещь — предмет приданого, но и создает тканый узор своей жизни — будущей жены. В. И. Чичеров на большом материале сделал вывод о том, что работа с нитью — не просто бытовой процесс превращения одного предмета в другой, нужный в хозяйстве, а сакральное действие мировоззрен-

ческого характера девушек [44]. Архаическое сознание наделяло пряжу свойством совершать превращения. Они воспринимались владелицами тайных знаний. Так что Феврония не просто занята нужной в хозяйстве работой. Она демонстрирует готовность к браку, желание создать семью, она «ткет» судьбу. Знакомство с будущим мужем через его отрока начинается в то время, когда Феврония подготавливает приданое, демонстрируя свой статус девицы на выданье. Это соответствует содержанию вечорок: девушки в присутствии парней вязали, вышивли, пополнив «глухой возок».

Писатель подчеркнул зрелый ум героини, ее провиденциализм, владение тайнами лечения и превращения мертвого в живое, а также тайной речью. Первое ее появление на страницах Повести поражает отрока, вошедшего в ее дом: «И вниде в храмину и зря видение чудно: сидяше бо едина девица, ткаше кросна, пред нею же скача заец» [37. С. 458]. То, что девица сидит одна, не удивляет. С одной стороны, все старшие ушли по своим делам, а дом стеречь надо, а с другой — с кроснами в беседу не ходили, ткали в своих домах. Символичен мотив скачущего перед девушкой зайца.

Почему этот образ вошел в круг обрядовых песен, почему этот зверек скачет перед девицей? Попробуем найти объяснение. Во-первых, ответим на вопрос, почему этот мелкий обитатель полей и лесов достоин чести входить в сюжеты фольклорных песен и Повести. Все дело в причинах надления его мифологическим сознанием сверхъестественными способностями. Он — своеобразный оборотень, меняющий свой внешний вид: зимой белый, летом — серый. Немаловажна его подвижность — свойство лесных духов. Третье — его реальная плодовитость, которая по мифологическим представлениям способна передаться человеческому обществу. И последнее: его подвижность соотносима с молодостью. Песенный заяц помещен внутрь хоровода, окружен девушками подобно молодцу.

Автор XVI в., следуя устному фольклорному сюжету, отразил народное представление о чудесной природе зайца как животного, наделенного «эротической (фаллической) символикой и демоническими свойствами» [35. С. 190]. В хороводных песнях — он метонимия жениха, который пользуется вниманием девушек. Большинство из песен с образом зайца заканчивается поцелуем, что позволило Ю. Г. Круглову выделить поцелуй-

ные песни в отдельное жанровое объединение [18]. Отмечалась их архаическая природа, затененная временем [23]. Эти песни мотивом поцелуя несли идею совершенства целостного, чего бы это ни касалось [40]. По мнению Ю. Г. Круглова, поцелуй — это «<...> главное содержание и основная цель исполнения песен» [18. С. 126]. Поцелуй репрезентируется как эротический символ, как знак плодородности. Известно, что на Брянщине женщины во время первого выгона скота целовали пастуха, чтобы коровы «гуляли» [35]. В основном же песнями в первую очередь предполагалось вызвать благополучие и единство определяющейся пары: будущих невесты и жениха. Песни входили в круг действий, имевших заклинательный характер. Не случайно они приурочивались к зимнему периоду земледельческого русского календаря, когда в соответствии с языческими верованиями заклиналась молодая, сексуальная сила, которая должна была воздействовать на плодородность, повышение урожайности. Молодежные игрищные песни с образом зайца с его эротической символикой отвечали задачам зимнего периода земледельческого календаря. В эту пору человек стремился воздействовать на природу и вызвать продолжение жизни каждой семьи, сообщества, природы. Зимние святки были «заклинательным комплексом», «во время которого подводились итоги прошедшего года...» [32. С. 664]. Б. А. Рыбаков выделил по функциональной направленности два типа обрядов этого цикла: одни заклинали урожай, другие — создание семьи. Вместе они составляли единое целое, в котором одно зависело от другого.

Обратимся к поцелуйной песне с образом зайца, которая бытовала в северных районах Зауралья, а также в Сибири. Зайка в песне, подобно собрату из произведения середины XVI в., скачет — танцует. Поцелуйная концовка расшифровывает метонимию. Заяц — это молодец, которого следует «целовать в уста», с ним будет создана семья:

«Зайка беленький,
Зайка серенький,
Зайка в сторону скочил,
Чаю, сахару купил.
Он в другую ступил,
Там река глубока,
Речка тиновая,
Рябиновая.
Там рябинушка густа,
Целуй молодца в уста,

Целуй молодца в уста,
Восемь раз пожалуйста» [40. С. 158].

В сибирской песенной традиции заяц одаривает девушек гостинчиком, что соотносимо с обязанностью юношей приносить на игрища орехи, семечки, символика которых как плодоношения известна:

«Ох, зайнька, ох, серенький, ой,
Зайка, зайка серенький,
Зайка, зайка серенький.
Ать, что тебя, ать, что же тебя,
Ать, тебя долго с вечера неть,
Ать, знать, тебе привадушка есть,
Привадушка, привадушка,
Привадушка — сера зайнька.
Привадушка — сера зайнька,
Приводила, заставила,
Заставила часто в гостики ходить,
Заставила часто в гостики ходить,
Приневолила, приневолила,
Приневолила, приневолила,
Приневолила гостинчики носить...» [43].

В другой песне девушки просят «заеньку» поплясать в хороводе [29]. Пляска зайца перед Февронией вплетается в сюжет, предопределяя его движение к мотиву создания семьи.

Ипостась зайчика-дарителя перешла в бытовую культуру. Он стал ассоциироваться не только с персонажем молодежных игр, но и с щедрым зверюшкой, передающим подарок детям: «От зайчика гостинчик».

Положение заюшки как жениха подчеркивается местом его в середине хоровода — круга, а также венком, который он должен с поклоном поднести девушке, а потом поцеловать ее [30]. Расставание с холостой свободой символизируют закрытые ворота, за которые заюшке не выскочить.

Соотнесенность образа «зайньки» с брачной символикой отражена в «прибабуньках» — контаминированных песенках, в которых объединены образы — символы свадьбы: церковь, мужья, мука для каравая, зайка беленький. Песенки предназначались для общения с детьми. Изначально эти тексты, построенные по структуре обрядового диалога, имели, вероятно, сакральное значение:

– Заинька беленький,
Где ты был?
– На мелевке.
– Что делал?
– Мучку молол.

- Где мучка?
- Миколка украл.
- Где Миколка?
- В церковь ушел.
- Где церковь?
- Водой снесло.
- Где вода?
- Быки выпили...

В продолжительном диалоге одним из самых суженных мотивов является замужество «девок» [39]. Мотив пляшущего зайца перед девушкой на выданье вводит Повесть в широкий контекст мировой культуры. Заяц один из наиболее прошедших в культурный обиход современного человека бестиарных образов.

С игрищами соотносится Повесть обращением к загадкам и «клюкам» — иносказательной речи. Загадки и «клюки» в Повести содержанием не выходят за рамки семьи, дома — мира Февронии-девушки. Приведем первую из них: «Нелепо есть быти дому безо ушю и храму безо отчию!» Объемом содержательности образы загадки (отгадки) располагаются по принципу ступенчатого сужения лирических образов, разработанному Б. М. Соколовым (цит. по: [31]). Этот принцип используется и другими жанрами. Писатель XVI в. владеет принципом структурирования фольклорных текстов, что и переносит в свое произведение. По логике значимости в жизни семьи как объединяющего центра назван сначала дом. Феврония, подчиняясь фольклорной традиции, называет сначала более значимые для семьи фигуры — отца и мать, которые ушли в «заем плакати». Замыкает персонажный ряд брат — наиболее суженный образ. В соответствии с фольклорной традицией, последний с точки зрения художественного задания является наиболее важным. На нем-то, собственно говоря, и фиксируется главное внимание [36]. В тексте повести на образе брата более всего «фиксируется внимание», так как работа его опасна: «Брат же мой ныне на таково дело иде, и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет. Сего ради рех, яко идет чрез ноги в нави зрети» [37. С. 460].

Итак, Феврония созрела для создания семьи: умеет работать, обладает даром предвидения и неведомой другим силой (перед ней скачет заяц), а также владеет тайнами целительства, мудростью.

А что Петр? Сопоставление с этнографическими материалами и фольклором подводит к за-

ключению о том, что он прошел обряд инициации. Подобно сказочным героям он убивает змея, преодолевает чувство боли — такой, что казалась смертельной, и возрождается к жизни.

Готовность героев к браку должна была найти выход в создании семьи, что в свою очередь требовало включения в Повесть хотя бы некоторых структурных единиц свадебного обряда. В частности, в соответствии с традицией Ермолай-Еразм верно отметил своеобразие сватовства как необходимого элемента обряда. Сватовство еще не означало начало свадьбы, но оно было ступенькой к рукобитью (зарученью). Без сватовства не могло быть свадьбы, но оно еще не означало окончательного решения вопроса. Сватам отказывали, но чаще всего отказ был формальным. Первичный отказ имел мировоззренческие истоки, которые уступили место этическим. Родители невесты в позднее время «набивали цену» своей семье, показывая, будто бы не торопятся выдавать дочь замуж: и не засиделась, и выбор есть.

Своеобразие сватовства в Повести состоит в том, что оно исходит от Февронии. На первый взгляд, Феврония ведет себя нескромно, предлагая себя в жены Петру. Причем не просто предлагая, а настойчиво требуя: или женись, или болей. Она не оставляет выбора жениху. Ее право на первое и решительное слово в истории создания семьи защищено аналогичным поведением лучших сказочных героинь, наделенных магическими свойствами. Известная лягушка, она же царевна, поймав стрелу Ивана-царевича, тоже предъявляет свои законные права по принципу «договор дороже денег». Поступают эти героини в соответствии с архаичной формой брака по инициативе женщины, что дает о себе знать в позднее время отдельными мотивами [3]. Они сохранились или в этнографии, или в фольклоре. Два примера. В старообрядческой традиции северных районов Зауралья в день венчания и свадебного пира — самого знакового компонента свадьбы — невеста «выбирала» своего суженого. Что происходило? Приезжал поезд жениха и выстраивался двумя рядами (мужским и женским). Невеста спускалась с крыльца, по очереди здоровалась со всеми через платок. Последним был жених, его-то она и вела по ступенькам в дом, усаживала за столы дубовые [17]. В воронежском варианте сказки «Царевна-лягушка» лягушка в болоте взяла стрелу младшего сына. Он настойчиво и слезно просит: «Лягушка, лягушка! Отдай мою стрелу!» В ответ слышит: «Возьми меня замуж».

Матримониальная активность женщин проявляется в сказках, сохранивших глубинную архаику.

В соответствии с драматургией свадьбы в Повести значительная роль отведена дарам как форме скрепления двух семей, родни, локуса. Благополучный исход сватовства обязывал жениха и невесту к взаимному одариванию — обмену дарами. Напомним, что только второе сватовство Февронией завершилось успешно: князь готов жениться. Семантика даров действительно ведет в глубинную мировоззренческую архаику. Невесты дарили предметы, созданные из нити — сакрального, связующего, объединяющего предмета. В соответствии с обрядом и по аналогии со сказкой Феврония готова одарить жениха традиционными подарками. В реальной действительности невесты дарили «<...> подвенечную рубаху, пояс, опояску, шейный платок, а иногда штаны и азиям или поддевку» [19]. Н. В. Зорин сделал вывод о сакральной семантике даров. По его мнению, институт товарообмена, сложившись в доклассовом обществе, имел диасмические (соединительные) и апотропические (отгонные, отвращающие зло) магические функции [16]. Неукоснительное соблюдение традиции, восходящей к глубинной архаике, позволили удержаться обычаю одаривания даже в царской свадьбе XVI в. [17; 38]. На Вологодчине в обязательном порядке жениху подносили рубаху, кальсоны [5]. Феврония, вероятно, знала обычай, не удивившись требованию князя подготовить ему такой приземленный, на первый взгляд, подарок: «срачицу, порты и убрусец». Другое дело, что эти вещи должны быть сакрально отмеченными: сделанными, пока он будет в бане. Предметы не названы «обыденными», но это подразумевается [14].

Затребованный Февронией подарок не выходит за рамки традиции. Обобщая широкий массив материалов о свадьбе, А. А. Терещенко подчеркивает преобладание в составе даров жениха предметов из нити и предметов, нужных для работы с ней: «Накануне венчания приглашался в дом жениха семи или шестилетний мальчик для укладки в ларчик вещей, купленных для невесты». В ларец входили серьги, опахала, пряжки, белила, румяна, перчатки, иголки, нитки, ножницы [38]. Пародийный характер требования подарков задан Петром, стремившимся избежать брака с Февронией. Однако героиня поняла своеобразную загадку и загадала свою, которая оказалась не по силам князю. Он принял упрек и настав-

ление мудрой девы: «А се ли възможно есть человеку мужеска возрасту въ едином повесе лну в малу годину, в нюже пребудет в бани, сътвори-ти срачицу и порты и убрусец?» [37. С. 462].

С позиций народных представлений в сюжет вкраплен мотив фертильности молодой замужней женщины — ее способности давать жизнь, плодотворно влиять на окружающую действительность. В сказке «Царевна-лягушка» героиня проявляет свои животворящие способности после фактического брака. Мотив продуцирующей магии молодоженов известен в обрядах многих народов. Так, у немцев и в начале XX в. сохранялся обычай, обязывающий молодоженов на масленицу кропить освященной водой поля [26]. Мифологема продуцирующей магии «молодых» активно бытовала в обрядах 30-х гг. XX в. Так, по всему Поирюмью (бывший Шадринский уезд) молодым вменялось обязательное посещение всех селений округа в престольные праздники. Молодые пары выстраивались друг за другом поездом и двигались по всему селу, не оставляя вниманием даже переулочки. Жители считали количество пар, создавшихся в этом году. Если больше, чем в прошлом году, то надеялись на хороший урожай и в целом на благополучие года. Меньшее количество пар в сравнении с прошлым годом считалось знаком неблагоприятия. Поэтому в случае болезни одного из супругов второй был обязан ехать, взяв кого-нибудь с собой [2].

Ермолаем-Еразмом отражено бытование в Муромской земле XVI в. мифемы фертильности молодой женщины, ее способности давать жизнь. Феврония—девица помещена в ситуацию игрищ. Пространством и временем она объединена с зайцем-женихом. Это своеобразная прелюдия к браку мудрой девы, способной знать будущее, ткать свою судьбу и наполняться жизненными токами зайца. Феврония-женщина дает жизнь. Это другая стадия бытия героини. Напомним текст: «Вечеру же приспеву, начаша ставитие на брезе... На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче поварь его древца малы, на них же котлы висяху. По вечера же светая княгини Феврония, ходящи по берегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: “Да будут сия на утрии древце велико, имущи ветви и листвие”. Еже и бысть: вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие имущи ветви и листвие» [37. С. 466].

Превращение хлебных крошек, собранных Февронией в руку за столом, — результат

воздействия той магической силы, которой наделена замужняя женщина. Мотивом превращения Повесть соотносится с былинами, сказками, легендами, балладами, быличками.

Фольклорно-мифологическим контекстом создается узор жизни Февронии: от положения невесты до последнего вздоха. Мотив с нитью является сюжетообразующим, началом одного из рубежей жизни героини и переходом ее в высокий мир святости. Первый этап — обычная работа девушки на выданье. Она занята прозаическим делом — ткачеством, хотя и сопряженным с сакральностью нити. Нитью задана судьба героини от смотрин и сватовства до смертного часа — к святости. Заканчивается жизненный путь высокодуховным делом — вышиванием Покрова святой Богородицы и единением с Петром на веки вечные в едином гробу, приобщением обоих к лику святых. Автор знает не только прием параллельного изображения явлений, событий, но и прием зеркального отражения поступков героев, их мыслей, настроений. В этом сопоставлении они предстают духовно созревшими. Уже не Феврония, а Петр зовет ее разделить путь в другую жизнь — жизнь святости. Феврония, в свою очередь, не ставит земных условий Петру. Верная в этом мире жена, она идет вслед за ним в мир иной. Петр не нарушает договоренности о совместном переходе через грань жизни, а Феврония перестала быть «мудрой знаткой», общившись к иноческому чину.

Повесть о христианских святых отразила мировоззренческую мифологическую основу ряда компонентов. В частности, писатель по мифо-

логической традиции использует сакральную троичность, которая представляет собой «<...> не только образ абсолютного совершенства, превосходства <...>, но и основная константа мифопоэтического микрокосма и социальной организации (включая и нормы стандартного поведения)» [22. С. 630].

Глубина культурной памяти прорвалась в Повести мотивом инициации Петра. Естественно, нельзя не учитывать историческое развитие древних социальных институтов, мифов, которые доходят до позднего времени не в «чистом» виде. Опора на историко-генетический метод, примененный В. Я. Проппом [24] при исследовании исторических корней волшебной сказки, и широко введенные в науку фольклорно-этнографические материалы позволяют увидеть подтекст трансисторической обрядовой культуры. Иницируемый персонаж в соответствии со смыслом обряда проходит через физическое испытание. Важность для автора этого мотива проявляется в похвале блаженном Петру. Еще раз обратим внимание на то, что корни комплекса мотивов инициации Повести восходит не к обряду, а к тому фольклорному материалу, о котором упомянул автор.

Таков причудливый узор произведения, прославившего культ семьи, социального покоя и мудрого единовластного правления. Ермолай-Еразм, опираясь на разные исторические пласты этнографии и фольклора, создал уникальную литературную форму, которая служила целям христианства, государственности и семьи.

Список литературы

1. Адрианова-Перетц, В. П. Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы) / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1949. — Т. VII.
2. Архив кафедры русской литературы и фольклора КГУ. Колл. «Яутла-90».
3. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. — М., 1985. — Т. II.
4. Афанасьев, Э. Примечания / Э. Афанасьев // Буслаев, Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи / Ф. И. Буслаев. — М., 1990.
5. Балашов, Д. М. Русская свадьба / Д. М. Балашов, Ю. И. Марчeenко, Н. И. Калмыкова. — М., 1985.
6. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX века / Т. А. Бернштам. — Л., 1988.
7. Буслаев, Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси / Ф. И. Буслаев // Буслаев, Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. — М., 1990.
8. Буслаев, Ф. И. Сравнительный взгляд на историю искусства в России и на Западе / Ф. И. Буслаев // О литературе. Исследования. Статьи. — М., 1990.
9. Буслаев, Ф. И. Статьи. Песни «Древней Эдды» о Зигурде и Муромская легенда / Ф. И. Буслаев // Буслаев, Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. — М., 1990.

10. Буслаев, Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. — М., 1990.
11. Ганиев, Ж. В. Риторические приемы в «Повести о Петре и Февронии Муромских» / Ж. В. Ганиев // Лит. в shk. — 2013. — № 6. — С. 15–18.
12. Дмитриева, Р. П. Древнерусская повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов / Р. П. Дмитриева // Рус. лит. — 1974. — № 4. — С. 90–99.
13. Екимов, М. Г. Русская свадьба Среднего Приоболья (Курганская область) / М. Г. Екимов. — Курган, 2002.
14. Зеленин, Д. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 / Д. Зеленин. — М., 1994.
15. Зимин, А. А. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии / А. А. Зимин // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1957. — Т. XIV.
16. Зорин, Н. В. Обрядовые функции одежды в русском свадебном ритуале среднего Поволжья / Н. В. Зорин // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (Историко-этнографические очерки). — Казань, 1990.
17. Катошихин, Г. К. О Московском государстве в середине XVI столетия / Г. К. Катошихин // Русское историческое повествование XVI–XVIII вв. — М., 1984.
18. Круглов, Ю. Г. Русские обрядовые песни / Ю. Г. Круглов. — М., 1978.
19. Лебедева, А. А. Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX — начала XX века) / А. А. Лебедева // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. — Л., 1978.
20. Лихачев, Д. С. Повесть о Петре и Февронии Муромских / Д. С. Лихачев // Лихачев, Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачев. — М., 1975.
21. Минеева, С. В. История древнерусской литературы : учеб. пособие / С. В. Минеева. — Курган, 2002.
22. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М., 1994. — Т. II.
23. Новоселова, Н. А. Жанровое своеобразие сибирской проходочной припевки / Н. А. Новоселова // Сибирский фольклор. — Новосибирск, 1980. — С. 69–82.
24. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л., 1986.
25. Ржига, В. Ф. Повесть о Петре и Февронии в русской литературе / В. Ф. Ржига // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1957. — Т. XIII.
26. Рикман, Э. А. Место даров и жертв в календарной обрядности / Э. А. Рикман // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. — М., 1983.
27. Росовецкий, С. К. вопросу о взаимосвязи «Повести о Петре и Февронии» с фольклором / С. К. Росовецкий // Вильнюсский государственный университет им. Капсукаса. XXI студенческая научная конференция : тез. докл. Филология и история. — Вильнюс, 1968.
28. Росовецкий, С. К. К изучению фольклорных источников «Повести о Петре и Февронии» / С. К. Росовецкий // Вопросы литературы. — Львов, 1973. — Вып. 1 (21). — С. 83–87.
29. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1997. — № 120.
30. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1997. — № 165.
31. Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике. — М., 1986.
32. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1988.
33. Скрипиль, М. О. «Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке» / М. О. Скрипиль // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1949. — Т. VII. — С. 139–167.
34. Скрипиль, М. О. Повесть о Петре и Февронии (Тексты) / М. О. Скрипиль // Труды отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1949. — Т. VII. — С. 215–256.
35. Славянская мифология. — М., 1995.
36. Соколов, Б. М. Эскурсы в область поэтики русского фольклора / Б. М. Соколов // Художественный фольклор. — М., 1926. — Вып. 1.
37. Сочинения Ермолая-Еразма. Повесть о Петре и Февронии Муромских // Библиотека литературы древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, А. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, И. В. Понырко. — СПб., 2000. — Т. 9.
38. Терещенко, А. В. Быт русского народа / А. В. Терещенко. — М., 1999. — Ч. II, III.

39. У kota-баюна : кн. для семейн. и дет. чтения / сост. В. П. Федорова. — Курган, 2012.
40. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья / В. П. Федорова. — Курган, 1997.
41. Федорова, В. П. Свадьба на Ирюме / В. П. Федорова. — Челябинск, 1994.
42. Фефелова, Г. Ю. Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики / Г. Ю. Фефелова // Русская агиография. — СПб., 2005. — С. 428–483.
43. Хороводные и игровые песни Сибири. — Новосибирск, 1985. — № 17.
44. Чичеров, В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX века / В. И. Чичеров // Труды института этнографии. Новая серия. — М., 1957. — Т. 40.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора, Курганский государственный университет. Курган, Россия. kafedrailif@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 8 (404). *Philology Sciences. Iss. 107. Pp. 70–80.*

FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC ASPECT OF THE TALE OF PETER AND FEVRONIA OF MUROM

V. P. Fedorova

Kurgan State University. Kurgan, Russia. kafedrailif@rambler.ru

The article is devoted to the peculiarity of inclusion of folk ethnographical substrate to the Story about Petr and Fevronya Muromsky. It creates the bright combination in a life story, calendar and family ceremonies, that was one of the reasons of destruction of canons in hagiography and formation of story of everyday life.

Keywords: *life stories, a story of everyday life, tradition, innovation, family, wedding ceremony, wise deed, mythologem of hare, winter public merrymakings.*

References

1. Adrianova-Peretz V.P. Drevnerusskaja literatura i fol'klor (k postanovke problemy) [Old Russian literature and folklore (to the statement of the problem)]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. VII. Moscow; Leningrad, 1949. (In Russ.).
2. *Arhiv kafedry russkoj literatury i fol'klora KGU. Koll. «Jautla-90»* [Archive of the Department of Russian Literature and Folklore of KSU. Call Yaouth-90]. (In Russ.).
3. Afanasyev A.N. *Narodnye russkie skazki : v 3 t.* [Folk Russian fairy tales in 3 vol. Vol. II]. Moscow, 1985. (In Russ.).
4. Afanasyev E. Primechaniya [Notes]. Buslaev F.I. *O literature. Issledovanija. Stat'i* [About literature. Research. Articles]. Moscow, 1990. (In Russ.).
5. Balashov D.M. Marchenko Yu.I., Kalmykova N.I. *Russkaja svad'ba* [Russian wedding]. Moscow, 1985. (In Russ.).
6. Bernshtam T.A. *Molodezh' v obrjadovoj zhizni russkoj obshhiny XIX — nachala XX veka* [Youth in the ritual life of the Russian community of the XIX — early XX century]. Leningrad, 1988. (In Russ.).
7. Buslaev F.I. Ideal'nye zhenskie haraktery Drevnej Rusi [Ideal female characters of Ancient Russia]. Buslaev F.I. *O literature. Issledovanija. Stat'i* [About literature. Research. Articles]. Moscow, 1990. (In Russ.).
8. Buslaev F.I. A [Comparative Perspective on the History of Art in Russia and in the West]. Buslaev F.I. *O literature. Issledovanija. Stat'i* [About Literature. Research. Articles]. Moscow, 1990. (In Russ.).
9. Buslaev F.I. Stat'i. Pesni «Drevnej Jedly» o Zigurde i Muromskaja legenda [Articles. Songs of “Ancient Edda” about Zigurda and Murom legend]. Buslaev F.I. *O literature. Issledovanija. Stat'i* [About literature. Research. Articles]. Moscow, 1990. (In Russ.).
10. Buslaev F.I. *O literature. Issledovanija. Stat'i* [About literature. Research. Articles]. Moscow, 1990. (In Russ.).
11. Ganiev Zh.V. Ritoricheskie priemy v «Povesti o Petre i Fevronii Muromskih» [Rhetorical techniques in “The Tale of Peter and Fevronia of Murom”]. *Literatura v shkole* [Literature in school], 2013, no. 6, pp. 15–18. (In Russ.).

12. Dmitrieva R.P. Drevnerusskaja povest' o Petre i Fevronii i sovremennye zapisi fol'klornyh rasskazov [Ancient Russian story about Peter and Fevronia and modern records of folklore stories]. *Russkaja literatura* [Russian literature], 1974, no. 4, pp. 90–99. (In Russ.).
13. Ekimov M.G. *Russkaja svad'ba Srednego Pritobol'ja (Kurganskaja oblast')* [Russian Wedding of the Middle Pritobolye (Kurgan Region)]. Kurgan, 2002. (In Russ.).
14. Zelenin D. *Izbrannye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture 1901–1913* [Selected Works. Articles on the spiritual culture of 1901–1913]. Moscow, 1994. (In Russ.).
15. Zimin A.A. Ermolaj-Erazm i Povest' o Petre i Fevronii [Ermolai-Erasmus and the Story of Peter and Fevronia]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. XIV. Moscow; Leningrad, 1957. (In Russ.).
16. Zorin N.V. Obrjadovye funkciony odezhdy v russkom svadebnom rituale srednego Povolzh'ja [Ritual functions of clothing in the Russian wedding ritual of the Middle Volga region]. *Semejnaja obrjadnost' narodov Srednego Povolzh'ja (Istoriko-jetnograficheskie očerki)* [Family ritual of the peoples of the Middle Volga region (Historical and ethnographic essays)]. Kazan, 1990. (In Russ.).
17. Katoshikhin G.K. O Moskovskom gosudarstve v seredine XVI stoletija [About the Moscow State in the middle of the XVI century]. *Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI–XVIII vv.* [Russian historical narrative of the 16th–18th centuries]. Moscow, 1984. (In Russ.).
18. Kruglov Yu.G. *Russkie obrjadovye pesni* [Russian ritual songs]. Moscow, 1978. (In Russ.).
19. Lebedeva A.A. Material'nye komponenty, ih karakter i rol' v tradicionnom svadebnom obrjade russkih starozhilov Tobol'skoj gubernii (XIX — nachala XX veka) [Material components, their character and role in the traditional wedding rite of Russian old residents of Tobolsk province (XIX — early XX century)]. Chistova K.V., Bernshtam T.A. *Russkij narodnyj svadebnyj obrjad. Issledovanija i materialy* [Russian folk wedding ceremony. Studies and materials]. Leningrad, 1978. (In Russ.).
20. Likhachev D.S. Povest' o Petre i Fevronii Muromskih [The Story of Peter and Fevronia of Muromsky]. Likhachev D.S. *Velikoe nasledie* [The Great Legacy]. Moscow, 1975. (In Russ.).
21. Mineeva S.V. *Istorija drevnerusskoj literatury* [History of Old Russian Literature: Textbook. Allowance]. Kurgan, 2002. (In Russ.).
22. *Mify narodov mira. Jenciklopedija : v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 vol. Vol. II]. Moscow, 1994. (In Russ.).
23. Novoselova N.A. Zhanrovoe svoeobrazie sibirskoj prohodochnoj pripevki [Genre originality of the Siberian passing vocation]. *Sibirskij fol'klor* [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1980. Pp. 69–82. (In Russ.).
24. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Leningrad, 1986. (In Russ.).
25. Rzhiga V.F. Povest' o Petre i Fevronii v russkoj literature [The Tale of Peter and Fevronia in Russian Literature]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. XIII]. Moscow; Leningrad, 1957. (In Russ.).
26. Rickman E.A. Mesto darov i zhertv v kalendarnoj obrjadnosti [The place of gifts and sacrifices in calendar rites]. *Kalendarnye obychai i obrjady v stranah zarubezhnoj Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev* [Calendar customs and ceremonies in countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs]. Moscow, 1983. (In Russ.).
27. Rosovetskii S.K. K voprosu o vzaimosvjazi «Povesti o Petre i Fevronii» s fol'klorom [To the question of the interconnection of the “Tale of Peter and Fevronia” with folklore]. *Vil'njusskij gos. universitet im. Kapsukasa. XXI studencheskaja nauchnaja konferencija. Tezisy dokladov. Filologija i istorija* [Vilnius state University of Kapsukas. XXI Student Scientific Conference. Theses of reports. Philology and history]. Vilnius, 1968. (In Russ.).
28. Rosovetskii S.K. K izucheniju fol'klornyh istochnikov «Povesti o Petre i Fevronii» [To the study of the folklore sources of the Tale of Peter and Fevronia]. *Voprosy literatury* [Questions of literature. Iss. 1 (21)]. Lviv, 1973. Pp. 83–87. (In Russ.).
29. *Russkie liricheskie pesni Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian lyrical songs of Siberia and the Far East], no. 120. Novosibirsk, 1997. (In Russ.).
30. *Russkie liricheskie pesni Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian lyrical songs of Siberia and the Far East], no. 165. Novosibirsk, 1997. (In Russ.).
31. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo. Hrestomatija po fol'kloristike* [Russian oral folk art. Reader on folklore]. Moscow, 1986. (In Russ.).

32. Rybakov B.A. *Jazychestvo Drevnej Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, 1988. (In Russ.).
33. Skripil M.O. «Povest' o Petre i Fevronii Muromskih v ee otnoshenii k russkoj skazke» [“The Story of Peter and Fevronia of Murom in her attitude to the Russian fairy tale”]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. VII]. Moscow; Leningrad, 1949. Pp. 139–167. (In Russ.).
34. Skripil M.O. Povest' o Petre i Fevronii (Teksty) [Story about Peter and Fevronia (Texts)]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. VII]. Moscow; Leningrad, 1949. Pp. 215–256. (In Russ.).
35. *Slavjanskaja mifologija* [Slavic mythology]. Moscow, 1995. (In Russ.).
36. Sokolov B.M. Jekskursy v oblast' pojetiki russkogo fol'klora [Excursions into the field of poetics of Russian folklore]. *Hudozhestvennyj fol'klor* [Art folklore. Iss. 1]. Moscow, 1926. (In Russ.).
37. Sochinenija Ermolaja-Erazma. Povest' o Petre i Fevronii Muromskih [Works by Ermolai-Erasmus. A Tale of Peter and Fevronia of Muromsky]. Likhachev D.S., Dmitriev A.A., Alekseeva A.A., Ponyrko I.V. (eds.). *Biblioteka literatury drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 9]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
38. Tereshchenko A.V. *Byt russkogo naroda* [Byt of the Russian people]. Moscow, 1999. Part II, III. (In Russ.).
39. Fedorov V.P. (ed.). *U kota-bajuna. Kniga dlja semejnogo i detskogo chtenija* [At the cat-bayun. The book for family and children's reading]. Kurgan, 2012. (In Russ.).
40. Fedorova V.P. *Svad'ba v sisteme kalendarnyh i semejnyh obychaev staroobryadcev Juzhnogo Zaural'ja* [A wedding in the system of calendar and family customs of the Old Believers of the Southern Trans-Urals]. Kurgan, 1997. (In Russ.).
41. Fedorova V.P. *Svad'ba na Irjume* [The wedding on Ilyum]. Chelyabinsk, 1994. (In Russ.).
42. Fefelova G.Yu. Povest' o Petre i Fevronii v kontekste tradicionnoj obrjadovoj praktiki [The Story of Peter and Fevronia in the Context of Traditional Ritual Practice]. *Russkaja agiografija* [Russian Hagiography]. St. Petersburg, 2005. Pp. 428–483. (In Russ.).
43. *Horovodnye i igrovyje pesni Sibiri* [Round-playing and playing songs of Siberia. No. 17]. Novosibirsk, 1985. (In Russ.).
44. Chicherov V.I. Zimnij period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarja XVI–XIX veka [The Winter Period of the Russian National Agricultural Calendar of the 16th-19th Century]. *Trudy instituta jetnografii. Novaja serija* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New episode. Vol. 40]. Moscow, 1957. (In Russ.).